

СВОДНЫЕ БРАТЬЯ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ

САМАНТА ТВИНН

АННОТАЦИЯ

Я не собиралась заниматься сексом с моими сводными братьями

Мисси

Мне дал имя семилетний мальчик, который нашел меня в мусорном контейнере, завернутую лишь в лохмотья.

Хадсон сказал, что влюбился в меня с первого взгляда и никогда не позволит мне уйти. Он держал свое обещание так долго, как только мог. Он и Флинт были моими сводными братьями, пока обстоятельства не разлучили нас.

Моя жизнь всегда была трудной, и неприятности не отпускали меня. Чат стал тем местом, куда я прихожу, чтобы поддерживать связь, но в этот раз я получила больше, чем рассчитывала.

Хадсон

Моё сердце принадлежит девушке, которую я никогда не видел.

Я создатель фантазий. Только имя в чате, палец и голос, и если вы стоите на балконе клуба «Запретный», я заставлю вас кончить.

Исключение лишь одно – светловолосая девушка, так похожая на маленькую фею, не оставляет меня в покое. Она целует меня и говорит, что хочет большего. Я чувствую, что знал её прежде, но готов нарушить все свои правила и любыми способами отвезти ее к себе.

Когда я узнаю, кто она, не знаю, что буду делать, но я должен удостовериться, что она окажется в безопасности до того, как время иссякнет.

Флинт

Я боец, скандалист и чемпион смешанных боевых искусств. Я выплескиваю свое разочарование на ринге, благодаря чему могу находиться здесь ради своего брата. Когда ему пришлось оставить карьеру в национальной футбольной лиге, он отказался от всего, поэтому, когда я нахожу девушку у него в постели, то испытываю облегчение. Но стоит мне осознать, кто она, как всё меняется.

Мисси была моей сестрой, но сейчас она уже выросла. Я не могу ничего поделать с тем, что она заставляет меня испытывать, и, черт возьми, я не чувствую себя виноватым.

Я знаю, что она чего-то не договаривает, но что бы это ни было, я буду делать то, что я делаю лучше всего, защищая тех, кого люблю так долго, как только смогу.

Над переводом работали:

Перевод: Диана Цырульникова

Редактура: NordGirl (1-20 главы), Мария Гридина

Вычитка: Мария Гридина

Обложка: Мария Гридина

Переведено для группы: https://vk.com/hot_books

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	19
ГЛАВА 7	21
ГЛАВА 8	22
ГЛАВА 9	30
ГЛАВА 10	31
ГЛАВА 11	37
ГЛАВА 12	38
ГЛАВА 13	41
ГЛАВА 14	42
ГЛАВА 15	45
ГЛАВА 16	46
ГЛАВА 17	52
ГЛАВА 18	53
ГЛАВА 19	56
ГЛАВА 20	57
ГЛАВА 21	62
ГЛАВА 22	64
ГЛАВА 23	69
ГЛАВА 24	71
ГЛАВА 25	76
ГЛАВА 26	78
ГЛАВА 27	82
ГЛАВА 28	88
ГЛАВА 29	90
ГЛАВА 30	94
ГЛАВА 31	101
ГЛАВА 32	104
ГЛАВА 33	110

ГЛАВА 34	112
ГЛАВА 35	116
ГЛАВА 36	119
ГЛАВА 37	123
ГЛАВА 38	126
ГЛАВА 39	127
ГЛАВА 40	133
ГЛАВА 41	135
ГЛАВА 42	139
ГЛАВА 43	142
ГЛАВА 44	145
ЭПИЛОГ	152

ГЛАВА 1

Хадсон

Клуб погружен во тьму. Я стою в тени в черной одежде, опустив глаза. Я не заказываю напитки. Я здесь не затем, чтобы потанцевать. Это не секс-клуб, но именно ради этого я тут нахожусь. Я – лишь палец и голос, и если женщина стоит в самом темном углу балкона, я заставлю её кончить.

Каждую пятницу я пересекаю город только ради этого. Я не ищу собственного удовлетворения, ну, если не считать того, которое я получу позже от своей е собственной руки. Я не знаю, кто эта очередная женщина, или что она из себя представляет. Её запах, формы и звуки, которые она будет издавать во время оргазма, мне откроется лишь это.

Первая встреча всегда заранее подготовлена. В интернете есть темные уголки для людей, подобных мне, и женщин, размещающих объявления для анонимного секса с незнакомцами. Запросы моей сегодняшней дамы скромны. Она будет ждать на балконе клуба «Запретный», смотря вдаль. К ней должен сзади подойти мужчина и встать у нее за спиной, близко, но не касаясь её, и сказать «Каждую ночь, когда я ложусь спать, я умираю», и она ответит «А на следующее утро, когда проснусь, я рождаюсь заново». Цитата Ганди¹ – это кодовая фраза, раздвигающая её ноги. Она просто станет двигаться против пальца незнакомца, не видя его лица. Последнее было идеально для меня. Моя внешность – это проблема, особенно, когда речь идет о женщинах. Откровенно говоря, я хорошо известен в определенных кругах, и это может привести к определенным предположениям.

У моей самой первой подобной женщины были волосы цвета растопленного шоколада и ноги, словно у атлетки. Мое сердце бешено колотилось, когда я приближался к ней, но женщина стояла не шелохнувшись. Мой голос звучал необычайно низко, когда я заговорил. Ответив, она раздвинула ноги шире, и я нерешительно расположился позади неё, для начала обхватив её талию и вдыхая цветочный запах её шампуня. Её бедра качнулись в приглашении, и моя рука медленно заскользила по передней части её брюк, чувствуя шелковистую кожу живота и гладкость её киски, пока мой палец не почувствовал влажную пульсирующую сердцевину её клитора.

«Боже», – вздохнула она, пока я скользил рукой вокруг её тугой горошины, потирая ее медленно, не торопясь, женщина оставалась совершенно неподвижной. Глубокая тишина окружила нас, но это лишь обостряло чувства. Тело незнакомки стало натянутым, словно тетива лука, в то время как я кружил и кружил пальцем по ее клитору, надавливая на него то слабее, то сильнее, пока она не содрогнулась. Когда я почувствовал, что женщина была близка, я ущипнул большим и указательным пальцем ее напряженную горошину, что привело незнакомку к самому краю. Как только она начала кончать, я

¹ Мохандас Карамчанд «Махатма» Ганди (1869-1948) – индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Его философия ненасилия оказала влияние на движения сторонников мирных перемен. Махатма Ганди отвергал насилие в любой форме.

толкнулся двумя пальцами глубоко в её влагалище, чувствуя пульсацию лона, и мои пальцы были единственным, что мешало девушке упасть. Когда оргазм начал ослабевать, я вытащил ладонь из её трусиков и покинул клуб, поехав домой, чтобы там сунуть руку, ещё пахнущую её киской, в свои штаны. Стоя на коленях на холодном кафельном полу, я кончил так жестко, что это стало для меня каким-то пробуждением.

Быть трахнутой лишь пальцами какого-то незнакомого мужчины, большинство людей приняло бы за довольно прохладные и отчужденные отношения, но в то время для меня было не просто допустить даже подобную близость. Секс всегда являлся для меня необходимой функцией организма, как поглощение еды и воды. Затем всё настолько сильно поменялось, что я не знал, как позволить кому-то пойти со мной дальше. Я не мог больше позволить себе нормальных физических отношений.

Всё, что я должен был делать – претворять чью-то фантазию в реальность. Стоило мне сделать это однажды, как я больше не мог остановиться.

Каждую неделю я возвращался, но всегда это была новая женщина. Я осуществлял их мечты в надежде, что часть их удовольствия вернется ко мне. Я видел их удовольствие, которое не мог найти для себя. Слишком поздно для меня. Слишком рискованно.

Счастье – это нечто неуловимое.

Поэтому сейчас я лишь оживляю чужие фантазии.

ГЛАВА 2

Ривер зашел в чат

Рейвен: Ривер, где ты был? Я скучала по тебе

Ривер: Были кое-какие дела, детка. Но сейчас я здесь. Что ты хотела?

Рейвен: Только это. Просто поговорить. Знать, что ты здесь.

Ривер: Я могу быть здесь... этой ночью.

Рейвен: Почему только сегодня ночью?

Ривер: Скоро многое изменится, птичка.

Рейвен: Но это же не обязательно, правда? Скажи, что нет.

Ривер: Иногда мы не можем это контролировать, как бы нам того не хотелось.

Рейвен: Я скучала по тебе.

Ривер: Я тоже скучал. Но я больше не могу быть рядом.

Рейвен: Я сказала что-то не то?

Ривер: Нет, детка. Это не имеет отношения к нам. Это имеет отношение к моей реальной жизни.

Рейвен: Ты для меня реальный, Ривер. Все эти месяцы, что мы переписывались. Ты когда-нибудь задумывался, на что было бы похоже, встретясь мы лично?

Ривер: Всё время. Иногда я думаю, что вижу тебя на улице и хочу позвонить, спросить, действительно ли это ты, но потом решаю, что должно быть сошел с ума.

Рейвен: Не сошел. Ты знаешь так много обо мне, но это кажется ничем, поскольку я не видела твоего лица.

Ривер: Когда я закрываю глаза, то вижу тебя. Лишь воображаемую тебя, но этот образ кажется таким реальным.

Рейвен: Этого недостаточно.

Ривер: Должно быть достаточно.

Рейвен: Нет, недостаточно.

Ривер: Детка, о чем ты говоришь?

Рейвен: Я не знаю. Просто... я не знаю, что сказать тебе, если это наш последний разговор.

Ривер: Как насчет, удачи тебе?

Рейвен: А не пойти бы тебе в...

Ривер: О, об этом я тоже часто думаю.

Рейвен: Я хочу встретиться. Чтобы сказать «прощай». Ты встретишься со мной сегодня вечером?

Ривер: Это сумасшествие, птичка. Даже просто написать тебе «прощай» ужасно тяжело. Сказать же это, когда мы встретимся в реальности...

Рейвен: Не все в нашей жизни мы можем контролировать, Ривер, но это можем. В наших силах решить *как* попрощаться.

Ривер: Не попрощаться, детка.

Рейвен: Лишь поздороваться.

Ривер: Ты уверена?

Рейвен: Больше, чем в чём-либо

Ривер: Клуб «Запретный». Два часа. Будь в черном и сиди возле бара. Я найду тебя.

Ривер покинул чат

ГЛАВА 3

Хадсон

Я стою снаружи клуба «Запретный». Но сегодня все по-другому. Сегодня мне будет больно, а я пообещал, что никогда не позволю себе испытать этого снова. Но я ничего не могу с собой поделать.

Рейвен хрупкая, но в какой-то степени сильнее, чем я был когда-либо. Она печальна, но в её сердце так много надежды. Она застенчива и осмотрительна, но уверена в себе достаточно, чтобы попросить о встрече лицом к лицу. Мы незнакомы лично, но в какой-то степени ближе, чем любовники.

Когда я заходил в клуб, моё сердце стучало словно бешенное. Буль пульсировала в голове, прямо где-то над левым глазом. Я потираю это место и проклинаю нервозность, которую чувствую. Я Хадсон Кейн. Я бык, а не трясящаяся мышь, но, когда ты открываешь часть своей души кому-то, это делает тебя слабым, и я не люблю это чувство.

Я пробираюсь внутрь клуба, где у меня будет хороший обзор на танцпол и бар. Мне нужно время. Просто немного времени. Мне нужно, чтобы голова перестала пульсировать, чтобы наслаждаться следующими несколькими часами. Это все, что я хочу.

Я думаю над теми образами, которые возникают в моей голове, когда я думаю о Рейвен. Мы на самом деле никогда не говорили о том, как мы выглядим в реальности, но я думаю, что знаю её. Я представляю её с черными короткими волосами в стиле боб², с изящными ногами и руками. Её лицо возникает у меня в голове: темные глаза с густой подводкой. Может быть, это имя, которое она себе взяла в чате, посыпает мне такие образы³.

Я прислонился спиной к стене, ожидая девушку, одетую с головы до ног в черное. Музыка пульсирует и гремит, вводя в некое подобие транса, где ты можешь потерять себя, но единственное, что она делала со мной – усиливала пульсацию в голове. Толпа двигалась, как кипящая масса, раздуваясь и распадаясь на цветные сверкающие огни. Жарко. Но недостаточно жарко, чтобы я вспотел.

Спустя двадцать минут, Рейвен все еще нет. Я чувствую тоску глубоко внутри себя. Это так ужасно, что застигает меня врасплох. Я пытаюсь сказать себе, что Рейвен лишь способ скоротать время, но я вру сам себе. Я пытался сказать ей, что это было плохой идеей, ведь так оно и было. Но это не отменяет того факта, что мне нужно её увидеть, даже если и в последний раз. Я хочу взять её за руку и прижать ладонь Рейвен к своей щеке. Я хочу провести большим пальцем по её губам и вдохнуть запах её волос. Я мысленно качаю головой, не понимая, почему эти странные нежные образы крутятся в моей голове, особенно о той девушке, которую я никогда не видел.

²

³ Raven (Рейвен)-ворон

О той, кто, похоже, даже не появится.

Может, она испугалась. Я могу это простить. Если она нервничает, как я, я с лёгкостью могу понять, почему кто-то, перенесший так много, не хочет встретиться лицом к лицу с тем, с кем поделился своим бременем.

Если бы она знала, что я удерживаю её на расстоянии, она определенно бы держалась от меня подальше.

Я пробираюсь к бару, в отчаянии желая выпить, чтобы взять что-нибудь для успокоения нервов. Сев за стойку, подзываю бармена, заказывая неразбавленный виски. Я хочу почувствовать огонь внутри. Кто-то садится рядом, и, повернувшись, я вижу девушку в розовом платье, со светлыми волосами, короткими и неровно подстриженными. Она поворачивается ко мне, и её небесно-голубые глаза застают меня врасплох. Может быть, то как обведены её глаза дымчато-коричневой подводкой, делает их настолько неземными. Она не улыбается, просто смотрит на меня, словно хочет что-то сказать.

Она красива, но всё что я могу думать, *она не Рейвен*.

Я выпиваю свой напиток и смотрю на вход. Может, моя маленькая птичка опаздывает? На дорогах могут быть пробки. Или она попадет сюда другим способом. Группа мужчин заходят в двери. Нет ни одной темноволосой девушки в черном. Вообще нет ни одной девушки в черном.

Как долго я буду ждать её? Может быть, ещё полчаса.

– Ты выглядишь, как будто кого-то ждешь, – сказала сидящая рядом девушка. У неё приятный голос. Мягкий и тихий.

– Я думал, что ждал. Но не похоже, что она появится.

Девушка потягивает напиток, который ей подал бармен. Он выглядит, как лимонад, но я готов поспорить, там есть алкоголь. Люди не приходят в клуб «Запретный», что бы пить газировку.

– Почему ты так думаешь?

Я поживаю плечами. Это может занять всю ночь, чтобы объяснить всю, что связывает Ривера и Рейвен, и даже если бы у меня было время, я не хочу этого делать. Некоторые вещи должны оставаться только между двумя.

– Я знаю тебя, – сказала она, склонив голову набок и внимательно изучая меня.

– Я так не думаю, – я надеюсь, она не станет выяснять подробности. Я на самом деле не хочу разговаривать прямо сейчас.

– Может быть, ты на кого-то похож…

– Может быть, – кивнул я, не улыбаясь. Нужно очень постараться, чтобы заставить меня улыбаться сейчас.

– Малоговорящий мужчина, да? – я раздраженно фыркаю, это последнее, в чем меня можно обвинить. Сложно говорить, когда ты находишься под давлением. Я итак чувствую, что много говорю, особенно учитывая, как для меня не просто выдавить хоть единое слово изо рта.

– Всё в порядке, – она допивает свой напиток и ставит его обратно на стойку. Я думаю, что она должна отстать от меня и найти кого-нибудь более разговорчивого, но она поворачивает свой стул и смотрит на меня. – Когда я была подростком, у меня была такая учительница. Всё были сыты по горло моим дерзом, плохим поведением, несвоевременным выполнением домашних заданий, необъяснимыми отсутствиями. Но в ней было что-то, заставляющее меня успокаиваться. Ты напоминаешь мне её.

– Отлично. Я похож на счастливого учителя.

– Я не говорила, что она была счастлива.

– Я полагаю, что нет, – я глотнул свой виски и взглянул на неё. Светлые волосы сияют, словно нимб вокруг её лица. Девушка была похоже на более темную версию феи Динь-Динь⁴, с её эффектным макияжем и сумасшедшими черными сапогами, которые я заметил на ней. Высота каблуков составляла примерно 4 дюйма⁵, и кожа закрывала её колени.

– Она мало разговаривала. Я думаю, это было странно для учителя. На уроках она говорила, что нужно делать, затем оставляла нас выполнять задания и спокойно ходила по классу, наблюдая за нами. Мне нравилось, когда она подходила, садилась рядом со мной и смотрела, что я делаю. Она никогда не указывала, что я делаю неправильно или что я могу сделать лучше. Словно, когда она сидела рядом со мной, я становилась лучшей ученицей. Как будто я была способна на большее.

– И я напоминаю тебе её.

– Да.

– И на что ты способна, сидя рядом со мной?

Она внимательно меня изучает, теребя подол платья, прикрывающего её бедра. Я чувствую, что она колеблется, и это заставляет мои волосы на шее подняться в предвкушении.

– Каждую ночь, когда я ложусь спать, я умираю.

Эти слова разрывают мне сердце. Это *мои* слова. Никто, кому я говорил их раньше, не видел моего лица. Как, черт возьми, эта девушка узнала эту фразу? Как, твою мать, она узнала, кто я? Я вижу обреченность в её глазах, пытаясь понять происходящее. Я делал это с ней раньше? Могла ли она увидеть достаточно, чтобы узнать меня снова? Я не думаю, что встречался с ней, но девушка смогла сменить прическу.

⁴ Динь-Динь, или Динь фея, из сказки Дж. Барри «Питер Пэн». Динь-Динь является одной из самых известных сказочных фея

⁵ 1 дюйм=2,54см, 4 дюйма=10,16см

Она пристально смотрит на меня с пустым выражением на лице лица, ожидая. Ожидая слов, которые скажут ей о продолжении. На одну секунду я представляю мой медленно палец, скользящий по нежной внутренней поверхности её бедра, находящий горячий влажный центр. Я воображаю своё лицо, прижатое к её коротким волосам, то, как её аромат наполняет меня. Я представляю звук, который она издаст, когда будет кончать, и мой член оживает между ног. Она медленно моргает, словно моё молчание означает отказ.

Правда в том, что я, твою мать, не знаю, что делать. Это не так работает. Я не обменивался рассказами о детстве с женщинами из чата. И я определенно не позволял им знать, как я выгляжу. И подобная анонимность была не без причины; она заводила женщин, и была удобна для меня. Я практически слышу голос Флинта у себя в голове, говорящий, что мне нужно взять себя в руки. Что я не должен жить той жизнью, которую выбрал для себя. Но это не ощущается, как мой выбор. Это единственный способ получить желаемое.

– Как ты об этом узнала? – мне нужно знать наверняка, чтобы понять, что делать дальше.

Она моргает, но не отвечает.

– Ты знаешь, о чем просишь?

Она кивает, и я вижу, как она сжимает ноги только при одной лишь мысли. Твою мать. Я просто мужчина, но я чувствую себя предателем от того, что завожусь настолько от поведения этой незнакомки, в то время, как жду Рейвен.

Я снова смотрю на входную дверь, глубоко вздыхаю, в надежде увидеть моего темного ангела, пробирающегося сквозь толпу, но там никого нет. Я оглядываюсь вокруг, думая, что, может быть, она смотрит на меня, в то время как я разговариваю с девушкой-феей, но как бы она узнала, что это я?

Меня постигло сильное разочарование. Я обещал, Рейвен и себе, что мы никогда не встретимся лично, но, когда она попросила, я так сильно хотел этого, что не смог ей отказать. Я должен был доверять своим инстинктам. Должен был понимать, что, согласившись, рискую раскрыть всю боль и одиночество, которые я больше не могу выносить.

Девушка, сидящая напротив, кладет свою руку мне на колено и мягко сжимает. В её прикосновении столько нежности, что я чувствую, словно она касается моей груди и мягко обхватывает моё сердце своими изящными пальцами.

– Всё, что тебе нужно – это сказать *те* слова, – шепчет она. Её глаза горят надеждой, но в то же время такие нежные.

Она как будто знает мои страхи и хочет помочь побороть их. Если я отвечу, я полагаю, я справлюсь с ними на какое-то время.

– Это не так работает, – говорю я, запуская пальцы в волосы, и задаваясь вопросом, что она думает обо мне. Её волнует, как я выгляжу? Ни одна из женщин не хотела видеть

моё лицо. Нравится ли ей то, что она видит? На секунду я вспоминаю себя таким, каким был до тех новостей, неуязвимым, уверенным и дерзким. Мужчиной, который мог получить любую женщину, которую бы только не пожелал. Кто бы ей понравился больше? Тот, кем я был раньше, или я сегодняшний. Я даже не знаю, почему переживаю об этом.

– Разве не ты главный? – мягко спрашивает она. – Разве не ты решаешь, как это работает?

– Похоже, сегодня ты главная.

Уголки её губ поднимаются в неохотной улыбке, и она откидывается на свой стул, рассматривая меня, подняв свой милый маленький носик вверх.

– Скажи слова, – мягко повторяет она. – Мне это очень сильно нужно.

В её голосе так много тоски и отчаяния, что мне хочется отдать ей всё, что могу и даже больше. Конечно, это не так работает, но мне хочется послать всё к дьяволу. Кто, черт возьми, поступает по правилам. Не я. Больше не я. Всё меняется.

– Иди на балкон и жди меня. Мы сделаем это, если мы вообще сможем.

Я ожидаю, что она сделает так, как я сказал, немедленно, но она ведет себя иначе. В место этого девушки соскальзывает со стула и встает между моих ног. Я могу почувствовать легкий цветочный аромат, который она, должно быть, использовала перед тем, как выйти из дома. Эта девушка, чье имя я не знаю, мягко обхватывает мою щеку и проводит большим пальцем по моим губам. Я так долго не ощущал подобных прикосновений, что закрываю глаза, и мое горло сжимается от волнения.

– Достаточно, – издаю я рык. – Делай, что тебе говорят, иначе не получишь того, что хочешь.

– Хорошо, – шепчет она и уходит.

Я медленно выдыхаю, пытаясь замедлить бешено стучавшее сердце. Спешка – эта единственная причина, по которой я собираюсь всё это сделать. Всплеск адреналина и силы заставляет почувствовать себя живым. Хотя сегодня я чувствую себя по-другому. У меня есть огромное желание уйти. Я могу выскользнуть через заднюю дверь и направиться домой без каких-либо последствий из-за того, что оставлю эту девушку разгоряченной и взволнованной на балконе. И дело не в том, что меня связывает с этой девушкой нечто большее, чем простое обещание пойти за ней следом, но я не люблю нарушать свое слово.

Я снова оглядываю бар, высматривая Рейвен, но здесь больше никого нет. Прошло больше часа, и глубоко в своей душе я знаю, что она не придет. Рейвен храбрее и сильнее, чем могла быть девушка в её положении, но на самом деле я не удивлен тем, что она решила не приходить.

Я ещё раз глубоко вздыхаю и допиваю виски, а затем направляюсь к балкону. Там тихо, как обычно, только несколько постоянных клиентов сидят вокруг маленьких столиков, и ещё несколько посетителей смотрят на город. Тяжелый ритм музыки – словно

тихий пульс, который отзыается в моем сердце. Я вижу маленькую фею, положившую руки на перила балкона в нужном месте. Ее поза, в которой она стоит, слегка наклонившись вперед, лишь сильнее подчеркивает все выразительные изгибы тела. В другой жизни я бы забрал её к себе домой и сделал с её телом всё, что только возможно. Может быть, я бы пригласил её на свидание, сложись у нас все удачно. Сегодня, всё, что я могу ей предложить – лишь мой палец и обещание короткого взрывного экстаза.

Каждый шаг дается мне с трудом, и я не понимаю почему. Она просто еще одна женщина, которая ищет удовольствия. Но мне нужно больше сил, чем когда-либо, чтобы подойти к ней ближе. Когда я подхожу, то просто останавливаюсь и жду. Но стоит мне только начать говорить, как мой голос срывается от переполняющих меня эмоций.

– Каждую ночь, когда я ложусь спать, я умираю.

– А на следующее утро, когда проснусь, я рождаюсь заново.

Она кивает, я шагаю вперед, прижимаясь своими бедрами к ее упругим ягодицам. Изгиб её шеи изящен, словно у лебедя, а короткие светлые волосы щекочут мне губы, когда я обвиваю незнакомку рукой. Положив правую ладонь на внешнюю сторону её бедра, я чувствую, как она напрягается, и останавливаюсь. Я должен хотя бы убедиться, что всё хорошо с тем, что мы собираемся сделать.

– Всё хорошо, – шепчет она, потираясь о мой член. Он твёрдый, словно металлический прут, и пульсирует от желания, поддаться которому я пока не могу себе позволить. Её короткое платье сделано из плотной, эластичной ткани, которая легко поднимается, пока рука совершают своё путешествие вверх. Внутренняя сторона её бедра такая мягкая и теплая, и я чувствую знакомое возбуждение от понимания того, насколько близок к тому, чтобы дотронуться до ее самых интимных мест. Мне интересно, сколько подобных мужчин было до меня, но я не буду трахать её. Сегодня она просто даст мне доступ к своему телу. Сегодня она доверяет только мне. Сегодня я дам ей то, что она хочет.

Может быть, я осуществляю её фантазии.

Ноги девушки дрожат, пока моя рука движется вверх, её дыхание ускоряется в то время, как спина прижимается в моей груди. Внутри меня поднимается настолько сильное желание защитить её, что я снова останавливаюсь. Я не знаю, что, твою мать, со мной не так. Эта девушка – незнакомка, готовая использовать меня для своего удовольствия, так почему я чувствую острую нужду крепко обнять её и сказать, что всё будет хорошо?

Она кладет свою руку на мою, как будто чувствует ту борьбу, что происходит во мне и хочет помочь. Она сжимает мою руку, переплетая свои пальцы с моими. Я ожидаю почувствовать ткань её трусиков, но сразу касаюсь обнаженной кожи.

Она отпускает мою руку, когда я скользжу пальцем между её ног, раздвигая её половые губы и находя клитор. Вздох, который она издает, когда я слегка нажимаю на тугой комок, отдается прямо в члене. Мои бедра живут собственной жизнью, потираясь о её задницу, остро нуждаясь в более тесном контакте. Я медленно кружу пальцем, чувствуя, как клитор набухает от моих прикосновений. Девушка задыхается и вращает

бедрами, стремясь к собственному удовольствию с такой свирепой жестокостью, которую я не ожидал от нее. Как только её ноги соединяются вместе, сжимая мою руку, я останавливаюсь, зная, что она уже на грани. Мой разум бешено работает, не осознавая моих действий. У меня нет привычки отказывать в удовольствии. Если женщина может кончить за несколько секунд лишь потому, что я касаюсь её, это означает, что со мной всё в порядке, но по какой-то причине, я не хочу этого сейчас.

Я постукиваю по её клитору, и ноги девушки ослабевают, руки хватаются за перила, чтобы поддержать ее.

Я обычно молчу, пока доставляю удовольствие, но сегодня мне хочется говорить.

– Тебе нравится *это*?

– Черт, да, – вздыхает она, когда я захватываю и сжимаю её клитор между большим и указательным пальцами.

– Ты хочешь, чтобы я заставил тебя кончить?

– Да, сделай это.

Я опускаю свой палец ниже и нахожу её вход, скользкий и готовый. Мой член подрагивает, зная, как хорошо это будет чувствоваться: скользить внутри этого жаркого и влажного лона. Я больше не могу себя удержать, толкаясь пальцем внутрь, и то, как сильно ее мышцы меня обхватывают, заставляет задыхаться. Я хочу наполнить её всеми пальцами, растянуть её маленькую киску, чтобы она стала достаточно готовой, чтобы принять мой большой член. Я проталкиваю уже два пальца, и девушка встает на носочки своих сапог, её ноги напряжены. Я вставляю еще один, и она стонет, опускаясь, чтобы принять меня глубже. И только когда я добавляю четвертый, она кончает, её киска так сильно обхватывает мои пальцы, что это болью неутоленного желания отдается в моем члене. Моя ладонь мокрая от её соков, как и моё запястье. Я думаю, что заставил её течь, подобное происходит не впервые, но это первый раз, когда я хочу вылизать себя дочиста. Незнакомка дрожит напротив моего тела.

Затем она делает то, что я совсем не ожидаю. Девушка разворачивается и целует меня прямо в губы, и абсолютно всё меняется.

ГЛАВА 4

Рейвен: Почему ты это делаешь?

Ривер: Что?

Рейвен: Анонимный перепих. Что ты надеешься от этого получить?

Ривер: Почему всё, что мы совершаем в нашей жизни, должно быть только ради нас самих?

Рейвен: Значит, ты добровольный поставщик оргазмов?

Ривер: В твоих устах это звучит так нелепо и смешно.

Рейвен: Не смешно, я просто пытаюсь тебя понять.

Ривер: Зачем? Почему это тебя заботит?

Рейвен: Я полагаю, потому что мне нравится раскладывать людей по полочкам. Узнавать, что они из себя представляют. Почему они делают то, что они делают.

Ривер: И что ты думаешь?

Рейвен: Я думаю, ты хочешь помочь людям.

Ривер: Я не настолько хороший.

Рейвен: Да нет, Ривер. Я полагаю, что именно ты такой.

ГЛАВА 5

Мисси

Имя мне дал семилетний мальчик, когда нашел в мусорном контейнере в один из самых жарких дней в году. Дежурная медсестра после осмотра, когда я, наконец, оказалась в больнице, написала в своих записях, что он не хотел выпускать меня из рук. Только заверения доктора Форрестера, что обо мне позаботятся, заставили его разжать пальцы, но мальчик остался в той же комнате во время осмотра педиатра. Я была завернута в клетчатое одеяло вместе с плацентой и пуповиной, которые никто не позабочился отрезать. Когда их убрали, а я оказалась помыта и одета, мальчик снова схватил меня на руки, как будто я была игрушкой, которую он считал своей.

Когда медсестры засмеялись, он проигнорировал их, забрал меня в одеяльце и сел на стул в углу комнаты. Я знала это, поскольку у одной сестры была полароидная камера, и она сделала снимок этой необычной сцены. Я до сих пор храню те немногие вещи, что остались на память из моего раннего детства. На фотографии, маленький мальчик не смотрит в камеру, он смотрит на меня. Иногда, когда я смотрю на фото, я почти чувствую невинность его любви.

Недостаточно, чтобы заставить меня плакать, но это картина сильно бьет по мне.

Когда ты растешь без любви со стороны родителей, когда ты переезжаешь с места на место, потерянный и без каких-либо корней, то очень сложно смотреть на кого-то таким образом.

Мне кажется, что я всю свою жизнь провела в поисках, но невозможно понять, что именно необходимо искать, если у тебя никогда не было ощущения, будто тебе чего-то не хватает. Я знаю, что каждый раз делаю дерзковый выбор, но рядом никого не было, чтобы предупредить, прежде чем я зайду слишком далеко. Сегодня, когда я стою на балконе с видом на городские огни, в то время как пальцы мужчины находятся внутри меня, я чувствую пустоту в душе, хотя в какой-то степени ощущаю более живой, чем за все последние годы.

Я думаю, именно это и заставляет меня поцеловать его. Я полагаю, что он сейчас уйдет, поэтому обхватываю его шею своей рукой в то время, как проскальзываю языком ему в рот. У него вкус виски и греха. *Запретный*, как и название клуба, в котором мы стоим. Это становится сюрпризом, когда он целует меня в ответ, удерживая одной рукой за плечо, пока другая всё ещё зажата между моих ног.

Я знаю, что люди могут видеть, что мы творим, но мне глубоко наплевать. Никто из этих людей на балконе никогда не будет иметь значения в моей жизни.

Он целует меня так, словно от этого зависит его жизнь, и хотя это безрассудный и порочный поцелуй, есть в нем что-то такое, что ощущается бесконечно правильным. Я чувствую себя вялой и медлительной, свободной и слабой. Я хочу, чтобы он схватил меня, как пещерный человек, и забрал к себе в берлогу. Я знаю, что отдам всё, что у меня есть, хочет он того или нет.

Его хватка такая сильная, что мне больно, но это заставляет чувствовать всё более остро и реально. Мне нравится, как его ногти впиваются в мою кожу, также, как и скольжение его языка по моему. На его лице щетина, и мне интересно, действительно ли он собирался в такой спешке, что забыл побриться. Я снова обхватываю его щеки, и он стонет мне в рот, как будто такое легкое прикосновение, это небольшое выражение ласки, повлияло на него. Я задаюсь вопросом, что произошло с этим мужчиной в прошлом, что привело его к этой странной жизни. Что заставляет его искать сексуальную связь, от которой он не получает удовлетворения, как мужчина?

Он вытаскивает свои пальцы из меня и грубо толкает обратно к перилам балкона, сжимая моё лицо в своих огромных ладонях. Его губы не торопясь скользят по моим, впитывая мой вкус, затем он углубляет поцелуй, словно хочет выпить меня до конца. Моё сердце бешено стучит. Это то, на что я надеялась, хотя и знала, что рисую, приближаясь к этому человеку так близко.

Я цепляюсь за его плечи, провожу рукой по выпуклости его бицепсов, наслаждаюсь гладкостью его рук. В черной футболке и джинсах, с этими бугрящимися мускулами, он выглядит жестким, крутым и сильным. Каждая ласка, которую я ему дарю, делает его ещё более отчаявшимся. Прежде чем я это понимаю, мои ноги уже не касаются пола. Он держит меня так, словно я ничего не вешу, его руки поддерживают меня за бедра, прижимая мою киску к огромному жесткому члену, который я могу чувствовать между нами.

Я отступаю, желая увидеть эти печальные глаза. Ядерживаю его лицо и нежно целую губы, пока он тяжело дышит, выглядя донельзя удивленным. Я знаю, это не то, что он планировал. Я чувствую, как будто украла у него что-то важное. Его контроль. Я раздвинула его границы, поэтому нет ничего удивительного, что он в замешательстве.

– Я хочу большего, – говорю ему.

Он качает головой, но его глаза горят желанием.

– Отвези меня домой, – прошу я. – Я заставлю тебя почувствовать то же удовольствие, что ты подарил мне.

Он снова качает головой, но, когда я сжимаю его член, мужчина стонет.

– Только одну ночь, и ты никогда не увидишь меня снова, – это моя последняя попытка. Я хочу его, но я не буду умолять.

– У тебя есть верхняя одежда? – спрашивает он, и я знаю, он мой.

Сейчас мне лишь нужно оседлать волну.

ГЛАВА 6

Флинт

Комментатор: Это была полная победа, Флинт. Как вы себя чувствуете?

Флинт: Я чувствую себя довольно-таки хорошо. Саксонец⁶ оказался хорошим бойцом, и завалить его было не так-то просто.

Комментатор: Да, пару раз он заставил нас поволноваться о том, что сможет победить тебя.

Флинт: Но ты знал, что он не сможет, не так ли?

Комментатор: *[Смеётся]* Да уж, слава бежит впереди тебя, Флинт.

Флинт: Думаю, да. Хотя, всё ещё есть люди, которые думают, что такой парень, как этот саксонец, может победить.

Комментатор: Но ты не волнуешься, что тебя победят.

Флинт: Я тебе кое-что скажу, Эдди. Я занимаюсь борьбой так долго, что никто непомнит, когда я начал. Я, вероятно, с борьбой выбрался даже из лона матери. Это живет где-то глубоко во мне, бушует внутри меня. Некоторые люди делают это, чтобы заработать деньги. Я делаю это, потому что, если бы не делал, то сошел бы с ума. Я живу боем. Я дышу боем. Я мечтаю о боях. Это всё для меня. И пока передо мной не окажется некто с такими же взглядами, я не буду волноваться.

Комментатор: Итак, чем планируешь теперь заниматься?

Флинт: Тренироваться, есть, спать и ещё больше тренироваться.

Комментатор: В твоем расписании нет времени для женщин?

Флинт: *[Смеётся]* Это означает тренироваться с пользой, Эдди.

Комментатор: Ну что ж, вы услышали это первыми, друзья. Тренировка с пользой. Это должно быть новый термин в ММА⁷. Вернемся в студию.

* * *

– Я могу снимать микрофон? – спрашиваю парня техника, который сидит рядом с камерой.

⁶ Saxon (саксонец) имеет несколько значений: 1) англичанин (*в отличие от ирландца или валлийца*); 2) шотландец из Южной Шотландии (*в отличие от шотландца-горца*). Изначально саксы были древнегерманскими племенами, которые разделились в III-V вв., заселяя часть территории современной Германии, Восточных Нидерландов, южную часть о-ва Британия, что коренным образом повлияло на дальнейшую историю государства, образовав англосаксонскую общность.

⁷ MMA (*Mixed Martial Arts*) – смешанные боевые искусства, боевые искусства, представляющие собой сочетание множества техник, школ и направлений единоборств.

— Конечно, я сниму, — он делает шаг вперед и начинает отсоединять аудио оборудование, пока комментатор суетится со своим галстуком.

— Спасибо, Флинт, — говорит Эдди. — Ты хороший. Зрители любят тебя.

— Ты имеешь ввиду мои дерзкие выходки, — говорю я.

— Не только, — смеется он. — Я видел без камеры. Ты любишь быть в центре внимания.

— Виноват, — отвечаю я, сияя поддельной улыбкой, которую он хочет увидеть.

Он видит мою браваду и думает, что я такой и есть. Возможно это так, до определенной степени. Когда ты растешь без заботы и внимания, которые нужны каждому ребенку, чтобы *расцветать*, ты находишь другие способы получать внимание. Кто, мать твою, знает, кем бы я стал, если бы моя мать не была таким ничтожеством, а отец не сломал свою жизнь. Если бы родился в одной из тех идеальных американских семей, которые показывают по телевизору, может быть, я был бы ботаном, который любит комиксы и делает домашнюю работу. Если бы не приходилось защищаться от подонков, присутствующих в моей жизни, возможно, внутри меня не было бы этого беспокойного гнева.

— Привет, Флинт, — оглянувшись, я вижу Рэда с моими вещами. — Ты готов идти?

— Да, я всё здесь закончил.

— Время для вечеринки, да, Флинт? — говорит Эдди, подмигивая мне. Ему около шестидесяти, но со своими зализанными назад волосами и распухшим и красным от выпивки лицом он похож на старого вымытого извращенца.

— Да, мужик, — отвечаю я. Я мог бы сказать ему правду, что я никому не нужен после боя, но он не это хочет услышать от меня. Никто не хочет знать о тяжелой работе и самоотверженности, которые необходимы для того, чтобы делать то, что я делаю. Никто не хочет знать о жертвах.

Никто не хочет узнать настоящего меня. Когда я отмахиваюсь от гламура этой жизни, надеваю футболку и джинсы и возвращаюсь к моему брату, это настоящий я. Когда я и Рэд прыгаем в машину, несемся в спортивный клуб в центре города, чтобы прихватить гамбургер и пива, это я настоящий. Когда у меня появляется огромное желание вернуться в наш старый район, потому что у меня в голове застряли те дни, и я не могу их отпустить, это настоящий я. Когда я просыпаюсь ночью, потому что мне приснилось, что мой брат мертв и у меня нет семьи, это долбаный ад.

Я следую за Рэдом сквозь толпу, поднимаю капюшон и иду вниз.

Несмотря на то, что я устал, как собака, жажда драки еще остается во мне. Может быть, она всегда будет во мне, пока мои демоны будут мучить меня.

ГЛАВА 7

Ривер: Если бы ты могла загадать одно желание, что бы ты пожелала?

Рейвен: Много желаний.

Ривер: Смешно. А серьезно?

Рейвен: Семью. Настоящую семью.

Ривер: У тебя её нет?

Рейвен: Нет, только я одна.

Ривер: Но кто-то должен был быть около тебя, пока ты росла.

Рейвен: Были люди, которые порой были рядом. Готовили куриные ножки и замороженную пиццу. Покупали для меня самую дешевую одежду, которую только могли найти. Прикарманивая оставшуюся часть пособия, которую они получали для моего обеспечения, тратя на выпивку и пачки сигарет.

Ривер: Я знаю всё об этом.

Рейвен: Да?

Ривер: Жизнь бывает полным дерьмом

Рейвен: У тебя есть семья?

Ривер: Да. Я получил благословление.

Рейвен: Это хорошо. Я тоже. По крайней мере, я здесь, а не где-либо ещё.

Ривер: Здесь.

Рейвен: Ты когда-нибудь задумывался, в чем твоя цель? Например, почему ты здесь? Что ты должен сделать?

Ривер: Всё время.

Рейвен: У тебя есть цель, не так ли?

Ривер: Я отдаю себя. Но я не думаю, что это то, что я должен делать.

Рейвен: Как ты это узнал?

Ривер: Это слишком просто.

Рейвен: Но ты приносишь пользу, не так ли?

Ривер: На несколько минут, наверное.

Рейвен: Иногда, это всё что нужно человеку.

ГЛАВА 8

Хадсон

Я на байке, бешено гоню прочь из города с маленькой феей, держащей меня за талию. Она выглядит горячо в моей кожаной куртке и этих высоких сапогах до бедер. Я не знаю, что, черт возьми, делаю, но впервые за очень долгое время мне на это плевать.

Я газую, наслаждаясь мощью мотоцикла между ног и тем, как это заставляет Динь-Динь прижиматься ко мне сильнее.

Флинта сегодня не будет. Я должен был идти с ним, но, когда Рейвен попросила встретиться, я поменял планы. По крайней мере, я знаю, что дом пуст. Никто не увидит, как я привожу девушку домой, и не будет спрашивать, какого черта я передумал насчет правила номер один.

Я добираюсь до подъездной дорожки и глушу байк. Фея соскаивает с него, как профи, и я снова задаюсь вопросом о её прошлом. Она изучает дом, окидывая взглядом широкую подъездную дорогу и декоративный фасад. А затем смотрит на меня, я понимаю – она не ожидала, что я буду жить в таком милом месте. Сейчас, когда мы здесь, я ощущаю себя ещё менее уверенным в том, что произойдет дальше. Моё сердце бешено стучит, когда я замечаю, что она переступает с ноги на ногу, как будто нервничает. В голове, вернувшись, начинает пульсировать боль, та же, что и раньше.

Я запускаю пальцы в волосы, потирая висок. Динь шагает вперед и кладет свою прохладную руку на то место, которое я тер, приглаживая беспорядок моих темных кудрей таким успокаивающим движением, что я хочу закрыть глаза и застыть навечно в таком положении.

– Пойдем, – говорит она, вкладывая свою руку в мою. Вот и вся инструкция, что мне нужна.

Я веду её к входной двери, открываю ее и втягиваю фею в коридор. У нас впечатляющая прихожая, но, кажется, девушка даже не обращает на это внимание. Как только она закрывает за собой дверь, то, сосредоточившись, снимает мою кожаную куртку со своих плеч и позволяет ей упасть на черно-белый кафель. Динь расстегивает молнию на одном сапоге, затем на другом, медленно стягивая их со своих стройных ног. Без каблуков она такая крошечная. Когда она подходит ко мне, её макушка достигает лишь моего подбородка, и девушка оставляет мягкий поцелуй прямо напротив моего сердца.

– Зачем ты здесь? – спрашиваю я её. Её аквамариновые глаза встречаются с моим, и я вижу что-то знакомое, но это в мгновение ока исчезает.

– Для тебя, – тихо шепчет она. – Ради того, что произойдет дальше.

Она снова обхватывает мою щеку, вглядываясь в мои глаза, как будто она хочет найти мою душу. Но там слишком много такого, что я не хочу ей показывать. Там есть такие вещи, которые я не хочу, чтобы она знала. И так мало того, что могу ей дать.

— Забери меня в свою спальню, — говорит она. — На несколько часов мы можем быть любовниками, а утром я уйду.

— Почему? — отвечаю я, начиная идти вперед, тем самым заставляя её отступать. Удерживая руку посередине груди, я подвожу её к лестнице.

— Потому что у тебя самые грустные карие глаза, которые я когда-либо видела.

Я чувствую, как мое горло сжимается от волнения, словно у какого-то слюнтя. Эта девушка — другая. Прошло чуть больше часа с нашего знакомства, а она уже заглянула в самые сокровенные уголки моей души, пошатнув всю решимость.

— Это недостаточно веская причина, — говорю я, чтобы было легче, я подхватываю её на руки, точно невесту. А затем перекидываю через плечо, и она смеется, когда я начинаю её нести вверх по лестнице, как пещерный человек.

— Хорошо, как насчет, потому что Луна внезапно стало голубой⁸.

— Нет, не подходит.

— Ну почему же? — повторяет она. — Говорят же *однажды, когда Луна станет голубой*⁹.

— Если я заполучу тебя на ночь, я покажу тебе, как я собираюсь иметь тебя *не один раз*.

— Обещания, обещания, — усмехается она, её большие голубые глаза и пушистые золотистые локоны делаю фею эфемерной в неярком свете.

— Я держу свои обещания, — грубо отвечаю я, открывая дверь в мою спальню. По крайней мере, то обещания, которые я даю другим людям. Я менее надежен, когда дело касается обязательств, которые я беру на себя.

Я не включаю свет, просто несу девушку прямо к своей кровати и осторожно кладу. Она поднимает руки над головой и, подтягивается, словно кошка на солнце, с широкой улыбкой на лице, которая согревает меня.

— Иди сюда, большой мальчик, — мурлычет она, похлопывая по кровати рядом с собой. — Позволь мне заставить тебя почувствовать себя на седьмом небе.

Мне не нужны никакие поощрения. Я стягиваю футболку через голову и кидаю на стул в углу комнаты. Её глаза жадно пожирают мой торс. Она поднимает колени, слегка распахивая ноги, и я вспоминаю, что на ней нет трусиков.

— Покажи мне, — требую я, обхватывая её колено. Она поднимет платье вверх и разводит ноги ещё шире, предоставляя мне отличный обзор на её милую розовую киску.

⁸ It's a blue moon (в оригинале) — очень редко, почти никогда

⁹ Only once in a blue moon (в оригинале) — «после дождичка в четверг», раз в год по обещанию; дословно переводится «когда Луна будет голубой» — термин, применяемый в астрономии, это довольно редкое событие, наблюдаемое в среднем каждые 2,7154 года. Само полнолуние имеет обычный, пепельно-серый цвет; появление у Луны голубого оттенка является крайне редким явлением, обусловленным оптическим эффектом.

Её маленькая дырочка выглядит такой крошечной, что я не могу поверить, как я засунул все свои пальцы так глубоко в неё. Я понимаю, что мой член должен растянуть её шире до того, как пройду хотя бы полпути.

– Что ты планируешь со мной сегодня сделать? – спрашивает она, облизав свой палец, затем скользит им по клитору. Она так чертовски сексуальна, что мой член отчаянно борется с джинсами, желая поскорее добраться до неё.

– Я буду трахать тебя всю ночь, детка, – отвечаю, качая головой, и она снова усмехается.

– Я уверена, ты сможешь, – она демонстративно смотрит на мои штаны. – Ты покажешь, что там у тебя есть?

– Может быть, – в моей голове вспыхивает множество диких идей. Эта девушка выглядит как ангел, но играет словно дьявол, разбудивший зверя глубоко внутри меня, зверя, который был заперт в клетке глубоко внутри меня в течение очень-очень долгого времени. – Забирайся на середину кровати, – командую я, направляясь к своему шкафу и вытаскивая два галстука. Когда я возвращаюсь, она уже сделала то, что я приказал, а также сняла платье. Фея осталась только в черном атласном лифчике, а на ее губах сияет улыбка.

Я сажусь на край кровати, чтобы снять обувь и носки, и пока я борюсь со шнурками, она садится позади меня, обхватывая меня вокруг груди.

– Ты такой теплый, – говорит она, прижимаясь к моей спине, лицом потираясь о мою кожу. Её губы скользят по мне, и часть меня отчаянно хочет позволить ей гладить меня, словно я её чертов бойфренд, и она любит меня. Другая часть, горькая часть, в ярости. Именно поэтому я установил такое правило. Женщины притворяются, что им не хватает секса, затем у них появляются идеи, что они могут починить то, что сломлено, сгладить все острые углы и превратить тебя в мужчину своей мечты. На самом деле, люди не меняются. Мы рождаемся и умираем, и по большей части единственный человек, который может нас изменить – это мы сами, но у меня нет на это времени. У меня просто нет времени.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, пытаясь сохранить свой голос спокойным.

– Я думала, это называется обниматься. Это, наверное, новомодная вещь... может, поэтому ты с ней не знаком.

Я чувствую ее улыбку на моей коже и могу представить, как её глаза сияют от самодовольства ее дерзости. Несмотря на всю мою грубость и ярость, я могу понять насколько она милая. В лучшем значении этого слова. Не в покровительственном тоне.

– Очень смешно, фея.

– Кого ты зовешь фея? – она ударяет меня по плечу, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть выражение притворного негодования у нее на лице.

Она начинает отползать от меня, как будто злится, но я вижу, что девушка больше дразнится. Несмотря на всю свою браваду, маленькой Динь нравится, когда её преследуют. Я всё ещё в джинсах, но встаю на колени и движусь за ней по огромной кровати. Её глаза распахиваются шире в то время, как она пятится быстрее. Но она недостаточно быстрая.

Когда я хватаю фею за лодыжку, она не борется со мной, как я ожидаю. Она сидит совершенно неподвижно, наблюдая, ожидая, пока я жадно втягиваю воздух, смотря на её сексуальные изгибы и стройные ноги, почти что, капая слюной от сильнейшего желания быть глубоко внутри неё.

— Я не знаю, с кем ты трахалась, маленькая Динь-Динь. Но тебе следует кое-что знать. Пока ты в моей постели, правила устанавливаю я. Всё, что тебе следует знать, это говорить «да», «больше», «пожалуйста, малыш», и я дам тебе всё, что ты захочешь.

Она привсталла на локти, уставившись в мои глаза, всё ещё пытаясь заглянуть внутрь меня.

— Всё, что *тебе* нужно знать, ты можешь касаться меня где угодно и смотреть куда угодно, но ты не можешь снять мой лифчик и трогать мою грудь.

Не было и тени улыбки на её лице. Она не шутила. Я замер на мгновение, принимая то, что она сказала. Я не думаю, что на планете найдется хоть один гетеросексуал, которому не нравится смотреть и трогать сиськи. Им не обязательно быть большими, просто достаточного размера, чтобы поместиться в руке, с сосками, которые твердеют, когда их всасываешь в рот. Я смотрю на её грудь, охваченную бюстгальтером, задаваясь вопросом, что послужило причиной такого правила. У неё тоже есть правило. Может быть, мы не такие уж и разные.

— Хорошо, — согласился я, что ещё, мать твою, я мог здесь сказать? Она не хочет, чтобы я смотрел на её грудь, и я не собираюсь сидеть здесь и раздувать из муhi слона. Она кивает один раз, затем улыбается, как будто испытывает облегчение от того, что покончила с этой частью. Это заставляет меня задаваться вопросом, что ей отвечали другие парни, с которыми она была. Были ли они такими же понимающими, как я?

Я притягиваю девушку к себе, располагаясь между ее ног. Моему члену так неудобно в тисках джинсов, поэтому я начинаю снимать последнюю деталь одежды. Маленькая фея сказала, что хочет увидеть, что у меня в штанах, поэтому я позволю ей это.

Её глаза широко распахиваются, когда я расстёгиваю ширинку и обхватываю свою эрекцию. Она такая жесткая, я поглаживаю ее, смотря прямо в глаза Динь, показываю, что я могу ей предложить.

— Да чтоб меня, — говорит она.

— Хорошая идея, — как только эти слова слетают с моих губ, я сразу вспоминаю о Рейвен и нашей переписке, со времени которой прошло лишь несколько часов.

Рейвен.

Когда её имя всплыло у меня в голове, я почувствовал пустоту внутри себя. Она подвела меня, не явившись, но только посмотрите на меня, как я её подвожу. Глупые мысли. Она знает, что я делаю, и это немногим больше, чем ласкать пальцами незнакомок в клубе.

– Ну и член у тебя, – слова феи вырывают меня из мыслей и возвращают в реальный мир.

– Ну, да, – мой член пропорционален остальным частям моего тела, и я привык к наивным фразам. По крайней мере, до этого. – Как ты думаешь, ты сможешь принять меня?

Она смотрит с сомнением, и я смеюсь. Я ни разу не встречал киски, в которой бы не смог поместиться. Приходится хорошо трудиться и проявлять самоотверженность, чтобы заполучить девушек, которых я трахаю красиво и со всей страстью, но разве это тяжкий труд?

– Не волнуйся, детка, – говорю я, подползая к ней. – Я заставлю тебя хорошо себя чувствовать, равно так, как тебе это нужно. И когда ты будешь умолять заполучить мой член, я буду входить в твою киску медленно и красиво, и она обхватит мой член так туго, словно перчатка руку.

Она смотрит на меня словно хочет засмеяться.

– Ты репетируешь речи для таких случаев, не так ли?

– Тебе же нравятся грязные речи? – я целую её в уголок рта, скулу, висок и шею, и она вздыхает в ответ. Волосы феи так хорошо пахнут, словно промокшие под летним дождем цветы.

– Мне нравится слушать твой голос. Чтобы ты ни говорил.

Она снова ложится на одеяло и притягивает меня сверху. Расположившись на ней и опираясь на руки, я остановился, чтобы взглянуть на неё. Она моргает, её руки скользят по моим вверх и запутываются в моих волосах. На секунду, у меня снова появляется странное чувство будто мы знакомы. То, как она меня касается, я думаю. Или её глаза. Я смотрю на неё, но не могу разобрать, то, как она смотрит на меня со смесью страха и голода слишком отвлекает, чтобы попытаться понять.

Я опускаюсь, пока моё тело полностью не прижимается к её. Мой член трется напротив мягких кудряшек, покрывающих её лобок, моя грудь напротив её груди, которую я никогда не увижу. Я отвожу волосы ей со лба и нежно целую в губы. Ячуствую, как дрожат её руки, прижатые к моей спине, когда я посасываю её нижнюю губу и проскальзываю языком в рот. Она снова сжимает мои волосы, притягивая меня ближе, чтобы углубить наш поцелуй, прижимая свои бедра к моим, желая большего давления.

Она такая крошечная в моих руках, поэтому я стараюсь её не раздавить, пока прокладываю дорожку из поцелуев вдоль её горла и плеч. Короткие стоны, что она издает, такие сладкие, такие невинные. Не похожие на те, что издают некоторые девушки, с

которыми я был, думающие, что они должны стонать, как порнозвезды, чтобы завести парня. Я делаю, как она просила, избегаю её грудь, спускаюсь вниз, чтобы прижаться к животу. Её кожа пахнет ванили, такая теплая и гладкая, я вдыхаю её аромат, желая близости с женщиной, той близости, что не чувствовал так долго. Мои руки зудят прикоснуться к ней абсолютно повсюду, ласкать её изгибы и гладить, пока она не растает от возбуждения.

— Малыш, — шепчет она, пока я трусь носом внизу, дыша чаще, рядом с её киской. Такое совершенство, мягкие волосы и округлая вершина между женских ног. Слишком многие бреются или используют воск, тем самым сглаживая и уничтожая женственность. Я потираюсь о неё, вдыхая запах, который заставляет мой член сильнее пульсировать. Ученые говорят о феромонах. Я не сведущ в науках, но знаю, что есть причина, почему женщина так пахнет. Что-то проникает мужчине глубоко в голову, переключая его тело и мозг, перегружая.

Маленькая фея раздвигает для меня ноги, поднимает бедра, требуя и заставляя меня улыбаться ей в бедра.

— Ты хочешь, чтобы я облизал тебя?

— Да, — мягко говорит она. — Дай мне этот язык.

— Да, мэм.

Её нижние губы плотно сомкнуты, словно раковина моллюска, и я использую большой палец, чтобы раздвинуть их, чтобы я мог хорошенъко её рассмотреть. Она такая розовая и красивая, естественная и сочная. Когда моё дыхание проносится над её блестящей кожей, она дрожит. Я проталкиваю большой палец достаточно, чтобы увлажнить его, а затем тру её клитор нежными круговыми движениями, которые заставят её кончить. Женские оргазмы требуют терпения и наблюдательности. Я вижу, что я делаю всё правильно, потому что мускулы её ног сжимаются, а бедра выгибаются. Я знаю, сколько надо ждать, чтобы, наконец, толкнуть свои пальцы вглубь неё, чтобы она получила самые острые ощущения. Я сделал своей целью понять женскую анатомию, потому что, кто, твою мать, хочет быть мужиком, самозабвенно трахающим женщину, с которой его член становится самым твердым на планете, и оставить её без оргазма?

Когда киска становится достаточно влажной, я начинаю своё путешествие языком. Она этого не ожидает, потому что не смотрит на меня. Мне нравится то, каким образом она расслаблена, прикрыв лицо рукой. Её лобо такое горячее, а клитор такой набухший. Её вкус взрывается в моей голове. Затем она так туго обхватывает меня, что, когда это происходит, мои пальцы внутри неё мучительно сжимаются вместе. Это напоминает мне клуб «Запретный», когда я чувствую, как её соки стекают прямо мне в ладонь. Эта девушка похожа на реку, и в этот раз я делаю то, что я так жаждал — я вытаскиваю пальцы из неё и доиста вылизываю свою ладонь. Закончив, я поднимаю взгляд и вижу, что она смотрит на меня. У неё ошеломленные глаза, а губы раскрыты. Она похожа на помешанного на сексе ангела. Она моргает, и у меня снова появляется чувство дежавю.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, поглаживая её от голени до бедра. Она кивает, берет меня за руку и притягивает к себе. Когда я нависаю над ней, она приподнимается, чтобы поцеловать меня, притягивая моё лицо ближе. Это такой сладкий и отчаянный поцелуй, наполненный противоречиями, которые заставляют меня чувствовать, что у неё есть, что сказать мне, но она хранит это глубоко в себе. Иногда легче общаться таким образом, чем словами. Я понимаю это. Вот почему я начал все эти переписки в чате.

Мой член пульсирует, но я жду, чтобы она показала мне, что хочет большего. Её руки жадные до прикосновений, она гладит моё лицо, затем обхватывает бицепсы, плечи и, наконец, сжимают мою задницу. Она ерзает подо мной, пытаясь расположиться таким образом, чтобы усилить давление в нужном месте. Я чувствую её влагу напротив моего члена и страстно желаю просто войти в неё. Я знаю, каково чувствовать этот жар, когда нет никакого латексного барьера. Насколько скользкой она была бы. Я чист, а чиста она или нет, это, твою мать, не имеет никакого значения для меня. Это может звучать высокомерно, но это то, что я чувствую. Я сдвигаю бедра, пока мой член не опускается ниже, а головка упирается в её вход. Я жду, чувствуя, как её влагалище рефлекторно сжимается. Я жду, когда она скажет мне *нет* или скажет надеть презерватив, но она этого не делает.

Я проталкиваюсь немного вперед, и она открывается, чтобы принять меня. Мои пальцы сделали самую тяжелую работу, поэтому мой член может легче скользить. Я смотрю прямо в её сине-зеленые глаза, и она смотрит на меня в ответ. Одна её рука закинута за голову так, как это делают дети, когда спят. Я вспоминаю о ребенке, о котором я давно не думал, и отталкиваю эти воспоминания. Воспоминания о прошлом отзываются болью в моем сердце, я просто не хочу это чувствовать.

– Порядок?

– Мммм.

– Ты хочешь этот член? – я хочу быть уверенным, что она действительно со мной и хочу вернуться обратно в безопасную зону.

Она кивает, и я толкаюсь сильнее. Её плоть обхватила меня, и её ноги раздвигаются, чтобы обхватить меня за талию. Это как окунуться в теплый океан в жаркий летний день. Совершенно.

Я вдалбливаюсь в неё, чувствуя, как её соки покрывают мои яйца, обжигая жаром её влагалища.

Она чувствуется так чертовски хорошо, что я не могу это перенести. Моё сердце бешено стучит, а пресс сжимается. Я приподнимаюсь на локтях, оказавшись в фуре от неё, пока мы не сдвинулись на кровати, и она цепляется за меня, как за самое дорогое в её жизни.

– О, о... – стонет она, и этот звук простирает до самого основания члена, приводя яйца к боевой готовности.

Я собираюсь заполнить её до краев. Я проникну глубоко внутрь неё, и буду смотреть, как я выскользну, когда мой член размягчается, а её киска запульсирует.

– Да-а-а, – стонет она, когда я прижимаю её ноги к её груди. Она сжимает меня сейчас так тugo, и я понимаю, что она скоро кончит. Одна эта мысль заставляет меня желать выплеснуться в неё, но, как я сказал, я мужчина, который может подождать своей очереди.

– Шагни за край, детка, – говорю я. Она кивает, плотно прикрывая свои глаза и запрокидывая голову назад. – Я собираюсь кончить внутри тебя. Наполнить до краев, малышка. Твой оргазм будет таким жестким.

Она кричит, когда я начинаю вбиваться в неё сильнее, потирая клитор, зная, что этим подведу ее еще ближе к экстазу, потому что я знаю женщин, я беру Динь за подбородок и просовываю свой палец ей в рот.

– Твою мать, возьми его, – рычу я. – Кончай.

И она делает это. На самом деле делает это. Она кончает, кончает и кончает, выдаивая мой член, пока я делаю то, что обещал. Заполняю её своим семенем.

И позднее, когда мы расслабляемся в тот самый замечательный момент тишины после потрясающего секса, она прижимается ко мне, немного заполняя пустоту во мне.

ГЛАВА 9

Ривер: Почему ты здесь, Рейвен?

Рейвен: Я не знаю. Ну, у меня некоторые проблемы. Мне трудно общаться, сблизиться с кем-то.

Ривер: Так ты спиши с незнакомцами?

Рейвен: Я думаю, так легче. Так проще принять то, кто я есть, и то, что я хочу или не хочу быть с кем-то, кого я больше никогда не увижу. Поэтому, если я облажаюсь, это не будет иметь значения.

Ривер: И это работает?

Рейвен: Я всё никак не могу найти достаточно смелости, чтобы пройти через это.

Ривер: Никогда?

Рейвен: Я не нашла кого-нибудь, с кем у меня была бы связь. Оказывается, мне нужно кому-то доверять.

Ривер: Я не могу сказать, что мне жаль услышать такое.

Рейвен: Почему?

Ривер: Потому что я не верю, что ты можешь решить свои проблемы с незнакомцем, птичка. Я думаю, тебе нужно найти способ разобраться с ними самой. И когда ты закончишь своё исцеление, тебе нужно найти кого-нибудь, кто будет любить и лелеять тебя.

Рейвен: Но что, если не смогу это сделать, Ривер? Что если я не могу это позволить себе?

Ривер: Ты можешь, детка. Я знаю, ты можешь.

ГЛАВА 10

Флинт

Весь в синяках, потный и уставший, как собака. Вы думаете, что я должен был к этому привыкнуть, учитывая, что я этим зарабатываю на жизнь. Среднестатистический Джо может пойти домой после своей смены и расслабиться. Что же касается меня, я должен приложить лед на самые сильные травмы, обработать и наложить повязку на каждый порез, а затем наесться от пузга. Поверьте, мне нравится моя работа, но иногда побочные эффекты страсти всей нашей жизни могут раздражать.

Рэд за рулем, и это хорошо, потому что я не могу держать свои глаза открытыми. Это кажется диким, что меня возит младший брат моего лучшего друга, но это то, к чему я должен привыкнуть. Времена меняются. Рэд возится с радио и останавливается на старой-престарой песни группы Journey¹⁰. Она напоминает мне одного из моих приемных отцов, того, кто был не слишком злым и любил делиться своей любовью к року в своих длинных монологах, которые мы внимательно слушали. Это наводит меня на мысль о танцах с моим братом и другими детьми, которые жили с нами.

– Эта песня напомнила мне о Бобе, – говорю я.

Рэд был рядом в те дни. Ещё один ребенок, выросший в такой же дыре.

– Думаешь, он когда-нибудь смотрит твои бои по телеку и вспоминает старые деньки?

Может, он и смотрит. Наверное, мне следует его навестить как-нибудь. Я бы хотел, но знаю, что это не пройдет столь гладко. Он являлся хорошим парнем, но всегда был на мели, и я не собираюсь становиться чьим-то счастливым билетом в хорошую жизнь.

– Ему больше нравится бейсбол, не так ли?

– Я думаю, да.

Мы недалеко от дома, и я вытягиваю ноги, чувствуя особенно сильную боль под коленом. Я знаю, что оно распухнет на утро.

– Ты был сегодня хороший, – говорит Рэд.

Я на самом деле не очень удовлетворен своим выступлением. Я отвлекался, думая о Хадсоне и о том, что он не пришел посмотреть на меня. Не то чтобы мне нужно, чтобы он смотрел на меня или что-то в этом роде, просто мне кажется, что у него произошло что-то серьезное, раз он отменил всё в последнюю минуту. Мне не нравится не знать, что происходит с моим старшим братом, особенно сейчас.

– Я всё сделал как надо. Достаточно для того, чтобы победить.

¹⁰ Путешествие, оригинал Journey — американская [рок-группа](#), образованная в 1973 году бывшими участниками [Santana](#). Группа стала очень успешной коммерчески в 1978—1987 годах, продав более 80 миллионов экземпляров альбомов по всему миру и более 47 миллионов в США.

– Разве это не одно и то же?

– Ну, ты знаешь, мне нравится выигрывать чисто.

Я уловил ухмылку Рэда.

– Тот комментатор прилип к тебе, как банный лист, – сказал он.

Я повернулся, чтобы посмотреть в окно. Машина рычит, поскольку мы все быстрее несемся по направлению к дому. Иногда я чувствую себя мошенником, подъезжая на роскошном внедорожнике к нашему дому на холме. Это не похоже на то, что все улучшилось недавно. Мы стали жить хорошо с тех пор, как Хадсон стал профи, но мне всё ещё кажется, что мы живем чужой жизнью. Кто-то лишний в кадре. Жулики. Ничтожества, какими мы были раньше.

Дороги практически пустые, поэтому мы быстро добираемся домой. Байк Хадсона на подъездной дорожке, и я в облегчении вздыхаю, понимая, что он дома. Рэд выскакивает из машины и хватает мою сумку, а я выбираюсь из автомобиля, как раненный солдат, которым я и являюсь. Каждый шаг вызывает новую боль. У меня завтра выходной, но, когда я вернусь к тренировкам, будет больно.

Когда я открываю входную дверь и захожу внутрь, вижу кожаную куртку Хадсона на полу. Моё сердце пропускает удар, потому что брат – всерьез помешан на чистоте и порядке, и не может быть такого, чтобы он просто кинул куртку за 500 долларов без особой причины. Затем я вижу, как из-под нее выглядывает каблук. Какого хрена? Я подхожу к странной черной куче и беру в руки куртку Хадсона. Под ней действительно лежали сексапильные черные женские сапоги.

– Что это, Флинт? – спрашивает Рэд, приближаясь ко мне и продолжая пялиться на обувь в моих руках.

– Женские сапоги, – отвечаю я. Мы смотрим друга на друга, хмурясь. Мой брат не похож на монаха, но он установил правило несколько месяцев назад, и это первый раз, когда он нарушает его, насколько я его знаю.

Рэд смотрит вверх по лестнице и поднимает брови.

– Интересно.

– Несомненно.

– Ты думаешь, нам следует проверить, как он там?

– Да, но я сначала приведу себя в порядок. Дадим ему время объявиться.

Рэд кивнул головой и понес мою тяжелую сумку на кухню, где, как я знаю, он её распакует и положит все мои грязные вещи в машинку. Хорошо иметь ассистента, которому я могу довериться.

Я потихоньку иду в свою комнату и встаю под душ, намыливая и осматривая себя, как я это обычно делаю. Пол душа становится розовым, смывая с меня кровь и пот. Я

сажусь на скамейку и медленно дышу, обхватив голову руками и позволяя воде бежать по мне.

Моя голова пульсирует от ударов, которые я получил чуть ранее сегодня вечером, я провожу руками по своим коротко стриженым волосам, массируя виски. Я скучаю по кудрям, которые у меня были, такие же как у брата, но это не практично для моей работы.

Несмотря на то, что я опустошен, мой член поднимается между ног. Вода, текущая по мне, ощущается так хорошо, прошло несколько месяцев с тех пор, как у меня кто-то был. Я думаю о Хадсоне и девушке в нашем доме, чья обувь была так небрежно сброшена. Она должна быть кем-то особенным для него, чтобы он привел её домой. Я чувствую некоторое облегчение, что он ведет себя как раньше. Он изменился с тех пор, как потерял место в команде. Именно тогда он лишился того, что доставляло ему наибольшее удовольствие. Тогда он решил исключить женщин, выпивку и, честно говоря, перестал жить. Если эта девушка сможет придать ему бодрости духа хоть немного, то я не могу быть более счастливым.

Я выключаю душ и начинаю вытираясь настолько осторожно, насколько только могу. В спальне я натягиваю чистые спортивные штаны и футболку, затем обрабатываю свои порезы и направляюсь на кухню. Рэд сидит за кухонной стойкой и смотрит в телефон. Вероятно, проверяет некоторые сайты MMA, посвященные моему сегодняшнему бою. Он беспокоится о моём имидже больше, чем я.

– Я пойду проверю Хадсона, хорошо?

– Ты думаешь, это разумно? Что, если ты чему-то помешаешь?

– Я ничего не слышу, а ты?

– Ну, они навряд ли будут тихими.

Я закатываю глаза, вспоминая некоторые его вокальные *выступления*.

– Там не будет ничего такого, что ты не видел до этого, – усмехается Рэд, демонстрируя ямочки на щеках.

– Как в старые деньки, да?

– Что-то типа того.

Развернувшись, я иду по коридору к двери Хадсона, останавливаясь чтобы услышать малейший шум. Тишина, поэтому я потихоньку стучу.

Спустя какое-то время дверь открывается, и появляется Хадсон, усталый и помятый.

– Что случилось? – спрашивает он, его голос хриплый от сна.

– Просто проверяю, брат. Всё хорошо? – я вглядываюсь вглубь комнаты, рассматривая девушку, спящую на кровати Хадсона, совершенно выпавшую из

реальности. Свет из коридора бросает желтую полоску через её форму, освещая короткие светлые волосы и стройную фигуру.

– Да. Я думаю, – он трет глаза и оглядывается через плечо.

– Ты кого-то привел?

– Похоже на то.

– Кто она? – спрашиваю я.

Он всё отменил сегодня, поэтому я предполагаю, он собирался встретиться с *ней*.

– Не имею долбаного понятия, – он выглядит уставшим и немного растерянным. Я внимательно и с беспокойством присматриваюсь к нему.

– Где ты её нашел?

– В клубе «Запретный».

Я приподнимаю брови, потому что знаю, что мой брат делает в этом клубе, и он никогда не приводил после этого девушек домой.

– Ого.

– Это произошло случайно, – говорит он.

– Ты её просто подцепил?

– Я думаю, это она меня подцепила, – отвечает он.

Я не могу не улыбнуться. Хадсон огромный парень, и одна только идея, что эта крошка девушка на кровати смогла заставить его сделать что-то, чего он не хочет, кажется очень забавной.

Рэд появляется позади меня и заглядывает внутрь комнаты, таращась на спящую красавицу. Дверь открывается шире и больше света попадает внутрь, позволяя лучше ее разглядеть. На секунду я беспокоюсь, что мы можем побеспокоить и напугать её. Кто захочет проснуться в окружении кучи незнакомцев, наблюдающими за тобой?

– Чувак, ну ты даешь, – протянул Рэд. – Она хорошенъкая.

– Да, – Хадсон повел плечами, разминая их, как после тренировки. Я бы тоже не отказался от *такой тренировки*.

Девушка на кровати чуть шевельнулась, немного смещаясь, и мне кажется, я что-то вижу на её спине. Родимое пятно в примечательной форме искривленного сердечка. Родинка, очень похожая на одну, которую я видел прежде.

– Хадсон, как её зовут? – спрашиваю я, задаваясь вопросом, действительно ли я что-то увидел или сегодняшний вечер – это роковое стечние обстоятельств. Сначала эта песня по радио, которая напомнила мне Боба. Затем я вижу родинку, как у нашей сводной

сестры на полуобнаженной спине незнакомки. Наверное, сегодня было слишком много ударов по голове.

– Нет ни одной гребанной идеи. Я зову её Динь-Динь, но не из-за её лица, – он улыбается сам себе, и я накланяюсь вперед, стараясь лучше разглядеть её.

– Она тебе никого не напоминает? – я надеюсь, он скажет «нет», но вместо этого, Хадсон поворачивается ко мне и хмурится.

– Забавно, что ты это спросил. У меня такое ощущение, что я её уже видел до этого. Она выглядит знакомо.

– У неё зелено-голубые глаза?

Рэд поворачивается и смотрит на меня, затем разворачивается обратно к нашей спящей гостье.

– Да. Прекрасные глаза, – отвечает Хадсон. Он всё ещё не понимает, что я имею в виду, но Рэд уже догадался.

– Черт возьми, это Мисси? – громко выкрикивает он, словно угадал ответ на последний вопрос в телешоу и вот-вот выиграет миллион долларов.

Хадсон пораженно смотрит на Рэда, как будто тот говорит на другом языке, по-видимому, пытаясь осознать его слова своим полусонным мозгом.

– Мисси?

– Наша сестра, Мисси, – шепчу я, понимание окончательно выбивает весь воздух из моих легких.

Я вижу, как такое же осознание бьет по Хадсону, точно удар о бетонную стену. Он таращится вглубь комнаты, как и все мы, на человека, которого мы любили так давно, и потеряли в детстве, которое было наполнено разрывами отношений и обещаний. В моей голове вспыхивает воспоминание о Мисси, как о маленькой девочке, светловолосой и кудрявой, чьи волосы подпрыгивали, когда она заскакивала на нашу кровать, смеясь так сильно, что едва могла дышать. И ещё одно, когда во время послеобеденного сна она положила свою голову на мою грудь, поглаживая мою руку.

Я помню то, как её любил Хадсон. Как брат, но это было больше. Он чувствовал себя ответственным за неё, немного, как отец. Он был на семь лет старше неё, но всё ещё оставался мальчишкой.

Старший брат как будто сжимается на моих глазах, плечи сгибаются, поскольку он оседает в дверном проеме.

– Мисси, – шепчет он, и одно это слово наполнено страхом и ужасом.

– Мисси, – повторяю я, потому что это объединяет нас. Вместе во всем. Вместе навсегда. И ничего между нами.

За одним исключением, здесь Мисси. Единственный человек, которого я когда-либо любил так же сильно, как и моего брата. Но вместо воссоединения, которое я всегда себе представлял, мы смотрим на неё, почти обнаженную в кровати Хадсона.

Иногда мы можем чувствовать, что некоторые моменты нашей жизни меняют абсолютно всё в ней. Моё сердце ноет, пока я осознаю тот факт, что мой старший брат только что занимался сексом с Мисси, ребенком, которого он давным-давно нашел в мусорном контейнере и боролся, чтобы сохранить, пока судьба не украла её и не разбила его сердце.

ГЛАВА 11

Ривер: Сегодня я слушал радио, и заиграла старая песня Боба Марли¹¹.

Рейвен: Да? Я бы не хотела, чтобы ты был поклонником регги¹².

Ривер: Я на самом деле и не поклонник. Всё дело в словах этой песни. Он поет «Откройте глаза и присмотритесь, довольны ли вы жизнью, которой вы живете?»¹³

Рейвен: И это заставило тебя задуматься?

Ривер: Это заставило меня чувствовать себя дерьмом.

Рейвен: Почему, малыш?

Ривер: Потому что я в своей жизни делал много разных вещей, Рейвен. Плохих. Но, я не знаю, как жить по-другому.

Рейвен: Ты всё делаешь хорошо, Ривер. Ты всегда выглядишь так, как будто знаешь, чего ты хочешь.

Ривер: Я плыву по течению, Рейвен. Плыву по течению всю свою жизнь. И всё становится только хуже. Я принимаю наихудшие решения для себя. И делаю то, что, как я считаю, защитит меня, но становится только хуже и хуже.

Рейвен: Что именно?

Ривер: Моё пребывание здесь.

Рейвен: Ты делаешь это, чтобы защитить себя? От чего?

Ривер: От чувств.

¹¹ (Сэр) Боб Марли (1945-1981) – ямайский музыкант, гитарист, вокалист, композитор. Боб Марли до сих пор является самым известным исполнителем в стиле регги. Именно благодаря его международному успеху регги приобрёл широкую популярность за пределами Ямайки. Был одним из самых виднейших сторонников движения, требовавшего предоставления неграм равных политических прав в США.

¹² Регги – направление современной музыки, сформировавшееся на Ямайке в конце 1960-х и получившее широкое распространение с начала 1970-х годов. Регги может быть одновременно и танцевальной, и релаксационной, и протестной музыкой, что следует из традиций африканской культуры, в которой ритм, танец и музыка существуют с прочими явлениями и событиями.

¹³ Bob Marley – Exodus

ГЛАВА 12

Мисси

Я не хочу двигаться. Я нахожусь в тепле и безопасности. Обычно я не могу нормально спать. Я медленно плыву на волнах полусна, желая, чтобы голоса, разбудившие меня от моего одурманивающего сна, ушли.

Подождите, голоса?

Я подскакиваю и щурюсь от света, который попадает через открытую дверь прямо на кровать. Огромные, очевидно мужские фигуры закрывают дверной проем. Ривер стоит перед двумя мужчинами, наблюдая за мной.

Я хватаю шелковую простынь и натягиваю до самых плеч. Я вглядываюсь в глаза Ривера, пытаясь удостовериться, что я в безопасности, что он защитит меня, но всё, что я вижу – это замешательство и ужас, которые написаны большими буквами на его лице, прежде чем он отступает вглубь коридора. Видя, как трое мужчин стоят там, я понимаю, что действительно не знаю Ривера. Я люблю его, да, но знаю ли? Доверяю ли? В чате, да. Здесь, в реальной жизни, нет. Доверие к людям – это не то, чем я могу похвастаться.

Один из мужчин делает шаг в мою сторону, и воспоминания о моем приемном отце наводняют мой мозг и заставляют меня осознать, по мере того как страх охватывает всё моё тело. Я не знаю, что происходит, но в такие игры не играю. Если Ривер думает, что это будет весело – разделить меня с кем-то, он обнаружит что-то совершенно иное.

– Убирайся к черту! – шиплю я.

Я шарю по прикроватной тумбочке и натыкаюсь на пульт, лежавший рядом с лампой. Я запускаю его прямо в мужчину, всё ещё стоящего там, всё ещё смотрящего на меня. Пульт ударяется в дверной косяк. Я хватаю лампу следующей, тяну за шнур. Я проломлю их головы, если они подойдут ближе.

Рыжеволосый хихикает.

– Разве она не маленькая дикая кошечка?

– Пошел ты! Вали отсюда! Отвали от меня! – выкрикиваю я, борясь со своей одеждой, пытаясь натянуть её под простыней. Что за черт? Почему они всё ещё здесь и глазируют на меня? Разве они не видят, насколько это неуместно?

– Уйди с моей дороги, – рычу я, проталкиваясь сквозь два больших тела, которые всё ещё стоят в дверях и пялятся на меня. Ривера нет в коридоре. Я оборачиваюсь и пристально смотрю на двух мужчин.

– Где он?

Высокий, мускулистый парень нервно трет рукой свои коротко подстриженные волосы. Черт, он великолепен, как Ривер. Они могут быть братьями. Я прищуриваюсь, когда он пытается ответить.

– Ну, это, ему нужно несколько минут...

– И чего ты ждешь? Присматриваешь за мной?

Они оба выглядят немного ошеломленными. Они не похожи на хищников, но это может быть лишь прикрытием. Я видела тьму внутри людей. Плохие вещи, которые не следует видеть. Я знаю, что они могут приятно улыбаться, но то же время оставаться внутри скользкими, словно сам дьявол.

Они оба всё ещё смотрят на меня, пока я пячусь вниз по коридору, держать за стены, наблюдая за ними словно ястреб.

Спустившись вниз по лестнице, я оглядываюсь, отмечая, что мои сапоги и кожаная куртка Ривера всё ещё лежат на полу. Я вглядываюсь в дверной проем, ища любые признаки Ривера. Я не знаю, куда он ушел, но я, черт возьми, уверена, что мне не нужно больше здесь находиться. Когда я слышу звук шагов, спускающихся по лестнице, я прекрасно осознаю, что я должна уйти.

– Эй, с тобой всё хорошо, сладкая? – в голосе рыжеволосого парня на самом деле звучит беспокойство.

– Мне было бы чертовски лучше, если бы я свалила отсюда.

Куда подевался Ривер? Было бы неплохо, если бы меня подбросили до дома... или лучше вызвать такси. Я была настолько глупой, что согласилась приехать сюда, как будто того, что произошло в клубе, было недостаточно. Но этого никогда не бывает достаточно.

Я испугана, так боюсь находиться здесь с двумя незнакомцами. Я учились защищать себя в течение очень долгого времени, своим острым языком и всем, что попадется под руку. Некоторым мужчинам не нравится иметь дело со сквернословящей женщиной, и они отступают, стоит только подерзить. Когда же ты настолько крошечная, как я, остается надеяться, что резких слов будет достаточно. Но они всё ещё таращатся, словно у меня выросла вторая голова.

– Что ж, – говорю я, – кто-нибудь из вас, засранцы, не хочет найти того другого придурка для меня? Я очень хочу убраться отсюда к чертям собачим.

Они не сдвигаются с места, не сводя с меня глаз и открыв рты.

– Нет? Прекрасно, я найду его сама.

Я отталкиваю рыжего в сторону, поднимаюсь наверх, решившись найти Ривера, и попросить его отвести меня в кофейню, что расположена рядом с моей квартирой. Я люблю его, Боже, я действительно люблю его, но я знала, что сегодня будет моя единственная ночь с ним. Мой единственный шанс быть рядом с ним, вдохнуть его запах и почувствовать его вокруг себя. Я не знала, чего ожидать. Счастливого конца? Едва ли. Я знаю, что он облажался, как и я, но я не предполагала, что он оставит меня наедине с двумя посторонними мужчинами.

Топая вверх по лестнице, я замечаю фотографии в рамках, которые висят на стене над лестницей. Раньше я не обратила на них внимание. Ещё несколько часов назад я видела только Ривера. Вот он, стоящий на боковой линии футбольного поля; высокий парень в боксерских перчатках дерется с кем-то, кто выглядит очень знакомо; фотографии их обоих на пляже, похоже на Гавайи, с тем рыжим парнем, все салютуют фотографу холодными банками пива. Одна фотография выбивается из общей картины, и что-то бросается мне в глаза настолько, что заставляет меня вернуться назад, чтобы взглянуть на неё ещё раз.

Она старая, с потемневшими краями и замызганная от частого обращения. На ней изображены шестеро детей, стоящие в шеренгу, в жалкой поддержанной одежде и с неопрятными головами. Они выглядят, как тряпичные куклы. Знакомые тряпичные куклы.

Я оглядываюсь на парней, стоящих у подножья лестницы. Они оба смотрят на меня, ожидая моего следующего шага. Я подхожу и хватаю фотографию со стены. В центре находится самая маленькая фигура, крохотная девочка с неровными светлыми косичками, с дыркой между зубов и голубыми глазами, цветом напоминающими освещенный солнцем океан. Я знаю её, я знаю эту маленькую девочку, сияющую широченной улыбкой и сжимающую руки темноволосых мальчиков, сидящих с обеих сторон от неё.

Я знаю её, потому что это я.

ГЛАВА 13

Riverer зашел в чат

Ривер: Привет, птичка.

Рейвен: Привет. Я была близка к тому, чтобы бросить тебя.

Ривер: Не делай этого, пожалуйста.

Рейвен: Я только имела в виду, что ты опоздал. И ничего больше.

Ривер: Я знаю, что ты имела в виду. И всё же, не отказывайся от меня.

Рейвен: Не буду. Обещаю.

Ривер: Расскажи мне, что хорошее произошло сегодня с тобой.

Рейвен: Я прожила этот день?

Ривер: Как всегда, остроумно. Я понимаю, о чем ты.

Рейвен: Ну, хорошо, дай мне минутку подумать.

Ривер: Тебе нужно время, чтобы понять, что хорошего произошло с тобой?

Рейвен: Обычно да.

Ривер: Мне не нравится думать, что ты несчастна.

Рейвен: Я знаю, ты, наконец-то, появился, чтобы поговорить со мной. Вот это то хорошее, что произошло сегодня со мной.

ГЛАВА 14

Хадсон

Я, мать твою, не могу поверить...

... Я, черт возьми, не знаю, что делать.

Я трахнул Мисси.

Я трахнул Мисси.

О, Боже. Я шагаю из угла в угол, пиная огромный диван. Я бью рукой стену и облокачиваюсь на неё, тяжело дыша, наслаждаясь отвлекающей болью. Рычание сотрясает моё тело. Что, мать твою, я наделал?

Флинт должно быть ошибся. Это не может быть Мисси. Эта девушка наверху... она слишком сексуальна. Слишком дикая. Я разбитый на осколки, и она заставляла меня чувствовать себя с ней, как дома, ни с одной женщиной я не чувствовал ничего подобного.

Мисси ушла. После того как наших приемных родителей арестовали, а опека разделила нас, я поклялся, что когда-нибудь найду её снова. Мне было только тринадцать, но Флинт и я никогда не забывали про Мисси. Мы ушли из приемной семьи, когда мне исполнилось восемнадцать, и мы попытались найти её, но система была слишком скрытой, а у нас не было тех денег, которые дали бы нам шанс. После того, как я начал играть в НФЛ¹⁴ и у меня появилось столько денег, что я не знал, что с ними делать, я нанял лучшего детектива, которого только мог найти. Он отыскал её следы. Старые семьи, где она жила, бывших друзей, кто давненько не слышал о ней, но не её саму.

Даже, когда я повторяю это себе, я знаю глубоко в сердце, что я – обманщик. Хуже того, я лгу себе. Те ощущения чего-то знакомого должны были быть достаточными для меня, чтобы узнать её. Я бью себя по голове, пытаясь выбить из мыслей изображения кричащей и стонущей подо мной Мисси. По крайней мере, я должен был спросить её имя. Я должен был подольше с ней поговорить, когда почувствовал что-то знакомое в ней.

Но я этого не сделал. Я позволил своему члену думать вместо себя. Прошел уже год, с тех пор, как я установил своё правило. Я держал его всё это время, и это был первый раз, когда я позволил своему гребаному члену взять верх, и случилось такое дермо. Я обидел единственного человека, которого я поклялся всегда оберегать.

Опускаясь на диван и сжимая голову руками, я прокручиваю снова и снова, что произошло, вспоминая ощущения от погружения в неё, и вспоминаю, как её глаза меняют свой цвет с голубого на зеленый. Я должен был догадаться. Её смех, когда я преследовал её по комнате. Я должен был знать. Стонущие вздохи, когда я пробовал её между ног. Я должен был узнать её раньше.

¹⁴ НФЛ – Национальная футбольная лига — профессиональная лига американского футбола в США. В настоящее время в НФЛ играет 32 команды

Я должен был догадаться. Как я мог не разглядеть, что она моя дорогая маленькая Мисси? Моя сестра.

Я разрушаю всё хорошее, что когда-либо было в моей жизни. Я украл шанс на то, что мы снова станем семьей, как только она поймет, кто я, она никогда не простит меня. Не тогда, когда она осознает, что её сводный брат, который обещал защищать её, подцепил её в клубе и привёл домой на одну ночь. Даже не спросив её имя. Просто трахал её, пока она больше не могла держать глаза открытыми.

Отталкиваясь от дивана и спотыкаясь, я подхожу к бару, чтобы найти непочатую бутылку водки высокого качества, которую, я знаю, припрятал Рэд. Я всё ещё могу ощущать мускусную сладость Мисси во рту. Я должен смыть её с моих губ.

Я верчу бутылку в руках, мои мысли мечутся в голове, словно рой пчел. Я помню, как чувствовал себя на вершине мира, когда впервые стал профессионалом. Всплеск адреналина, который я ощущал каждый раз, когда бежал по полю и слышал, как толпа скандировала и кричала моё имя. Это было что-то невероятное, непохожее ни на что другое, что я испытывал до этого. Я так высоко поднялся. Я думал, что ничто не событ меня с этой вершины. Затем всё изменилось за одну ночь. Я был так высоко и упал так далеко, я не думал, что могу почувствовать что-то худшее.

Я ошибался.

Прямо сейчас боль разрывает меня на части от мысли, что я сделал с Мисси, сильнее, чем какая-либо боль, физическая или эмоциональная, которую я когда-либо испытывал. Ещё одна вещь, которую я не могу вернуть назад. Я только надеюсь, что она не поняла. Если она подумает, что я ещё один подонок, ей будет легче, в конечном счете.

Всё, что я хочу сделать сейчас, это опрокинуть эту бутылку и в забвении залить в горло. Стереть вкус Мисси с моих губ и воспоминания о прошедшей ночи из моей памяти. Я хочу начать всё сначала с моей малышкой Мисси, но я не могу ничего поменять. Уже слишком поздно. Она никогда не простит меня, если узнает.

Твою мать. Флинт не сможет держать свой рот на замке. Не сейчас, определенно не сейчас, когда она появилась на пороге нашего дома после всех этих лет. Он будет так счастлив вернуть её, как будто это грабаное исполнение мечты.

Она видела моё лицо, и я знаю, что она видела позор, написанный там. И я стыжусь. Не её, себя, что был настолько глуп.

Я спотыкаюсь о диван, в то время как боль простреливает в висок яркой вспышкой света, ослепляя, заставляя пульсировать мою голову. Дерьмо, только не сейчас. Последнее, что мне нужно, чтобы Мисси зашла сюда и увидела меня в таком состоянии. Мне не нужна её жалость.

Боль стучит в голове, и сильно бьюсь о диван, когда сажусь. Но это всё ещё несравненно с болью в моей груди.

Моя сестра.

Я медленно качаю головой, вперед и назад. Может, если я посижу минутку, успокоюсь, боль уйдет. Я пытаюсь не думать о Мисси. Я хочу позвать Флинта или Рэда, но в то же время, я не хочу, чтобы они знали. С них уже достаточно плохого, им не обязательно видеть ещё и это. Я делаю несколько глубоких вздохов, и боль спадает. Бутылка всё ещё зажата в моей руке, снимаю пломбу, потому что было бы так хорошо забыться, хоть на какое-то время.

Я бросаю крышку через всю комнату и запрокидываю бутылку, позволяя прохладной жидкости обжечь моё горло. Я могу быть ублюдком за то, что я сделал, но я не умею быть другим. В следующие несколько часов я могу забыться. Мне нужно забыться. Тепло распространяется по мне, и я желаю, чтобы я мог обернуть время вспять. Я не прошу многоного. Всего несколько часов. Достаточно, чтобы изменить ситуацию с Мисси.

ГЛАВА 15

Рейвен зашла в чат

Рейвен: Я думала о тебе весь день.

Ривер: Какие мысли бродили у тебя обо мне?

Рейвен: В основном о том, что я почти ничего не знаю о тебе.

Ривер: Тут нечего знать.

Рейвен: Люди похожи на гобелены, Ривер. Истории переплетаются. Крохотные детали, которые формируют всю картину.

Ривер: Это прекрасно звучит, птичка.

Рейвен: Расскажи мне что-нибудь о себе, что я ещё не знаю.

Ривер: Что именно?

Рейвен: Ну, у тебя есть братья или сестры?

Ривер: Это слишком личное, ты так не думаешь?

Рейвен: Пожалуйста.

Ривер: Хорошо. У меня есть один родной брат, и друг, который мне, как брат. У меня была сестра.

Рейвен: Была? Что с ней случилось?

Ривер: Я не знаю.

Рейвен: Как ты не можешь знать?

Ривер: Я не видел её очень-очень давно.

Рейвен: Это так печально. Если у тебя есть семья, вы должны разговаривать друг с другом.

Ривер: Я бы очень хотел, но я не знаю, где она. Что насчет тебя?

Рейвен: А что насчет меня?

Ривер: Ты общаешься со своей семьей?

Рейвен: У меня нет семьи.

Ривер: У каждого есть хоть что-то наподобие семьи.

Рейвен: Не у меня.

Рейвен покинула чат

ГЛАВА 16

Флинт

Я четко замечаю тот момент, когда Мисси всё понимает, и целая буря эмоций отражается на её лице, когда она осознает, *кто* изображен на фотографии. Когда она поворачивается ко мне и Рэду, я поднимаюсь по лестнице на ступеньку, но она трясёт головой и вскидывает руку, словно защищаясь.

– Флинт? Рэд? – её голос полон боли. Смещения. Всё, что я могу сделать, это кивнуть. Я не знаю, что ещё сказать.

– Тогда… – она смотрит вверх, вероятно, в сторону спальни, откуда она только пришла. Она медленно прикрывает глаза, грудь резко поднимается и опускается.

– Хадсон, – шепчет Мисси и оседает на пол.

Я мчусь по лестнице и беру её за руку, чтобы убедиться, что она не поранилась, но Мисси отталкивает меня и облокачивается о стену. Она выгладит, словно раненное животное, которое загнали в угол. Её взгляд мечется между мной и Рэдом, её дыхание вырывается из горла, словно как при удушье. Я вижу, как её руки, лежащие на коленях, дрожат.

Если уж я был чертовски удивлен, то даже не могу представить, что сейчас чувствует Мисси. Я знаю, что она *любит*, ну хорошо, *любила* Хадсона. Мы не видели друг друга очень-очень давно.

– Мисси, – мягко зову, – давай, поднимайся, девочка. Я знаю, ты шокирована. Черт, мы все в шоке. Пойдем, тебе нужно глотнуть воды. Затем мы поговорим.

Я протягиваю руку, ободряюще кивая и улыбаясь, пытаясь вывести её из шокового состояния. Я почти падаю на задницу, когда она поднимается на дрожащих ногах и бегом спускается по лестнице мимо меня.

Она хватает свои сапоги, выскакивает через входную дверь, растворяясь в ночи.

– Куда она пошла? – спрашивает Рэд. – Здесь нет автобусной остановки.

Рэд и я оборачиваемся на грохот, который доносится из задней части дома. Я толкаю Рэда в плечо.

– Иди, позаботься о Хадсоне. А я пойду за Мисси.

Я вижу её, на середине подъездной дорожке, натягивающей свои, трахни-меня сапоги. Перескакивая через ступеньку, иду по ещё теплому асфальту и приближаюсь к ней в то время, как она тянет застежку-молнию на голени сапог, звук, нежно режущий ночной воздух. Я могу видеть её волосы, ярко выделяющиеся в ночи, и слышу тихие всхлипы, которые она издает.

Я останавливаюсь достаточно далеко от неё, чтобы она не посчитала меня угрозой.

– Миссисипи.

Она резко поворачивается, вытирая лицо тыльной стороной ладони.

– Что тебе нужно, Флинт?

– Мы можем поговорить об этом?

– Здесь не о чём говорить, не сейчас.

– Брось, позволь мне подкинуть тебя до дома.

– Нет. Я в порядке. Я могу о себе позаботиться.

– Уже слишком поздно, Мисси. Ближайшая остановка в четырех милях¹⁵ отсюда, и там темно. Ты не сможешь поймать такси в час ночи. Позволь отвезти тебя домой.

Она смотрит вниз по дороге в обоих направлениях, и я вижу, как она прикусывает внутреннюю сторону щеки, взвешивая варианты. На секунду, я думаю, наша маленькая сестра-чертовка на самом деле собирается идти пешком четыре мили в кромешной тьме до остановки. Потом она качает головой и со вздохом поражения поворачивает голову в сторону дороги.

Я осторожно кладу руку на её плечо и подталкиваю в сторону внедорожника.

– Я сейчас вернусь, – говорю я, врываясь в дом, чтобы схватить ключи и кроссовки.

Моё сердце всё ещё колотится, когда я сажаю её в машину и завожу двигатель, спрашивая, достаточно ли тепло внутри, уменьшаю звук радио, чтобы оно звучало на заднем плане, словно мягкий гул. Я столь многое хочу сказать ей.

– Мисси...

– Я не хочу об этом говорить, – огрызается она.

Мне не нравится, когда она на меня кидается. В детстве мы были близки, точно горошины в стручке, так что это совершенно неправильно.

– Да, хорошо, – мягко сказал я. Может, если она почувствует себя в безопасности со мной, то откроется. – Мне просто нужен твой адрес.

– О, прости, – она кажется смущенной, когда называет свой адрес.

Я вношу его в GPS навигатор, и хмурюсь, когда понимаю, куда собираюсь её везти. Не самая безопасная часть города. Мы спускаемся с холма, двигаясь в тишине в течение нескольких минут. Улицы пустынны, золотистый свет фар разрезает гущу тумана. В машине тепло, шины скрипят по асфальту.

После нескольких поворотов я снова хмурюсь, понимая, что мы направляемся к докам.

¹⁵ 4 мили ≈ 6437,38 метров

– Мисси, почему ты здесь живешь? Это такой небезопасный район.

– Отвык от трущоб, в которых мы жили в былые деньки? – отвечает она. – Не все могут себе позволить жить в большом доме на холме, Флинт. И кроме того, моему домовладельцу наплевать, если я плачу наличкой. Наличку не отследишь.

– Что?

Мисси смотрит в окно, избегая моего взгляда.

– Ничего, – тихо говорит она.

Я качаю головой, задаваясь вопросом, почему она думает об отслеживании. Я поворачиваюсь и смотрю на маленькую беспризорную женщину, в которую превратилась моя энергичная младшая сестра, и чувствую, как внутри поднимается острая потребность защищать её, которую я не чувствовал с тех пор, как её забрали в другую семью. Я не знаю, является ли это чувство братским, или я испытываю все это просто потому, что помню, насколько уязвимой она была за своими показными дерзостью и гневом.

По мере того, как мы движемся дальше, мне становится все более и более беспокойно. Несмотря на глубокую ночь, вокруг очень много людей, большинство из которых смотрят на нас из темных дверных проемов, затем снова погружаются в чернильную темноту, когда мы не останавливаемся, чтобы купить то, что они предлагают. И судя по полуобнаженной тройке девушек на углу, им есть, что предложить на ночь.

Мисси указывает на трехэтажное здание слева.

– Я живу на третьем этаже, – подсказала она.

Квартира Мисси находится прямо над самым омерзительным байкерским баром, который я когда-либо видел. Я бы не доверил этим подозрительным парням, крутящимся около входа, подойти ближе, чем на расстояние моего плевка. Здоровенные мужики в кожаных куртках с эмблемой клуба стоят впереди, рядом со своими смертоносно выглядящими байками, выстроившимися в линию на тротуаре. Девушка, чья грудь выставлена напоказ, обтянутая топиком, с кожаной юбкой, задранной на заднице, и стрингами, болтающимися на приборной панели мотоцикла, трахается с одним из байкеров. Парни подбадривают её, улюлюкая от этого шоу. Один из них запихивает маленький мешочек с белым порошком в её топ. Весь этот район еще более захудалый, чем любой из тех, где мы росли, находясь в приемных семьях, и это о чем-то да говорит. Я не могу поверить, что Мисси живет здесь.

Я подъезжаю вплотную к обочине, подрезая чью-то машину. Я хочу сказать Мисси, что забираю её в свой дом, но как я могу?

– Я провожу тебя внутрь, – говорю я.

– Нет, спасибо. Я сама.

Я наблюдаю за парнями перед нами, теперь уже двое лапают девушку на байке.

– Ну, и всё же я тебя провожу.

Мисси пожимает плечами и открывает дверь, со своей стороны.

– Делай, что хочешь.

Внутри пахнет сигаретами, затхлой мочой и чем-то ещё похуже, о чём я не хочу даже думать. Плитка облупилась кусками, создавая реальную угрозу. На лестничной площадке изображен четырехфутовый¹⁶ член, стены такие грязно-серые, что я без понятия, действительно ли это такой цвет краски или скопленная за годы застарелая грязь. Первая дверь на этаже Мисси открывается, когда мы проходим мимо, и женщина, которая выглядит примерно на девяносто пять, высовывает голову и безумно хохочет.

– Ууу, кто это у нас здесь такой сексуальный, детка, – она распахивает свой грязный розовый халат и трясет парой самых жалких сморщеных сисек, которые я когда-либо видел. – Здорово, горячий жеребец, я сделаю всё, что она никогда не сделает. Заходи в гости, когда закончишь с её костлявой задницей, я даже не возьму с тебя денег в первый раз, – она разворачивается и трясет обтянутым велюром задом, смаочно шлепнув по бедру.

– Ну, я буду иметь в виду, – отвечаю я.

Мисси уже стоит в конце коридора, открывая многочисленный ассортимент замков, что расположены на грязной черной двери. Она поворачивается и сталкивается со мной, когда последний щелкает.

– Не обращай внимания на Мэгги. Я имею в виду, только если ты не планируешь принять её предложение. Как бы то ни было, спасибо что подвез и всё остальное...

Её рука позади ищет дверную ручку. Она приоткрывает дверь и пытается проскользнуть внутрь прежде, чем я что-нибудь скажу.

Я пересекаю коридор и просовываю свою ногу в открытую дверь прежде, чем она понимает, что происходит. Мисси толкается, пытаясь убрать мою ногу.

– Мы на месте, Флинт. Всё кончено. Это конец. Спасибо ещё раз. Тебе пора уходить.

Она бьет меня по колену.

– Ничего не кончено. Мы должны поговорить.

Я открываю дверь и захожу внутрь. Она снова толкает меня прежде, чем сдаться. Я, по крайней мере, на фут¹⁷ выше и, вероятно, на сто фунтов¹⁸ тяжелее.

– Здесь нечего обсуждать.

Мисси щелкает выключателем на лампе, и она освещает самую жалкую комнату, которую я когда-либо видел в своей жизни. Маленький диван, выдвинутый, как кровать,

¹⁶ 4 фута ≈ 1,2192 м

¹⁷ 1 фут ≈ 0,3048 м

¹⁸ 100 фунтов ≈ 45,3592 кг

столик со стоящим на нем ноутбуком, и крохотная кухонная зона, состоящая только из микроволновки и кофейника. Маленький дверной проем справа ведет в ванную. Всё имеет коричневый цвет, цвет засохшей грязи, а в самом помещении витает запах курева и спиртного. Я думаю, он проникает из вентиляции сверху. Комната, должно быть, имеет общую вентиляционную систему с баром внизу. В комнате нет ни одной личной вещи, кроме ноутбука. Никаких украшений, ни фотографий, ни картин, ни сувениров из путешествий. Нет даже занавесок, только выцветший тюль, который лишь прикрывает окно, позволяя просачиваться внутрь ярко неоновому свету от мигающей вывески внизу. Я чувствую слабый звук *бум* играющей в баре музыки.

– Как ты здесь спишь?

Она открывает ящик на своем крошечном столе и показывает пару наушников.

– Отличная беседа, ещё раз спасибо.

– Это со мной не сработает, Мисси. Я не собираюсь сейчас никуда уходить.

Я подпрыгиваю, когда слышу грохочущие крики снаружи, перемешивающиеся с выкриками «сукин сын» и «сосущая член шлюха». Я отодвигаю шторы вовремя, чтобы увидеть, как куча тел вываливается на тротуар, удары сыплются без разбора. Скачущую ранее на байке девушку дергает за руку лысый грубиян, кричащий непонятную тарабарщину, и пытается оторвать её от другого мужика. Затем я вижу, как зеленый неоновый свет отражается на кончике чьего-то ножа, и слышу душераздирающий крик, когда лезвие входит в плоть.

Мисси просто качает головой и опускается на свою крошечную кровать.

– Не обращай на это внимание, – говорит она. – Такое происходит почти каждую ночь. В любой случае, спасибо ещё раз... что подвез домой. И не беспокойся обо мне. Я не буду докучать тебе или Риверу... Хадсону, я больше не побеспокою вас ребята.

Я ещё раз оглядываю промозглую комнату моей младшей сестры, которую она называет домом и принимаю решение. Я ни в каком виде не оставлю её жить дальше в этом.

– Прекращай всё это дермо. Хватит. Мы с этим покончили.

– Я НЕ вернусь в твой дом. Ты выжил из ума? Это мой дом. Проваливай, оставь меня одну!

Именно в этот момент раздается выстрел.

Я хватаю Мисси.

– Прекращай этот бред. Тебе не обязательно ехать со мной, но ты здесь не останешься. Я отвезу тебя в отель.

Она снова начинает дрожать. Я не могу её в этом винить. Это одна из самых безумных ночей в моей жизни, и я только второстепенный актер во всех этих событиях.

Она идет в ванную и возвращается с черным рюкзаком, в который укладывает свой ноутбук и наушники.

– Хорошо, – говорю я, – мы вернемся за остальным завтра.

Она оглядывает пустую комнату до того, как щелкнуть выключателем на лампе.

– Это на самом деле не важно. У меня нет ничего настолько важного тут.

Я притягиваю её в свои объятья и слегка прижимаю к себе, потому что хотя она и притворяется, что говорит о вещах, я знаю глубоко в душе, что она подразумевала намного большее.

ГЛАВА 17

Ривер зашел в чат

Ривер: Я рад, что ты здесь. Ты нужна мне сегодня.

Рейвен: Я всегда здесь ради тебя. Что случилось?

Ривер: Я не хочу об этом говорить. Я просто хочу говорить с тобой.

Рейвен: Я здесь, в чем бы ты ни нуждался.

Ривер: Да, какая ирония. У меня есть деньги, чтобы обеспечить мои физические потребности и прочее, но ты не со мной. Не в реальной жизни.

Рейвен: Я твоя.

Ривер: Здесь. Это не тоже самое.

Рейвен: Скажи хоть одно слово, Ривер, и я буду там, где ты хочешь, чтобы я была.

Ривер: Я не могу сделать этого с тобой.

Рейвен: Почему бы тебе не позволить мне принимать мои собственные решения, что ты можешь или не можешь сделать со мной?

Ривер: Я не хочу сотворить подобное с тобой. Это не имеет никакого отношения к твоим решениям и всему, что ты могла бы проделать со мной, я просто не хочу причинять тебе боль.

Рейвен: Мне больно, когда тебе больно.

Ривер: О, птичка. Ты, может быть, самый милый человек, с кем я когда-либо пересекался в жизни.

Рейвен: Поверь мне. Я не милая.

Ривер: В моем сердце, ты прекрасна.

Рейвен: Я не говорю о внешности.

Ривер: Как и я.

ГЛАВА 18

Мисси

Я думаю, у меня шок. Я онемела, и в то же время мне очень больно. Это состояние называется шок? Я даже не уверена, где я. Я пыталась заставить Флинта отвезти меня в мотель на шоссе, но он на это только фыркнул и продолжил ехать в центр города. И сейчас я нахожусь в какой-то стеклянной башне, возвышающейся так высоко над городом, что будь у меня побольше волос, я бы почувствовала себя Рапунцель.

Флинт поднялся со мной в номер, и я слышу, как он что-то заказывает по телефону в то время, как я пялюсь на своё отражение в затемненном окне. Я пытаюсь распахнуть его, но оно не открывается. Что ж, не получилось. Я качаю головой. Так, не думать в этом направлении.

Флинт всё ещё разговаривает по телефону, и я слышу, как он шепчет «*как он?*». Он, должно быть, разговаривает с Рэдом. Я тоже хочу знать, как там Хадсон, но я не буду спрашивать Флинта.

Я отворачиваюсь от своего отражения в окне и бреду по элегантной комнате, открываю дверь в ванную и включаю свет. Она кристально белая с мягкими вставками бамбука и плиса, с затейливо сложенными полотенцами на мерцающих стойках. Туалетные принадлежности в стеклянных бутылочках стильно расставлены с одной стороны раковины. Я щелкаю ещё одним включателем, чтобы понять, что это, и в изумлении отступаю, когда чувствую, как пол под ногами нагревается, качаю головой от нелепой роскоши.

Я присаживаюсь на край ванны, ничего не видя вокруг себя. Всё что я вижу – это Ривера. Лицо Хадсона. Ривер. Хадсон. Я не могу всё это уложить у себя в голове. Как бы я его не называла, это не поможет убрать с его лица отвращение, которое я видела, когда он понял, кто я. Все эти слова, которыми мы обменивались, развеяны на ветру. Я отвратительна ему.

Когда вечер только начался, всё что я желала – это одну ночь, один шанс с Ривером. Только возможность унять нашу боль, чтобы каждый из нас почувствовал себя хорошо. Один раз, чтобы облегчить то, что мучает его душу. Всё, что я хотела – прекрасные и чистые воспоминания, которые останутся со мной, когда мне придется двигаться дальше, чтобы оглядываться на произошедшее. Я набросилась на него и ворвалась в его жизнь, и теперь он должен добавить то, что он трахал свою сводную сестру, в список дерзких вещей в его жизни. Нет прекрасных воспоминаний и для меня. Картинки того, что происходило в его спальне, просачиваются в мой мозг, словно в черно-белом кино, и я вспоминаю, насколько это было удивительно, находиться в его руках.

Твою мать, Хадсон – это Ривер. Мой Ривер. Мой Хадсон. Мой брат.

Мать вашу. Почему *это* произошло именно со мной? Куда бы я ни пошла, что бы я ни делала, я всё оскверняю. Донни, мой гребаный мудак-приемный отец говорил много

дерьма, но в одной вещи он был прав. Я всё порчу. Всё, к чему я прикасаюсь, изменяется в худшую сторону.

Я не могу остановить слезы, которые текут по моим щекам. Я больше не могу сдержать плач, и чем сильнее он становится, тем больше я злюсь. Я так больше не могу; я не хочу страдать, ломаться и кровоточить изнутри. С меня хватит.

Я соскаиваю и смахиваю крошечные дорогие лосьоны и шампуни с полки на пол. Я хватаюсь за всё, что есть в пределах моей досягаемости и бросаю в свое изображение в зеркале, беззвучные крики поднимаются и затихают, я задыхаюсь от рыданий. Я крушу всю ванную, раздираю красивые полотенца, пытаясь заглушить свою боль. Я хватаю нетронутую душевую занавеску, прорывая отверстия на белом материале, когда сдергиваю ее с крючков. Гнев клокочет во мне так сильно, что ничто не помогает.

— Мисси, дорогая, нет, — я слышу, как зовет Флинт, и это последняя капля, последняя трещина, что ломает меня на части, и я падаю на теплый пол, занавеска обвивает мои руки, рыдания сотрясают меня так сильно, что моё тело дрожит, простреливая болью прямо в легкие и горло.

Флинт поднимает меня, обхватывая своими сильными руками, и отводит волосы с моего лица.

— Шшш, шшш, — шепчет он и начинает укачивать меня так, как успокаивал, когда я ещё была ребенком.

Он идет в другую комнату и садится на диван, всё ещё держа меня на руках. Я плачу так сильно, что мои глаза опухли, а слезы иссякли. Я хнычу, уткнувшись в его тепло, позволяя Флинту укачивать меня дальше, пока чувство уюта охватывает меня, позволяя напряжению покинуть моё тело. Когда он целуют меня в макушку, я расслабляюсь ещё сильнее. Затем он начинает напевать. У Флинта низкий и приятный голос, а песня так знакома. Раньше Хадсон пел её, когда мы были маленькими и напуганными. Когда голоса взрослых внизу становились громче, он пытался заглушить их. Хадсон собирал всех нас в его и Флинта комнате, ставил комод перед дверью, и мы ютились все вместе на его постели, пока он пел «Много рек, чтобы пересечь». Именно это сейчас мне напевает Флинт, и я чувствую, как годы отматываются назад. Вдруг мне снова шесть лет, и так безопасно и уютно между моими братьями. Я тихонько шепчу «И я выживу исключительно благодаря гордости...»¹⁹, думая, что эта фраза воплощает всю мою жизнь.

Мне нужно время, чтобы успокоиться, и когда это происходит, я говорю Флинту уйти, но он не слушается.

Он не хочет меня покидать. Флинт убирается в ванной, собирая осколки от разбитых бутылочек как можно тщательнее, и приносит мне влажную ткань, чтобы вытереть слезы и туш с лица. Он отворачивается, пока я скидываю свою одежду и переодеваюсь в пушистый халат отеля. Он говорит мне ложиться в кровать и натягивает

¹⁹ Строчка из песни «Много рек чтобы пересечь» (оригинал «Many Rivers to Cross») — песня Джимми Клиффа, ямайского певца и композитора в стиле регги.

на меня накрахмаленную простынь, плотно в неё заворачивая. Он делает всё так, как это раньше делал Хадсон, когда я была маленькой девочкой.

Я чувствую, как матрас проседает, когда он садится на край постели.

— Тебе следует поехать домой, Флинт, — говорю я, — Со мной всё будет хорошо здесь.

— Правда? — переспрашивает он.

— Да, — отвечаю я и зарываюсь глубже в подушку. — Езжай домой и проверь, как там Хадсон.

Он встает, засунув руки в карманы. Уставившись в стену, он глубоко вздыхает и переводит смущенный взгляд на меня.

— Мисс, что ты чувствуешь по поводу того... что произошло с тобой и Хадсоном?

— Не сейчас, Флинт.

— Я просто хочу убедиться, что с тобой действительно всё в порядке.

— Я не хочу это обсуждать сейчас. Я проходила и через худшее. Мне не привыкать чувствовать боль. Хоронить её глубоко внутри себя, где я смогу её почувствовать, это не ново. Это ничто. Просто поезжай домой, пожалуйста.

Я поворачиваю голову в другую сторону, надеясь, что он уйдет. Как только я почувствую себя в безопасности, я вернусь домой, погрошаю вещи в сумку и снова исчезну. Мне не привыкать. Флинту и Хадсону не нужен кто-то, как я, в их жизни. Будет лучше для всех, если я уеду туда, где они не смогут меня найти.

Хадсон всё равно не хочет, чтобы я находилась в том доме. Я могу себе в этом признаться. Я сталкивалась с этим и раньше много раз, как будто я жвачка, что прилипла на обувь, которую кто-то не может дождаться, чтобы отковырять. Брошенный ребёнок, грязный приемный ребёнок, шлюха в клубе. Это я. Нежеланная с рождения.

Я пытаюсь избавиться от этих мыслей прежде, чем пойду по темной тропинке, с которой я не смогу свернуть. Это ощущается сейчас хуже, потому что у меня в голове всегда был образ Хадсона, держащего меня в своих руках в больнице. У меня всегда было далекое чувство, что меня кто-то когда-то любил, даже если это было очень давно.

Всё это кануло в Лету.

Флинт вздыхает и тихонько сжимает мою ногу поверх простыни. Я прислушиваюсь к мягкому щелчу закрывающейся двери.

ГЛАВА 19

Рейвен заходит в чат

Рейвен: Ты снова пойдешь сегодня вечером, не так ли?

Ривер: Почему тебя это волнует?

Рейвен: Мне это не нравится.

Ривер: Птичка, ты ревнуешь?

Рейвен: Нет.

Ривер: Тогда в чем дело?

Рейвен: Хорошо, может быть.

Ривер: Здесь нечего ревновать. Я даже не знаю их имен.

Рейвен: И ты думаешь, мне от этого легче?

Ривер: Это чистая физиология. Без всякой близости, которая есть у нас.

Рейвен: О, да, от этого действительно легче.

Ривер: Это не то, чем кажется.

Рейвен: Как ты думаешь, что я чувствую? Ты приходишь сюда, открываешь мне своё сердце, позволяешь разделить твою боль, а затем идёшь в клуб, встречаешься с незнакомкой, касаешься её, вдыхаешь её запах и заставляешь кончать. В то время, когда я *tum*? Это могу быть я, ты знаешь.

Ривер: Я думаю о тебе.

Рейвен: Нет, не думаешь.

Ривер: Да. Каждый раз я думаю о тебе, каждый раз, когда я касаюсь их, я представляю тебя. Птичка. Это, всегда *ты*.

ГЛАВА 20

Хадсон

Я в своей кровати, лежу поверх одеяла, которое отбросила Мисси не более часа назад. Такое ощущение, словно прошла целая вечность. Вокруг меня глубокая тишина и тьма, и всё же в голове стучит. Я чувствую каждую вену, что пульсирует в такт сердцебиению. Я закрываю лицо руками, пытаясь уменьшить стук в голове.

Рэд ушел. Я отправил его домой, потому что я не хочу говорить о произошедшем прямо сейчас. После того, как он увидел разбитую бутылку водки, он не желал уходить, но я могу быть убедительным, если мне это действительно нужно. Рэд – хороший парень, всегда таким был. Либо это, либо он не хочет мириться с пьяным Хадсоном. Пьяный Хадсон – мудак. Вероятнее всего последний вариант.

Я смещаюсь и утыкаюсь в одеяло, которое всё ещё пахнет сексом, и в моем сознании продолжают всплывать картины того, как Мисси была распростёрта подо мной. Даже сейчас, когда я знаю, кто она, мой член стоит. Я должен чувствовать себя отвратительно, поскольку знаю, что это никогда не должно было произойти, но я не могу отрицать, насколько невероятно было чувствовать её вокруг себя. Когда она была просто Динь-Динь, такой сексуальной в своем диком стремлении получить удовольствие. Я не могу отрицать своего желания обладать ею, несмотря на то, что я знаю, кто она, но как её занесло в клуб «Запретный»? Откуда она знала *нужные слова*? Почему она была там?

Где была Мисси все эти годы? И почему она объявилась сейчас? Один Бог знает, сколько денег я потратил, пытаясь найти её, и как тогда, черт возьми, она смогла найти меня? Она знала, что это был я? Нет, я не могу об этом думать. Не могу. Нет ни единого шанса, что она целенаправленно пришла трахнуть своего приемного брата.

Как только эти мысли пронеслись в моей голове, за ними пришли сомнения. Это был способ получить реванш? Может быть, она чувствовала себя брошенной всё это время? Я знаю, её жизнь не была легкой. В большинстве случаев, отношение к детям в приемной семье в лучшем бывает пренебрежительное и в худшем – чудовищное. Кто знает, в какую семью Мисси попала после того, как мы покинули её. Если ей повезло, то она столкнулась с кем-то, кто игнорировал её и просто получал ежемесячный чек за заботу о ней. Я даже не хочу думать о плохом варианте.

Почему она шатается по клубам, ища незнакомцев, чтобы трахаться? Она это делает, чтобы почувствовать себя желанной? Кто я такой, чтобы судить её. Посмотрите на меня, что я делаю. Между нами не такая уж и большая разница.

Может быть, будь я рядом, то смог бы не допустить произошедшего с ней. Если бы я усерднее пытался, у неё была бы жизнь лучше.

Черт, так ли это?

А что если она стала такой из-за меня?

Потому что я не защитил её?

Впервые за последний год я чувствую, как глаза жгут слезы, и как они текут горячими дрожками по моим щекам. Я прикрываю глаза и с остервенением тру соленое от слез лицо. Я двухсот пятидесяти фунтовый²⁰ нападающий²¹... был нападающим. Я не должен плакать из-за какой-то мелкой девчонки, мелкой золотоволосой феи, которая как-то пробралась ко мне в постель, кем бы она ни была.

Но в этом как раз вся проблема. Она не была кем-то. Она Миссисипи. Моя маленькая мятежная Динь – тот человек, которую я любил больше, чем кого-либо, за исключением Флинта. Я почти могу слышать звуки её жалобного мяуканья, которые она издавала из мусорного контейнера. Я подумал тогда, что это брошенный котенок, но то, что я нашел, было намного печальнее. У малышки на лбу была кровь, и я подумал, что она ранена. Я был слишком маленьким, чтобы знать что-нибудь о родах. Слишком маленьким, чтобы предпринять что-то ещё, кроме как взять её на руки и прижать к себе.

Это может казаться странным, но я почувствовал, что мои руки были созданы для того, чтобы держать её? Она подходила мне идеально, как давно потерянный кусочек моего разбитого на осколки сердца, который нашел своё место. И не важно, сколько времени прошло, это чувство никуда не исчезнет.

Мисси поселилась в моём сердце, с тех пор как мне было семь лет.

Никто больше не мог достучаться до меня. Кроме...

...Рейвен?

Рейвен. Я почти забываю, почему пришел в клуб «Запретный». Рейвен затронула мое сердце по другой причине. Бесстрашная и уязвимая, уверенная и сомневающаяся; она была комком противоречий, которые сделали меня зависимым от неё так, как я не ожидал. Невозможно отрицать свои чувства к Рейвен, но это не одно и то же. Моя любовь к Мисси сильнее.

Братская любовь. Сильная и защищающая.

Всё путается в голове. Пульсация в висках становится сильнее.

Я разворачиваюсь и смотрю на часы на прикроватной тумбочке. Скоро рассвет; Флинт уехал с Мисси несколько часов назад. Где его черти носят? Я откидываюсь обратно и смотрю в темный потолок, пытаясь затеряться в пульсирующей боли, которая не даст мне сосредоточиться на моих мыслях. Но это не срабатывает. Я всё ещё пялюсь, когда вижу свет от фар подъезжающей машины и слышу хруст гравия под шинами. Я жду, прислушиваясь, как хлопнет дверь автомобиля. Я остаюсь на месте, когда слышу стук ботинок Флинта, пока он поднимается по лестнице. Я всё ещё не двигаюсь, даже когда вижу его в дверях моей комнаты.

Я чувствую его тяжелый взгляд на мне.

²⁰ 250 фунтов ≈ 113,398 кг

²¹ Нападающий (квотербек) – позиция игрока команды нападения в регби, он – лидер команды нападения, называет формацию (построение команды на поле) и комбинацию, которая будет разыграна. Центр как правило отдает мяч квотербеку, получив мяч, в зависимости от назначеннной игровой комбинации, он выполняет пас или вкладывает его в руки другого игрока нападения.

— Ну, — спрашиваю я, — с ней всё хорошо?

Флинт фыркает.

— Да. Нет. Да, она в безопасности, если ты это имеешь в виду. Черт, Хадсон, ты должен был видеть эту дыру, где она живет. В двух кварталах от доков, в районе, где собираются все шлюхи и наркодилеры этого города. Я отвез её в отель, так что физически она в безопасности. Но так ли это на самом деле? Я очень в этом сомневаюсь.

Я быстро сажусь и игнорирую вспышку боли, что отдается прямо в глаза.

— Почему, твою мать, она там живет?

— Я не знаю. Она не захотела об этом говорить.

— Значит, она тебе ничего не сказала? И о том, почему была здесь, если знала, кто я?

— Это то, о чем ты переживаешь? Поверь мне, она и не подозревала, кто ты.

— Я в этом сомневаюсь, — отвечаю я, Флинт впивается в меня взглядом, ожидая пока я закончу. — Она знала, в клубе, она знала *те самые слова*, которые нужно сказать. Она пришла туда, ища одноразового траха, а затем терлась своей мягкой маленькой задницей о мой член и позволила мне утонуть в её сладких глазах так, что я утратил свою силу воли. Она знала, что я делаю с женщинами там на балконе. Если она была в курсе этого, она должна была знать, кто я такой. Именно поэтому она была там!

— Я так не думаю, Хадсон.

Я фыркаю в неверии.

Флинт просто пожимает плечами.

— Она увидела фотографию на лестнице, Хадсон. Она выглядела так, словно хотела умереть. И ты не видел, какой погром она устроила в ванной отеля «Бельмонт Тауэрз». И, кстати, нам придется за это заплатить.

— Она… разгромила ванную? — в неверии переспрашиваю я.

— Богом клянусь, Хадсон, она бы навредила сама себе, если бы меня там не было. Она маленькая дикая кошка, эта девушка. Помнишь, как пару лет назад мы отправились на лыжную прогулку в Тахо²² и наткнулись на тропинке на лося со сломанной ногой? Какие звуки он издавал? Они не сравнятся с теми звуками, которые исходили от этой маленькой хрупкой девочки, которую я только что оставил. Она была разбита, чувак. Я никогда не слышал в чьем-то голосе так много боли. Я мог чувствовать, как эта агония разрывала её на части, — Флинт качает головой. — Черт возьми, моя рубашка всё ещё влажная от её слез.

²² Тахо (оригинал Tahoe) — пресное озеро в районе горного хребта Сьерра-Невада, расположено на границе штатов Калифорния и Невада, США.

Его слова вышибают из меня весь дух. Флинт обвиняет меня, словно я хотел причинить Мисси боль. Я не хотел. Я не делал это. Мука от его откровений простреливает через моё сердце, заставляя откинуться обратно на кровать.

— Нет... нет. Я не хотел, чтобы это произошло. Я бы никогда, черт подери, не хотел причинять боль Мисси! Ты это знаешь.

— Хадсон, я знаю это, — мягко отвечает Флинт.

— Ты нахрен знаешь, ты не хрена не знаешь! Я. Сломал. Её. И нет чего-то такого, что я могу сделать ещё. Ты думаешь, я этого хотел? Всё это? Всё, что я хотел это... я, мать твою, не знаю. Физическую близость. Что-то, что удержит меня в этом мире, и она тоже это искала. Кого-то, кто любил бы её хотя бы ненадолго.

Лицо Флинта становится кроваво красным, и он громко хлопает рукой по дверному косяку.

— Я, твою мать, знаю! — кричит он на меня. — Что, черт возьми, ты думаешь, я делал, пока меня не было? Я провел ночь, пытаясь собрать разбитые кусочки её души вместе, чтобы убедиться, что она в безопасности, а затем я вернулся сюда, чтобы слушать твои жалкий лепет!? Я слишком хорошо тебя знаю, Хадсон. Последний год ты думал только о себе, может быть, настало время подумать о ком-нибудь ещё? Ты её сломал, тогда подчини её сейчас.

— Как, черт побери, ты полагаешь, я это сделаю? — я чувствую всю тяжесть гнева моего брата, и это не хорошо.

— Думай, парень, ты взрослый мужик. Вытащи свою голову из задницы, перестань думать только о своих проблемах и о себе. Ты любишь её?

— Конечно, люблю. Она наша сестра. Но как женщина... она не Мисси. Не та Мисси, которую я знал. Что я могу ей сказать, после того, что мы сделали?

Флинт потирает рукой свою бритую голову, разражено втягивая воздух сквозь губы.

— Это не важно. Хорошо, она наша сестра, да, но она наша сводная сестра. Я знаю, что ты нашел её, я понимаю, ты защищал её, да, она наша сестра, но мы не связаны кровными узами. У нас не было общих родителей, у нас было общее прошлое. Всё это время мы переживали, где она, и сейчас Мисси вернулась. Я не знаю почему, и, честно говоря, мне это не важно. Ну, давай же, мы можем ей помочь сейчас. Взгляни, где мы сейчас! — он обводит рукой мою спальню. — Мы сможем позаботиться о ней. Так же как мы делали, когда были детьми.

— Ты хочешь привести её сюда?

— Почему бы нет?

— Флинт, ты знаешь, почему нет. Я должен позволить ей приехать сюда и привязаться к ней, чтобы я мог снова сломать её, когда...

– Я думаю, ты забываешь обо мне.

– И что?

– Я буду здесь. Я смогу соединить все кусочки вместе.

Я закрываю глаза и зажимаю переносицу. Я чувствую, что это было бы огромной ошибкой. Сначала привести её сюда, когда она была всего лишь девушкой на одну ночь, казалось большим шагом вперед, но сейчас, когда я знаю, кто она, это огромный риск. Позволить Мисси быть повсюду, возможность того, что она привяжется, и позволить себе привязаться к ней, я просто не знаю, как смогу на такое пойти.

– Ты даже не знаешь, захочет ли она прийти сюда.

– Что ж, если она не захочет, я, по крайней мере, смогу убедиться, что она живет в безопасном месте. Я хочу вернуть её снова в мою жизнь, Хадсон, и я собираюсь убедить её в этом, с тобой или без тебя.

Флинт разворачивается и идет по коридору, и я слышу, как хлопает дверь в его комнату.

Что если он прав? Сможем ли мы это сделать? Сможем ли мы привести её сюда? Черт, Мисси, вероятно, не захочет находиться рядом с нами, в особенности со мной. Зачем ей это делать, после того как я ранил её? Хотя Флинт прав. Мы можем помочь ей, если она живет в таком месте, как он сказал. Может, у меня нет сердца или времени, но у меня есть деньги. Вдвоем с Флинтом мы можем дать ей жизнь, которую она заслуживает. Тем не менее, я не думаю, что она будет нас слушать. Мы предложим, она откажется, затем Флинт может купить ей хорошую квартиру и заставить её жить в ней, и на этом всё закончится. Я ползу по кровати, обворачиваю простыни вокруг своих плеч и вдыхаю запах шампуня Мисси, которых остался на подушке.

Она – моя семья, и это всё, что имеет значение, и не важно, что происходит между нами.

ГЛАВА 21

Ривер зашел в чат

Рейвен: Ривер, почему ты продолжаешь приходить сюда?

Ривер: Потому что ты мне нравишься.

Рейвен: Ты не кажешься таким человеком, которому нужен кто-то малознакомый, чтобы поговорить.

Ривер: А почему бы и нет? Я же нахожу незнакомок, чтобы перепихнуться.

Рейвен: Да, но это не одно и то же.

Ривер: Мне нравится общаться с кем-то, кто не знает, кем я являюсь в реальной жизни. Ты можешь судить меня только на основании моих слов. Здесь и сейчас. Без всяких предубеждений. Никакого приговора после.

Рейвен: Тогда получается, это не настоящий ты.

Ривер: Наверное, мне следовало сказать физическую оболочку. Или тем, кем я был раньше.

Рейвен: Ты имеешь в виду, что ты сейчас другой.

Ривер: Да, я очень отличаюсь от того, кем был, даже ещё год назад.

Рейвен: Ты мне расскажешь из-за чего?

Ривер: Нет, птичка. Это слишком личный вопрос.

Рейвен: Ты никогда на самом деле не отвечаешь на сам вопрос. Тогда почему ты приходишь сюда, чтобы поговорить со мной?

Ривер: Я уже ответил. Ты мне нравишься. Мне нравится общаться с тобой. И ты единственный человек, кто просто может выслушать меня, не пытаясь меня переделать. Это так освежающе, в то время как вокруг так много людей, которые говорят, что для меня лучше.

Рейвен: Если бы это была не я, был бы кто-то ещё.

Ривер: Я сильно сомневаюсь в этом. Я не думаю, что смог бы найти кого-то ещё, похожего на тебя. Думаю, я и не захотел бы.

Рейвен: Что бы ты сделал, если бы я завтра исчезла?

Ривер: Это угроза?

Рейвен: Нет, я не имею в виду, что я уйду специально.

Ривер: Не смей пропадать!

Рейвен: Иногда происходят некоторые вещи, которые мы не можем контролировать.

Ривер: Я знаю всё об этом. НЕ шути со мной. Клянусь, я тебя выслежу.

Рейвен: Не делай этого, я не хочу, чтобы ты пострадал.

Ривер: Меня чертовски сложно выбить из седла.

Рейвен: Просто пообещай, что если со мной что-то случится, ты не будешь меня искать. Хорошо?

Ривер: Птичка, у тебя проблемы?

Рейвен: Я не могу рассказать тебе об этом, Ривер.

Ривер: Так много секретов. Я могу помочь, ты знаешь. Тебе нужно сказать хоть одно словечко, и я буду рядом.

Рейвен: Обещай мне, Ривер. Пообещай, что ты не последуешь за мной.

Ривер: Я не могу этого сделать. НЕ после того, через что мы вместе прошли.

ГЛАВА 22

Мисси

Флинт ушел, но в тишине темной комнаты, я не могу прекратить вспоминать прошлое. Было лето, когда мы все вместе плескались в детском бассейне. Мы были такими грязнулями, что наши приемные родители купили маленький бассейн, чтобы у нас была хоть какая-то ванная. Мы целыми днями проводили время в нем, запрыгивая и выпрыгивая, обливая друг друга водой, которая становилась всё грязнее и грязнее к концу дня. Я громко смеюсь, думая о том, насколько чумазыми мы становились, раз наша приемная мать не позволяла есть дома. Она делала бутерброды с арахисовым маслом, положив на бумажные тарелки, и мы шли на задний двор, под тень дерева и, прислонившись к забору, с жадностью всё проглатывали.

Хадсон и Флинт съедали больше, чем кто-либо, кого я когда-либо знала, и всегда ссорились, кому достанется последний кусок. Я разделяла его пополам и заставляла их поделиться друг с другом. Затем мы разваливались на траве, я устраивалась между двух мальчишек, упираясь грязными ногами в забор, и мы болтали, пока тень от дерева не пересекла задний двор до самого дома. Мы говорили о том, кем хотели стать, когда вырастем, когда, наконец, сможем покинуть приемную семью. Мои предпочтения менялись каждый день, но Флинт всегда придумывал одно и то же, он хотел стать ветеринаром. Нам не разрешалось держать домашних животных, но я помню, как однажды он помог птенцу, выпавшему из гнезда.

Хадсон не знал, кем бы ему хотелось быть, единственное, что он точно знал, он хотел быть богатым. Когда я спросила его почему, он ответил, что деньги – это сила, и что он никогда больше не хочет быть слабым.

Мне кажется, что Хадсон как-то осуществил свою мечту. Интересно, чем они занимаются, насколько много они зарабатывают, что им не важно, сколько стоит этот роскошный гостиничный номер. Одна ночь в нем дороже, чем арендная плата за мою крохотную квартиру за целый месяц. Дом, шикарный внедорожник с кожаным салоном, дорогой мотоцикл. Чем бы они не занимались, он делают это хорошо. Они, безусловно, достигли успеха.

Единственное, чего я не понимаю, почему Хадсон такой унылый. Что изменило его за эти годы? Он был так счастлив, когда рос, я имею в виду, когда он был со мной и Флинтом, он был счастлив. Он всегда был здравомыслящим и ответственным. У него была своя работа – вытаскивать Флинта из неприятностей, но он был счастлив. Сейчас же печаль и одиночество, кажется, просочились глубоко в его душу. Он стал таким большим, высоким, подтянутым и мускулистым. Он всегда казался более крупным в моих глазах маленькой девочки, но что-то в нем теперь кажется меньше. Словно его глаза потеряли искру решительности, которая делала его тем Хадсоном, которого я знала, когда мы были маленькими.

Мой Хадсон был сильным, физически и умственно, и он сталкивался с различными проблемами. Он не боялся драк и всё время заступался за меня и Флинта. Мой Ривер – сломленный, одинокий и боится любить. У него есть секреты, о которых он мне не

говорит. Тревоги, которые так сильно его обременяют, что он не живет полной жизнью, которой мог бы. Только посмотрите, чем он вынужден наслаждаться, и он проводит каждую ночь в чате, общаясь со мной.

Я люблю Хадсона, и Ривера люблю, но я не знаю, кто из них настоящий.

Какой-то частью своего сердца я чувствую, что я больше не знаю Хадсона. Я не знаю, что произошло в его жизни. Я больше не знаю о тех вещах, что он сделал. Время меняет людей, если они вынуждены делать ужасные вещи.

Я чувствую, что знаю Ривера. Хотя бы его мысли. Конечно, далеко не всё. Ривер ставит между нами стену, но то, что он мне говорит, сказано честно и не продуманно, и я уверена, когда мы разговариваем, я помогаю облегчить любую боль, которую он чувствует. Ещё до того, как я узнала, что он и есть Хадсон, я чувствовала незримую связь с ним, которая вышла за рамки нашего общения в чате. Мы просто подходим друг другу, как кусочки пазла.

Я чувствовала, будто обрела дом.

Потом Флинту пришлось вмешаться. Он удивил меня сегодня, взяв меня под свою защиту. В его глазах до сих пор отображается стальная решимость, которая была виднее еще тогда, когда мы были детьми. Однако, чего-то не хватает. Всегда, во все трудные времена, Флант оставался тем, кто был душой компании и весельчаком. Его взгляд был таким игривым и озорным. Сейчас в нем отражается только беспокойство. Я могу сказать, что он хочет защитить не только меня, но и Хадсона. Я могу сказать, что он беспокоится о нас обоих.

Я вздыхаю и переворачиваюсь, закручивая постельное белье сильнее вокруг себя. Я не могу поверить, что я снова нашла моих парней. Одна мысль о том, чтобы оставить их снова, причиняет мне боль. Но у меня нет выбора, потому что это слишком опасно оставаться с ними дольше. Я знаю, это будет безопаснее для всех, если я уйду, но часть меня, та, которая пуста, словно черная дыра, не хочет этого.

Я хотела бы отмотать время вспять и вернуться в то время, когда спала между ними. Хадсон и Флант были словно два щита, которые прикрывали меня от всего плохого в мире. Если бы это была только я, тогда, возможно, я бы могла найти способ остаться с ними, но у меня не получится вернуться *без моего багажа*. Так много проблем и боли следует за мной словно тень, и я не хочу привести что-либо плохое к их порогу.

Я вздыхаю и закрываю глаза, чувствуя себя такой одинокой. Нет никого, кому бы я могла позвонить. Нет никого, с кем бы я могла разделить свою душевную боль. Но это первый раз за очень долгое время, когда я чувствую себя в безопасности в этой безликой комнате. Я не знаю, сколько времени мне нужно, чтобы заснуть в то время, как в моей памяти живы вспоминания о стальных глазах Фланта и полном боли взгляде Хадсона.

Легкий стук в дверь будит меня. Обстановка в номере светлее, и голос произносит «Уборка номеров», поэтому я догадываюсь, что наступило утро. Я переворачиваюсь и смотрю мутными глазами на будильник рядом с кроватью. Именно тогда я замечаю стопку купюр на столе. Святое дермо. Я её хватаю и пересчитываю. Там около тысячи

долларов, и номер телефона Флинта небрежно нацарапанный поверх листка с бланком отеля.

Дверная ручка гремит.

– Я ещё здесь, – кричу я, и шорох прекращается.

– О, простите, я зайду позднее, – сообщает девушка с другой стороны двери.

– Нет, всё хорошо, я ухожу через несколько минут.

Я соскаиваю с кровати и шарю по полу, пытаясь обнаружить своё розовое платье, и натягиваю его через голову. Я ищу свои ботинки, нахожу их возле шкафа и надеваю на ноги. Я захожу в ванную и вздрагиваю, когда вижу погром, который я устроила прошлой ночью. Надеюсь, Флинт не будет ненавидеть меня за то, сколько ему пришлось потратиться. Я знаю, что он оплатил номер своей кредиткой, и отель будет обвинять его в моем буйстве.

Я как-нибудь верну ему деньги.

Я брызгаю водой в лицо и пытаюсь пригладить волосы пальцами. Я классический пример того, как люди выглядят после ночи позора. Вздохнув, я решаю, что сделанного достаточно, чтобы выйти, выскальзываю из номера мимо тележки уборки номеров и спускаюсь по лестнице в вестибюль.

Снаружи я щурюсь на солнце, отражающееся от зеркальных окон небоскребов, что меня окружают. Я оглядываюсь в поисках автобусной остановки, когда ко мне подходит человек, одетый в длинное бордовое пальто и черные брюки со стрелкой.

– Машину, мисс? – уточняет он.

Я обычно передвигаюсь на автобусах, но потом я вспоминаю стопку денег в кармане. Я не собираюсь оставлять себе все деньги Флинта, но я думаю, что смогу вернуть те несколько долларов, что потрачу на поездку на такси домой. Я посмотрела на бейдж служащего.

– Конечно, спасибо, Рэнди.

Он улыбается и поднимает руку, издавая пронзительный свист. Черная машина без единого грязного пятна выдвигается из стройного ряда ждущих автомобилей и останавливается напротив нас. До того, как я успеваю коснуться двери, Рэнди наклоняется и открывает её для меня. Я проскальзываю на сиденье, кожаная обивка холдит кожу моих ног, пока я устраиваюсь поудобней.

– Хорошего дня, мисс, – говорит Рэнди, коснувшись рукой своей брови, закрывает дверь и постукивает по крыше, чтобы водитель знал, что уже можно ехать.

Я сдерживаю улыбку. Девушка может привыкнуть к такому обращению.

Машина останавливается возле моей квартиры, и водитель выскакивает и мчится, чтобы открыть мне дверь. Я благодарю его и добавляю чаевые сверху к оплате. В это

время утра на улице нет проституток и наркоторговцев, которые здесь обычно тусуются. Защитные жалюзи в баре под моим окном подняты, и полицейская лента трепещет через разбитое окно, пострадавшее от драки, которая произошла накануне. Я знаю по опыту, что бар недолго останется закрытым. Владельцы просто забьют окно фанерой и, вероятно, откроются сегодня вечером снова.

Сейчас, когда я вернулась в свой район, я не чувствую себя в безопасности. Кажется, словно на меня кто-то смотрит. Я пытаюсь избавиться от этого ощущения. Оглядываясь, я никого не замечаю. Через несколько домов под знаком «Стоп» стоит грузовик темного цвета. Мне это не нравится. Мне это совсем не нравится. Я вылавливаю свои ключи из сумочки и быстро захожу в коридор.

Лестница пахнет также отвратительно, но это не новость. Я прикрываю рукой нос и рот, обхожу лужу чего-то непонятного. Я даже не хочу смотреть на это. Кто, твою мать, оставил это дермо здесь, и кто знает, как долго оно будет здесь, прежде чем кто-то придет, чтобы убраться, если это когда-либо произойдет. Я останавливаюсь на третьем этаже и снова оглядываюсь. Я всё ещё ощущаю, что за мной наблюдают. Именно тогда я замечаю, что моя дверь открыта. Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоить своё сердце и стиснуть связку ключей между пальцев наподобие кастета. Остановившись по одну сторону двери, я открываю ее ногой и заглядываю внутрь.

Внутри все разгромлено. Кто-то тщательно обыскивал мою комнату. Мой крошечный столик перевернут вверх дном, ужасная лампа разбита на две части. Диванные подушки разбросаны, и выдвижной матрас разрезали ножом посередине. Набивка вывалена наружу. Я слышу подозрительные звуки из ванной.

Стук сердца отдается в ушах, и зрение размывается по краям. Я не хочу плакать, потому что это место не мой дом, но по правде говоря, это единственное место, которое у меня есть. Я пересекаю квартиру, чтобы добраться до ванной, пытаясь успокоить свое дыхание, и пинком открываю дверь.

Там никого нет, только в душе включена вода. Вода издает брызгающие звуки, когда ударяется о плитку. Я возвращаюсь в комнату и закрываю входную дверь, снимая затворы, мои руки дрожат, пока я вешаю цепочки на место.

Я сползаю на пол, как только весь адреналин, на котором я держалась последние минуты, схлынул и оставил меня дрожащей, как осиновый лист. Я почти уверена, кто был в моей комнате. Это, должно быть, делает Донни. Он нашел меня и для начала решил поиграть со мной. Трахая мой мозг, потому что ему нравится погоня. Он хочет сделать меня параноиком, заставить запаниковать. Это его способ нанести удар побольнее.

Некоторые люди расцветают, когда любят.

Денни благоденствует за счет страха.

Я достаю свой телефон, пальцы парят над кнопками, чтобы набрать 911, но я не хочу звонить в полицию. Что я им скажу? Что кто-то вломился в мою квартиру, и я думаю, что знаю, кто это был? У меня нет доказательств, и даже сделай я это, то ворошить прошлое совсем не хотелось. Донни опасен и без меня, натравливающей на него власти.

Я вспоминаю грузовик, который видела на дороге. Я пересекаю комнату и выглядываю в окно. Снаружи сейчас нет той машины. Тем не менее, я не могу рисковать или выйти одной. В последний раз, когда я пыталась сбежать, он поймал меня. Я слышу стук шагов в коридоре. Может быть, он оставался в здании и планирует ворваться сюда, чтобы снова забрать меня с собой.

Мои пальцы засунуты в карман, в котором лежат бумажка с номером телефона Флинта и стопка купюр. Я могу позвонить ему. Я знаю, что он приедет и заберет меня. Этого не было в моих планах, но мне чертовски страшно. Слишком страшно, чтобы покинуть эту комнату. Слишком страшно, чтобы столкнуться со всем в одиночку. Впервые за долгие годы у меня есть люди, к которым я могу обратиться. Люди, о которых Донни ничего не знает.

Я понимаю, что подвергну их опасности, но, возможно, если я буду прятаться достаточно долго, Донни сдастся. Он может наслаждаться чужим чувством страха, но я знаю, что вид моих братьев напугает его до ужаса. Я достаю бумажку и смотрю на номер. Я могу это сделать. Тем не менее, даже с моей внезапно появившейся уверенностью, мои пальцы дрожат, когда я нажимаю на цифры.

ГЛАВА 23

Рейвен зашла в чат

Рейвен: У тебя было когда-нибудь такое чувство, что тебя окружают призраки?

Ривер: Ты не в духе сегодня, да?

Рейвен: Я говорю серьезно, Ривер.

Ривер: Что случилось?

Рейвен: Иногда у меня появляется такое чувство, что кто-то следит за мной, куда бы я ни пошла. Это похоже на то, словно ты никогда не бываешь один.

Ривер: Некоторые находят это успокаивающим.

Рейвен: Не в этом смысле. Это не спокойствие... чье-то незримое присутствие где-то рядом.

Ривер: Ты чувствуешь угрозу?

Рейвен: Иногда, но это никогда не является прямой угрозой. Просто ощущение.

Ривер: Порой лучше не игнорировать такие предчувствия.

Рейвен: Я думаю, что просто напугана. Я слишком много думаю об этом.

Ривер: Что я могу сделать, чтобы помочь тебе?

Рейвен: Ты это уже делаешь.

Ривер: У тебя, по крайней мере, есть место, где ты чувствуешь себя в безопасности?

Рейвен: Я предполагаю, настолько безопасно, насколько это возможно.

Ривер: Позволь мне помочь тебе.

Рейвен: Ты уже это делаешь. Всё хорошо, Ривер. Я просто одинока.

Ривер: Я останусь здесь вместе с тобой на всю ночь, если это заставит тебя чувствовать себя в безопасности.

Рейвен: Ты такой добрый мужчина, Ривер.

Ривер: Я бы так не сказал.

Рейвен: Назови хоть одну вещь, которую ты сделал, и это оказалось ошибкой.

Ривер: Я влюбился в тебя.

Рейвен: Теперь ты смеёшься надо мной. Возможно, ты не такой уж и хороший парень.

Ривер: Я никогда и не говорил, что я хороший.

ГЛАВА 24

Флинт

Я крепко спал, когда услышал, как мой телефон звонит. Мисси. Я не знаю, как это понял, что это она, но я был уверен. Я беру его в руки и смотрю на цифры, что отображаются на дисплее, затем нажимаю на зеленую кнопку *Принять*.

– Мисси? – спрашиваю я.

– Флинт, – я слышу её приглушенный голос. – Флинт, я... кто-то был у меня в квартире, кто-то разгромил её.

В её голосе звучит неприкрытый страх, и мои внутренности сжимаются от ярости, которая начинает пульсировать во мне.

– Не мог бы ты..? – она затихает, голос срывается. – Ты сможешь приехать? Ко мне?

Я подскакиваю, ставлю её на громкую связь и натягиваю ближайшие джинсы, которые только подвернулись мне под руки.

– Ты сейчас одна? – уточняю я.

– Да.

– Оставайся там, с закрытой дверью, – я засовываю ноги в ботинки уже в дверях. – Не выходи наружу. Убедись, что дверь заперта. Поставь что-нибудь напротив неё. Я буду у тебя так быстро, насколько смогу.

– Хорошо, – я едва её слышу. – Флинт, поторопись.

– Не бойся, Мисси. Я еду за тобой.

Я вешаю трубку и ору имя Хадсона, стоя в коридоре, который разделяет наши комнаты.

– Хадсон! Поднимай свою задницу, – я добираюсь до его комнаты и бью по дверному косяку. – Хадсон, сейчас же шевелись. У Мисси проблемы. Она в нас нуждается.

Хадсон соскаивает и начинает натягивать одежду, что кучей лежит на краю кровати.

– Что случилось?

– Кто-то устроил погром у неё дома. Я жду тебя снаружи.

Я спускаюсь по лестнице и хватаю ключи. Залезаю во внедорожник и разворачиваю его, когда Хадсон вылетает из дома, почти врезавшись в машину.

– Как далеко она живет? – уточняет Хадсон.

Я озвучиваю ему адрес.

– Мы будем там через пятнадцать минут.

– Если только ты не угрошишь нас раньше. Почему, твою мать, она живет в таком паршивом районе? Почему она не осталась в отеле?

– Я не знаю. Она не сказала мне... И у меня такое чувство, что она многое держит глубоко внутри.

– Что ты имеешь в виду?

– Девушка живет в дерьмовой однокомнатной квартире в худшей части города, потому что домовладелец позволяет ей платить аренду наличными. На её двери множество замков, которые могли бы пристыдить Форт Нокс²³. Она была очень испуганной, словно оцепенела. Это похоже, что с ней всё в порядке?

Я взглянул на него, наблюдая, как брат переваривает то, что я ему сказал. Хадсон не выглядит счастливым. Ни на йоту.

Дорожные знаки мелькают, и я вхожу в повороты быстрее, чем разрешено, обгоняя более медленные автомобили, которые яростно сигналят мне в след.

Я резко останавливаюсь у закрытого бара. Хадсон оглядывает пустую улицу, обращая внимание на полицейскую ленту, трепещущую на окне паба. Думаю, нам повезло, что на тротуаре нет ни лужи крови, ни обведенного мелом контура. Проходящая мимо нас женщина толкает тележку с чем-то, похожим на мусор. Когда Хадсон открывает дверь со своей стороны, она торопится убраться, бормоча себе под нос нечто, похожее на проклятия.

– Это здесь, – я показываю на дверь, покрытую граффити и грязью.

Хадсон толкает её и заходит внутрь. Я иду по пятам.

– Это то место, где она живет?

– Да.

Я поднимаюсь наверх, обходя лужу блевотины.

Я принюхиваюсь, когда слышу, как Хадсон позади меня закрывает рот и нос. Я уже знаю, чего хочу, и это касается Мисси, чтобы она вернулась домой с нами. Каждый ошметок гниющей дряни, полицейская лента, свидетельствующая о совершенном преступлении, валяющийся повсюду омерзительный мусор и этот отвратительный запах – все это может сработать на меня, когда я буду убеждать Хадсона, что это правильный поступок. Я знаю, что он будет потрясен мыслью оставить здесь Мисси.

²³ Форт-Нокс – военная база США, находится почти в центре военного городка Форт-Нокс в 30 милях к юго-западу от Луисвилла (штат Кентукки). Также на территории базы расположено хранилище золотых запасов США, второе место в США по запасу золота. Золотое хранилище считается одним из самых защищённых в мире: его стены состоят из гранита, покрытого слоем бетона, а вход защищает дверь массой в 22 тонны. Для того, чтобы открыть дверь, необходимо знать код, который разделён на части между несколькими людьми, полностью его никто не знает.

Я поворачиваюсь к нему, когда достигаю вершины лестницы.

– Послушай, мы не можем оставить её здесь. Это место совершенно не безопасно, особенно для такой маленькой девочки, как она. Ты не видел, что там было прошлой ночью. А теперь этот взлом? Всё может закончиться тем, что она пострадает, если останется здесь.

– Да, ты прав, – отвечает он. И на какой-то мгновение я счастлив, что он пришел к подобному мнению, согласившись с таким малым количеством убеждений, но затем он продолжил. – Я уверен, что мы сможем найти для неё квартиру где-нибудь в безопасном районе. Какое-то закрытое место или, может быть, то, где будет швейцар.

Моё сердце останавливается.

– Я не знаю... Может быть. Но не сегодня.

Я стучусь в дверь Мисси и слышу звук сдвигаемой по полу мебели. Хорошая девочка, она послушалась. Затем по коридору разносится скрежет открываемых замков, и, наконец, она открывает дверь. Хадсон показывает на замки и задвижки на двери и поднимает брови в немом вопросе.

– Я говорил тебе, – бормочу я.

Напротив нас стоит Мисси, всё ее лицо в пятнах от слёз, а глаза красные и влажные.

– Спасибо, – мягко произносит она.

– Без проблем, – говорю я, и протягиваю руку, чтобы вытереть её щеки кончиками пальцев.

Я слышу проклятья Хадсона, смотрящего поверх головы Мисси на комнату позади неё. Святое дермо. Это место разнесено в пух и прах.

Хадсон протискивается мимо Мисси, напрягаясь, когда его рука слегка касается её плеча, останавливается посередине комнаты, заполняя все крошечное пространство своей массивной фигурой. Я вижу, какие мысли бродят в его голове, когда он смотрит на беспорядок, устроенный злоумышленниками, и на потрепанную квартиру. Крик притягивает его к окну, и он выглядывает наружу, качая головой.

Я смотрю вниз на Мисси.

– С тобой всё в порядке?

Она слегка кивает головой и пожимает плечами, прикусив нижнюю губу. Новые слезы появляются на её глазах, сейчас темно синих от страха. Я вижу, как её снова начинает трясти, и притягиваю в свои объятья, сильнее прижимая к груди. Она вздрагивает, вздыхая.

– Мисси, у тебя есть предположения, кто бы это мог быть?

Она отступает от меня и оглядывается вокруг.

– Нет, – качает она головой.

– Ты уверена? – я ещё раз переспрашиваю.

Она снова кивает, отведя от меня взгляд. Я ей не верю. Страх, который я ощущаю в ней, вызван не обычным взломом. Живя в таком районе, возможно, это не первый раз, когда с ней случилось нечто подобное. Что-то ещё происходит.

– Хорошо, собирая свои вещи.

Она смотрит на меня.

– Мне не нужно возвращаться в отель, Флинт… и я не могу себе это позволить. О…

Она копается в кармане и достает пачку купюр, которую я оставил ей ранее. Я вижу, как Хадсон поднял свою бровь.

– Я не могу это взять, – она пихает деньги мне в грудь. – И я должна 40 долларов за аренду машины. Плюс чаевые.

– Ты не вернешься в отель.

Брови Хадсона поднимаются до уровня волос.

– Собери все свои вещи. Ты возвращаешься с нами.

– Я не думаю… – начал Хадсон.

– Я не могу с вами пойти, ребята, – начала Мисси одновременно с ним. – Позвольте мне позвонить кому-нибудь ещё. У меня есть подруга на другом конце города, она может предоставить мне свой диван.

Я в отрицании качаю головой.

– Если бы она была хорошей подругой, ты бы позвонила ей в первую очередь. Я не принимаю ни единого отрицательного ответа… от любого из вас, – я беру её рюкзак, собранный ещё прошлой ночью. – Это всё? Есть что-то ещё?

– Я… ладно.

Мисси выглядит смирившейся, как, будто все её протесты были показными. Я надеюсь на это, потому что я счастлив, что она вернулась в нашу жизнь. Мисси всегда яростно защищала свою гордость, даже когда у неё не было ничего такого стоящего, чем можно было бы гордиться. И если ей нужна иллюзия, будто мы вытаскиваем её отсюда против её воли, что ж, так тому и быть.

Хадсон всё ещё стоит на другом конце комнаты, достаточно далеко от Мисси, он снова смотрит в окно, словно не знает, что сказать или куда взглянуть.

– Ну что, у тебя есть ещё вещи? – я повторяю снова.

Она двигается по комнате, открывая маленькие ящики в столе, и затем идет в ванную. Я слышу, как она что-то там делает, прежде чем она возвращается с маленькой коробкой, полной различных предметов. Она открывает небольшой шкаф и вытаскивает несколько вещей, укладывая их в коробку. Она опустошает крошечный шкаф для одежды, стаскивая все с вешалок и складывая в свой рюкзак. Остальное помещается в черный мешок из-под мусора, который она вытащила из шкафа. Сборы закончились меньше, чем за 5 минут.

— Это всё, — сказала она, стоя с этим жалким количеством вещей, что были сложены вокруг её ног.

Я смотрю на неё с печалью. Я не знаю, что случилось с Мисси, но точно уверен, что только люди, привыкшие покидать насиженные места в сильной спешке, могут так быстро упаковывать все свои пожитки.

ГЛАВА 25

Рейвен: Что с тобой случилось, Ривер?

Ривер: Что ты имеешь в виду?

Рейвен: Что с тобой не так? Ты проводишь так много времени здесь со мной, составляющей тебе компанию. Ты совершаешь поступки, которые выглядят так, будто у тебя есть проблемы с взятием на себя обязательств. Итак, что с тобой происходит?

Ривер: Почему со мной должно быть что-то не так? Может, я просто наслаждаюсь радостью быть с тобою рядом.

Рейвен: Эй, я могу уловить сарказм, когда читаю это.

Ривер: Приятно знать, что мне не нужно сдерживаться.

Рейвен: Итак? Что это было? Для меня это не важно, чем бы это ни было. Мы все несовершенны. Это из-за того, как ты выглядишь? У тебя есть шрамы? Ты болен?

Ривер: Да.

Рейвен: Что именно?

Ривер: Всё это. Я уродлив изнутри. Моя душа покрыта шрамами. Моё тело больно.

Рейвен: Сейчас ты со мной играешь.

Ривер: Это правда, птичка.

Рейвен: Я не знаю, почему я беспокоюсь об этом.

Ривер: Тебе просто это нравится. У тебя есть кто-нибудь ещё, с кем можно препираться и спорить?

Рейвен: Нет.

Ривер: Это грустно, потому что я определенно не самый достойный соперник?

Рейвен: Мы можем снова вернуться к вопросу?

Ривер: Конечно. Я попытаюсь тебе ответить.

Рейвен: Только честно, пожалуйста.

Ривер: Настолько честно, насколько я смогу.

Рейвен: Я жду.

Ривер: Да, со мной что-то не так. Есть причины, по которым я не могу взять на себя обязательства, причины, по которым я не могу никого впустить в душу, причины, по которым я не могу позволить тебе стать ко мне ближе.

Рейвен: Ты мне расскажешь, что это за причины?

Ривер: Нет.

Рейвен: Что, если я готова рискнуть?

Ривер: Я не могу позволить тебе это сделать.

Рейвен: Я не спрашиваю твоего разрешения.

Ривер: Этот разговор окончен.

Рейвен: Трус.

Рейвен покинула чат.

ГЛАВА 26

Хадсон

Флинт за рулем, славу Богу он ведет машину не так быстро, как до этого, и Мисси сидит тихо, сжавшись на заднем сиденье внедорожника. Я предложил ей сесть спереди, но она отказалась, забралась назад и прижалась к теплу нагретой кожи.

Тишина в машине оглушает, и я даже не знаю, что произойдет, как только мы привезем Мисси в наш дом. Где она будет спать, и что мне ей сказать? Мне нужно сказать ей хоть что-то на счет того, что мы сделали. Я должен признаться и дать ей знать, что это не было спланировано заранее и что такое снова не повторится.

Как будто она этого хочет.

Я не знаю, о чем я, мать вашу, думаю. Моя голова пульсирует. Я знаю, мы можем найти ей где-нибудь хорошую квартиру. Ей не потребуется долго с нами оставаться. Может быть, всего на несколько дней. Вероятно, я смогу держать себя в руках столь долго.

Я смотрю, как машина преодолевает милю за милю, как знаки проносятся мимо, но я на самом деле не обращаю на них внимания. Быстрее, чем я понимаю, мы уже выворачиваем на подъездную дорогу к нашему дому.

Флинт ставит машину на парковку и поворачивается в пол-оборота к заднему сидению.

— Слушай, я знаю, что сейчас это кажется немного... неудобным, но думаю это лучший вариант. Здесь самое безопасное для Мисси место, — он кивает ей головой. — Теперь всё будет хорошо. Ты в безопасности вместе с нами.

Затем Флинт выходит и обходит машину, открывая дверь со стороны Мисси, и ведет нашу сестру по ступенькам. Он играет мою роль, и я рад, потому что именно так и должно быть, но это разрывает меня на куски.

Я иду следом, держась на расстоянии, наблюдая, как брат поднимется с Мисси по лестнице, собственнически положив свою руку на её хрупкую спину. Это прикосновение высекает искру ревности у меня в душе, которую мне не нравится ощущать, и которую я не понимаю. Флинт тоже брат Мисси.

Когда они оказываются наверху, он поворачивает с ней налево, по направлению к моей комнате. Я перескакиваю через две ступеньки и хлопаю по плечу Флинта, когда догоняю их.

— Ты куда идешь, мужик? — спрашиваю я.

— Хм... — Флинт указывает на дверь в другом конце коридора.

— В доме есть пять свободных комнат... выбери одну из них.

Лицо Мисси покрывается пятнами, словно я ударил её. Дерьмо.

— Вот в этой, — Флинт указывает на дверь, что находится дальше по коридору рядом с её комнатой, — комнате ночует Рэд, когда он остается здесь. Там лежат кое-какие его вещи. В двух других просто нет мебели, потому что ты решил их отремонтировать и не нашел время нанять подрядчика, чтобы закончить. И ещё две находятся на другом конце дома, слишком далеко. Я просто подумал, что Мисси будет чувствовать себя в безопасности рядом с нами.

Я чувствую, как мои ноздри раздуваются. Мисси делает шаг назад, поглядывая на Флинта. Я, должно быть, напоминаю ей разозленного быка. Наверное, я пугаю её. Я не намеревался этого делать. Я не хочу, чтобы она боялась меня, но сейчас я боюсь самого себя.

— Хорошо, — огрызаюсь я.

— Тогда покажи Мисси всё здесь. Я собираюсь принести её вещи.

И Флинт оставляет меня наедине с Мисси впервые с тех пор, как я привел её из клуба и трахал до потери сознания.

Она стоит на том же месте, глядя на меня глазами цвета морской волны, они меняют свой цвет от синего к зеленому и обратно в свете ламп. Господи, она такая красивая малышка. Такая крошка, такая милая, такая ранимая на вид. Я чувствую, как мой член твердеет, и быстро отворачиваюсь, распахивая дверь с такой силой, что она со стуком отскакивает от стены.

— Итак, проходи сюда, — говорю я, отступая, чтобы Мисси могла войти, не коснувшись меня.

Я улавливаю запах её духов, когда она проходит мимо, и мне хочется наклониться ниже, вдохнуть аромат полной грудью, вспомнить, как пахла её кожа. Я хочу, чтобы она была достаточно близко, чтобы я мог почувствовать тепло её тела, но отталкиваю подобные мысли.

Мисси останавливается в центре комнаты, не двигаясь, она так сильно сжимает свои руки, что костяшки её пальцев белеют.

Я прочищаю горло.

— Ванная, — я указываю на одну дверь, затем на другую, — гардеробная.

Я слышу, как резко звучат мои слова, но просто пытаюсь сохранить хладнокровие.

Я прохожу мимо Мисси к двойным дверям с противоположенной стороны.

— Здесь балкон, — я открываю двери, — с видом на...

Я взмахиваю рукой в сторону гор вдалеке и бассейна, что мерцает под полуденным солнцем.

Когда я разворачиваюсь, Мисси всё ещё смотрит на меня. Я хочу что-нибудь сказать, хоть что-то, способное успокоить ее, но боюсь того, что может вырваться из

моего рта, открои я его. Глаза Мисси блестят, и я вижу, как она пытается держать свои эмоции под замком. Я продолжаю свой десятицентовый тур.

— У нас есть экономка, которая приходит несколько раз в неделю. Она поменяет тебе простыни. Здесь хранятся дополнительные одеяла и подушки, — я указываю на комод в углу. — В ванной уже лежит мыло, шампунь и зубная паста, если они нужны. Мы можем, я имею в виду Флит, может помочь тебе...

— Хадсон, — она перебивает меня.

— ... купить всё, что тебе...

— Хадсон.

— ... нужно. Что?

— Прости меня, — тихо говорит Мисси.

Я сжимаю челость, скрипя зубами. Почему *она* просит прощенья у *меня*?

— Я не знала. Я не знала, что это был ты. Я бы никогда... ты должен знать это. Ты же знаешь это, да? И мне очень, очень жаль. Пожалуйста, не сердись на меня. Я не думаю, что смогу пережить это, — голос Мисси прерывается. — Я не вынесу, если ты будешь злиться на меня, поэтому давай сделаем так, чтобы всё было хорошо между нами. Дело сделано, и мы не можем уже ничего изменить.

Она всхлипывает, и я вижу слезы, что стекают по её щекам.

Почему я не могу сказать что-нибудь, что заставит Мисси чувствовать себя лучше? Флинт хорош в этом — утешать. Он сжимал её в больших медвежьих объятьях, она смеялась, а потом они ходили за мороженным или чем-то столь же нелепым. Всё, что я могу сделать, это стоять столбом и неотрывно смотреть на мою мягкую Динь-Динь. Хотя, разве она моя фея? Кто я для неё? Не брат, определенно, больше не брат. И я не могу быть её любовником из прошлой ночи, которую мы разделили. Итак, что это нам дает? Кем я хочу, чтобы мы были друг для друга?

Она пересекает комнату, и я чувствую, как Мисси пальцами скользит по моей руке, слегка сжимая и не двигая ладонь, словно пытаясь увидеть, что я сделаю дальше. И я отодвигаюсь, потому что мне достаточно лишь одного касания, чтобы заставить член зашевелиться, а воспоминания о её вкусе на моих пальцах и её сладких, низких стонах, которые оны выдыхала в моё ухо, кончая и крепко обхватывая мою эрекцию, воскреснуть. Я возбуждаю, лишь вспоминая об этом. Ветер, проникающий в комнату сквозь открытые двери балкона, играет со светлыми локонами Мисси.

Она пахнет росшей на краю школьного поля земляникой, которую мы ели раньше.

Волосы Мисси всё ещё того же цвета, что и в детстве.

Что за черт!! Что, твою мать, со мной не так? Я чувствую боль в животе, представляя её маленькой девчушкой, бегавшей босиком на заднем дворе, думая о Мисси, лежащей в моих руках, когда она была ещё младенцем.

Я даже не должен находиться рядом с ней, когда способен думать и чувствовать все эти вещи. Мои руки болят от желания обнять её, но с какой целью? Чтобы она почувствовала себя в комфорте или чтобы я мог прижать ее к себе так близко, чтобы ощутить все эти сладкие изгибы? Я больной ублодок.

Я вытягиваю руку между нами и отворачиваюсь, уходя и оставляя Мисси одну посреди комнаты, моя фея выглядит смущенной и испуганной. Я ненавижу оставлять её таким образом, но не вижу другого выхода. Я должен покинуть её до того, как сделаю или скажу что-нибудь, о чем мы оба будем сожалеть.

Я не оборачиваюсь, даже когда слышу своё имя, слетевшее с губ Мисси. Я перескакиваю через две ступеньки и шагаю за порог входной двери, стремясь убежать от величайшей ошибки, которую я когда-либо совершил в своей жизни.

ГЛАВА 27

Флинт

Телефон Хадсона опять переводит меня на голосовую почту. С нарастающим раздражением я отключаю свой мобильный и бросаю его на низкий стол перед диваном. Мой брат ведет себя как полный мудак, и это бесит меня. Какой человек исчезает, когда он по уши в дерьме? Я думаю обо всём, что с ним произошло, и сочувствую ему. С таким не так-то легко встретится лицом к лицу. На его месте у меня бы не было даже желания подняться. Но я не уверен, что был бы настолько уязвим с Мисси. Но опять же, у Хадсона в голове куча всякой ерунды, которую я даже не могу себе вообразить.

Я должен вскоре уйти, чтобы посмотреть на бои моих конкурентов с Рэдом. Изучать тактику других парней на ринге – часть моей тренировки. Иными словами, я хочу знать своего противника. Я мог бы смотреть все в записи или на платных каналах, но это не тоже самое, как когда ты находишься в толпе. Тут все иначе, это позволяет мне видеть бесконечно малые изменения в осанке и опоре, которые могут дать неоспоримое преимущество в будущих схватках.

Хадсон так и не вернулся после своего бегства, а я не хочу оставлять Мисси в одиночестве. Единственный вариант – взять её с собой. Я поднимаюсь по лестнице и стучусь в дверь.

– Входите, – кричит она.

Я открываю дверь и вижу Мисси, сидящей на краю кровати. Она успела вздрогнуть и принять душ с тех пор, как мы вернулись, а также переодеться в джинсы и футболку. На ногах у нее оказались сильно поношенные кеды. Она выключает телевизор и отбрасывает пульт в сторону.

– Привет, что случилось?

– Привет, я планировал посмотреть бой сегодня вечером. Хочешь со мной пойти? Глянуть, чем я занимаюсь? – я улыбаюсь ей.

– Я всё ещё не могу поверить, что ты дерешься, чтобы зарабатывать деньги, – она оглядывает просторную комнату для гостей, – и я не могу поверить, что это настолько хорошо оплачивается, чтобы позволить всё это.

– Что я могу сказать? У меня прирожденный талант.

– Я не знаю, – Мисси хмурится. – Я никогда раньше не интересовалась боями. На самом деле это совсем не моё, смотреть, как бьют людей. Я этого достаточно видела, когда была моложе.

Я пытаюсь не заострять внимание на её двусмысленной фразе. Я не хочу думать о намеках, звучавших в словах Мисси. Я улыбаюсь ей, пытаясь разрядить атмосферу.

– Ну, давай же. Ты будешь со мной... и Рэдом. Я не оставлю тебя одну, так что если ты не поедешь со мной, мне придется остаться дома тоже. И это совершенно другое, ты знаешь.

– Хорошо, хорошо – говорит она, пожимая плечами. – Не похоже, что у меня есть выбор.

– Это будет весело. Я даже покормлю тебя после этого. Тебе всё ещё нравится Happy Meals?

Она смеется на это, её лицо загорается тем светом, который я помню ещё из нашего детства. Мисси хватает свою сумку и размахивает ею, пока мы спускаемся вниз.

Рэд ждет нас снаружи, машина уже заведена, япускаю Мисси на переднее сиденье и сажусь сзади. Рэд разворачивает автомобиль и направляет его по направлению к арене. Я на самом деле не знаю, чего ожидать от Мисси. Она переходила из спокойного в разъяренное состояние за считанные секунды, и мне потребовалось несколько фраз, чтобы она вернулась в нашу жизнь. Хотя, в машине она наслаждается сама собой. Она выглядит расслабленной и ведет легкий дружеский спор по поводу выбора радиостанции с Рэдом. Он, наконец-то, сдается, она включает поп-канал и подпевает песне, двигаясь в такт и качая головой вперед и назад, от чего её короткие светлые волосы подпрыгивают.

Когда мы подъезжаем к арене, Рэд показывает наши VIP пропуска на парковку, и охранник даёт нам пройти во внутрь. Мы направляемся к задней части арены и выбираем свободное место рядом с входом.

– Пижон, – шутит Мисси.

– Да, немного, это определенно привилегия моей работы. Подожди, ты ещё не видела наши места, – говорю я ей.

Проход ведет к двери, и мы идем мимо дешевых мест со стульями, расположенных вдоль ринга. Рэд хлопает меня по плечу и оставляет нас, чтобы найти своих приятелей, которые присматривают за другими бойцами, делая ту же работу, что и он для меня.

Мисси оглядывается, наблюдая за людьми, и находит места. Сегодня помещение будет переполнено, поскольку на ринге будет один из самых высокооплачиваемых бойцов, как главное событие вечера. Музыка с ревом гремит из колонок, расположенных над нашими головами, и официантки из бара курсируют по VIP ложе с подносами, заставленными пузырящимся шампанским.

– Итак, что здесь будет происходить? – спрашивает Мисси, пытаясь рассмотреть всё разом.

– Ну, для разогрева будет несколько небольших боев. С парнями, которые не сильно известны или только начинают. Иногда я думаю, что это лучше всего. Эти парни больше всего стараются показать себя, поэтому эти бои самые тяжелые. Затем, событие

вечера. Хуан Диас²⁴ против Томми Моррисона²⁵, Короля. Томми – второй по рангу боец на ринге.

– Кто же первый? – спрашивает она.

Я ухмыляюсь ей.

– Ты на него сейчас смотришь.

– Не может быть! – выдыхает Мисси и начинает смеяться. Она так очаровательна, когда счастлива. Я бы хотел, чтобы она всегда так улыбалась. Затем гаснет свет, и громкая музыка у входа начинает звучать громче из колонок, когда первые бойцы выходят на ринг.

Когда раздаётся сигнал и начинается бой, я предлагаю Мисси встать на стул, чтобы она могла видеть через край ринга. Она хихикает и обнимает меня за шею.

Я обращаю её внимание на техники бойцов.

– Смотри, как он сильно раскрыт, благодаря этому будет очень легко пробить его защиту.

Другой боец наносит парню удар по ребрам, отправляя его на маты с вибрирующим звуком.

– Видишь? Я это учту, если я когда-нибудь встречусь с ним на ринге.

Мисси ахает, прикрывая рот рукой. Я вижу беспокойство, сияющее в её глазах. Она осталась такой же мягкосердечной. Когда сбитый боец подпрыгивает на ноги и начинает играть на публику, расхаживая, чтобы показать, что он не пострадал, Мисси начинает подпрыгивать на месте, добавляя свой крик к ликованию людей вокруг нас. Она смеется и держит меня за руку, чтобы не упасть со стула.

Я улыбаюсь ей.

– Тебе весело?

– Да! Это так захватывающе!

– В следующий раз, я позволю сделать тебе ставку. От этого будет ещё веселее.

Её улыбка на секунду угасает, прежде чем она с задором говорит.

– Всё в порядке, я не делаю ставки. Я всё равно всегда проигрываю.

– Да, но теперь у тебя есть я. Я всегда помогу тебе с выбором.

Она смеется.

²⁴ Хуан Диас (родился 1983) – американский боксёр-профессионал, выступающий в лёгкой весовой категории. Чемпион мира в лёгкой весовой категории.

²⁵ Томми Моррисон (1969-2013) – американский боксёр-профессионал, также актёр, чемпион мира среди профессионалов в тяжёлом весе.

– Ну, ты и хвастун, Флинт.

Я обращаю её внимание на парня в синих шортах.

– Он наш победитель. Он сильно открывается, но он быстр и у него хороших замах.

– Ты этого не знаешь.

– Я ставлю на него, спорим на Happy Meal.

– Хорошо, я принимаю. Моя первая ставка.

Она надувает губы как обиженный ребенок, когда минуту спустя выбранный мной боец побеждает сильным ударом. Могу сказать, что она была впечатлена, когда я предугадал победителей в следующих нескольких боях.

– Ты действительно в этом хорош. Ты прямо эксперт! Получается, когда мы были детьми, всё эти драки, в которые ты ввязывался, были просто тренировкой для тебя? – её глаза игриво блестят.

Я улыбаюсь над её воспоминаниями, рад, что она помнит наше детство, даже если там есть некоторые вещи, которыми я не должен гордиться.

– Эй, я был не так уж и плох.

Она снова смеется и обхватывает мою руку, прижимаясь своими мягкими изгибами ко мне. Я простираю горло. Определенно, Мисси больше не ребенок. Она всё ещё прижимается ко мне, сжимая мою руку. Она мягкая и красивая. Такая крошечная, но фигуристая. Её запах обволакивает меня, сладкий и почти фруктовый, и я смотрю ей в глаза. Я могу чувствовать, как её тело отлично подходит моему, как все её мягкие изгибы сочетаются с моей твердостью.

Я снова возвращаю своё внимание к тому, что происходит на ринге, потому что то, к чему приводят мои мысли, кажется странным, но я больше не могу заставить себя сосредоточиться на схватке. Это то, что ощущает Хадсон? Я не уверен. Может быть, как человек, я хуже, чем он, но я почти не чувствую себя виноватым, как он. Да, конечно, мы росли вместе как брат и сестра. Я был ещё одним её защитником, как и Хадсон. Нас перекидывали из одной приемной семьи в другую, что создало более тесную связь между нами, большую, чем между братьями и сестрой, но я всё ещё чувствую притяжение на физическом уровне. Мы на самом деле не связаны узами родства, но, когда ты вырастаешь с кем-то, это кажется странным соотносить ребенка со взрослым человеком. Тот факт, что у нас нет общей ДНК, делает эту тягу нормальной? Кто, мать твою, знает? Я просто понимаю, что чувствую себя сбитым с толку.

Я даже не замечаю, когда начинается главный бой вечера. Мисси кричит, полностью охваченная азартом.

– Покажи ему, достань его, Король! – она трясет своим кулаком в воздухе, держась за моё плечо, чтобы не свалиться.

Она кричит мне прямо в ухо, громче, чем большинство мужчин вокруг нас. Я сдвигаюсь, чтобы обхватить руку вокруг её талии, чтобы помочь удержаться на стуле. Могу сказать, что Мисси чувствует себя в безопасности, потому что отпускает моё плечо, поднимая теперь уже оба её кулака, приветствуя понравившегося ей бойца.

Мои пальцы гладят её мягкую кожу чуть выше бедра, где её рубашка слегка задралась, и от прикосновения к обнаженной коже, кажется, словно электрические разряды пронзают меня, устремляясь прямо в пах. Я сдерживаю стон и держусь за Мисси. Её раскачивания и подпрыгивания – это пытка, больше, чем я могу вынести, но мне нравится ощущать её в своих руках, чувствовать власть её тела над моим. Я мог бы остаться здесь на всю ночь, окружённый этой толпой, и Мисси, осознающей, что рядом со мной она в безопасности, что я всегда смогу защитить ее.

Как только это мысль проносится в моей голове, Мисси спрыгивает вниз без предупреждения. Она не кричит и не смеется. На самом деле, её лицо представляет собой маску паники. Она прячет своё лицо на моей груди, как будто пытается скрыться от кого-то.

– Что такое? – я спрашиваю её, оглядывая толпу, пытаясь определить, что могло так испугать мою малышку. Я никого не вижу. Все защитные инстинкты поднимаются из глубины моей души. Я заботился о ней с тех пор, как толкнул Дилана Ханта, дергавшего её за косички, когда мы были детьми. Я касаюсь её уха губами и снова спрашиваю. – Что случилось?

Мисси качает головой, всё ещё прижимаясь ко мне.

– Мы можем уйти? Мы можем просто уйти домой, пожалуйста? Я больше не хочу здесь находиться.

Я могу чувствовать, как её руки дрожат на моей груди, а глаза потемнели от ужаса.

– Сейчас? – умоляет она, её голос пронизан таким страхом, что это разбивает мне сердце.

Я больше не жду и секунды, прежде чем подхватить Мисси на руки. Вокруг нас огромная толпа народа, но всё внимание сосредоточено на бойцах, которые всё ещё колотят друг друга на ринге. Трудно проложить себе дорогу, но я с этимправляюсь, замечая Рэда на другой стороне ринга, и кивая ему головой. Он, должно быть, видит сосредоточенное выражение на моем лице, потому что вскакивает и обходит арену, встречая нас возле выхода.

– Что происходит? – спрашивает он низким голосом.

– Я не уверен. Ты можешь подогнать машину?

Я просматриваю пространство вокруг нас, выискивая что-то неуместное для этого места. Я ничего подозрительно не вижу, но Мисси на моих руках дрожит. Ячувию, как её сердце бешено стучит напротив моей груди, а лицо всё ещё спрятано на моем плече. Здесь есть кто-то или что-то, напугавшее её. Рэд разблокирует внедорожник в мгновение ока, и я сажаю Мисси на заднее сиденье, присоединяясь к ней. Я не хочу, чтобы она была

одна, пока её так трясёт. Она оглядывается вокруг и облегчено вздыхает, когда двери автомобиля захлопываются, а темные тонированные окна скрывают нас от внешнего мира.

Когда мы благополучно пристегнулись и Рэд везет нас домой, я поворачиваюсь к Мисси.

– Теперь всё хорошо? – спрашиваю я.

Она моргает, как будто пытается придумать, что сказать. Я уже предвижу, что она притворится, что ничего не произошло. С ней твориться что-то плохое, но она намерена держать всё это при себе.

– Да. Да. Слушай… мне жаль, – говорит она.

– Здесь не за что извиняться, Мисси. Ты выглядела чертовски напуганной. Тебе нужно сказать мне, что всё это было, сладкая. Что тебя напугало?

Она отводит глаза в сторону и смотрит на здания, мелькающие снаружи.

– Ничего. Я просто устала.

Я чувствую, как Рэд смотрит на нас в зеркало заднего вида.

– На мой взгляд, это не похоже на усталость. Это похоже на то, что тебя что-то напугало, Мисси.

– Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказала, – она бросает взгляд на нас обоих.

– Было бы хорошо, ответь ты честно, – произношу я.

– Иногда честность – не самая лучшая политика, – говорит она.

– Ты думаешь, что лучше мне соврать. Притвориться, будто ничего не произошло, и оставить меня ни с чем, чтобы помогло мне понять, что я должен сделать, чтобы защитить тебя?

– Мне нечего сказать, – отвечает она.

– Ты врешь.

– Черт возьми, не делай это со мной прямо сейчас!

– Что делать? Показывать, что я о тебе беспокоюсь? Желать убедиться, что ты не в опасности? Я не пытаюсь сделать что-то плохое.

– Иисус! – вздыхает Мисси, снова отворачиваясь к окну, с силой скрестив руки на груди. Она полностью закрылась, и я могу сказать, что ничего от неё не добьюсь.

Я хотел бы, чтобы она просто позволила мне ей помочь, как я это делал, когда мы были детьми, но это было так давно, что кажется, Мисси привыкла полагаться только на себя.

ГЛАВА 28

Хадсон

Рейвен зашла в чат

Ривер: Привет, птичка. Как у тебя дела?

Рейвен: Не очень хорошо. Я напугана, Ривер.

Ривер: Что происходит?

Я хотел бы помочь тебе. Было время, когда я был непобедимым, и я не позволял чему-либо встать на моем пути. Я хочу помочь тебе, но я не думаю, что у меня получится.

Рейвен: Призраки из ужасной прошлой жизни, я думаю, ты назвал бы это так.

Ривер: Призраки. Призраки не могут навредить телу.

Рейвен: Иногда они могут, Ривер.

Ривер: Ты в опасности? В физическом плане? Именно поэтому ты так часто переезжаешь, из-за тех вещей, что случались с тобой до этого?

Рейвен: Да. В моем прошлом есть жуткие люди, Ривер. Я могу подвергаться опасности. Я не хочу об этом думать, но у меня плохое предчувствие.

Ривер: Я бы хотел тебе помочь, Рейвен. Действительно хочу. У тебя есть кто-то, к кому ты можешь пойти? Полиция? Приют для женщин или что-то ещё?

Это звучит как отговорка, но я не знаю, что ещё предложить. Может, я могу сказать Флинту. Я знаю, если я скажу ему, что происходит, он подменит меня.

Рейвен: Я не хочу, чтобы ты волновался обо мне.

Ривер: Я не могу помочь прямо сейчас. Скажи мне, что происходит, птичка.

Рейвен: Есть мужчина, который преследует меня очень долгое время. Я видела его прошлой ночью.

Ривер: Он заметил тебя?

Моё сердце бешено колотится от страха. Я был одним из самых крупных парней в лиге, но какая-то девушка, которую я даже не видел, заставляет меня чувствовать себя беспомощным и слабым.

Рейвен: Я не думаю. Уверена, что он бы последовал за мной, если бы увидел.

Ривер: Позволь мне тебе помочь.

Рейвен: Нет. Я не буду вовлекать других людей. Он никогда не прекратит преследовать меня. Я буду в бегах всю свою оставшуюся жизнь. Так будет лучше.

Ривер: Рейвен, я могу помочь. Я могу кое-кого послать за тобой, если ты мне скажешь, где находишься.

Рейвен: Там, где нахожусь прямо сейчас, думаю, я в безопасности. Я остановилась у своих друзей.

Ривер: У твоего парня?

Огненная стрела ревности пронзает меня.

Рейвен: Не совсем. Просто друзья из далекого прошлого. Я не смогу долго оставаться у них, я не хочу втягивать их в свои неприятности.

Ривер: По крайней мере, свяжись со мной, пожалуйста? Пообещай, что если тебе понадобиться моя помощь, ты позовешь. У меня есть кое-кто, кто сможет помочь, не задавая вопросов, без всяких обязательств.

Я люблю её. Обеспечить ей безопасность – это меньшее, что я могу сделать для неё.

Рейвен: Хорошо. Я свяжуясь с тобой завтра. И Ривер, спасибо тебе.

Ривер: За что?

Рейвен: За то, что ты здесь.

Рейвен покинула чат

ГЛАВА 29

Мисси

Я выключаю телефон и кладу его на тумбочку. Если бы только Ривер знал, что он на самом деле помогает мне, что я здесь, в безопасности его шикарного особняка. Я поднимаюсь с кровати и иду к французским дверям. Они слегка открыты и впускают приятный свежий воздух, ветер колышет бледные тонкие занавески.

Я никогда не находилась в столь хорошем месте. Мои ноги утопают в пушистом ковре, пока я хожу по комнате, оставляя небольшие отпечатки позади. Он такой мягкий. И кровать, она достаточно широкая, чтобы вместить шестерых человек, застеленная самыми роскошными аквамариновыми простынями и одеялами, которые я когда-либо чувствовала, с воздушными подушками, сложенными в три ряда. Я провожу рукой по резным столбикам. Под моими пальцами дерево кажется живым, гладким и теплым, а цветы, вырезанные на нем, выглядят почти настоящими. Над кроватью висит красивая картина. Я думаю, это что-то известное. Копия, но выглядящая потрясающе.

Все эти годы я жила в таких ужасных местах. Полуразрушенных и грязных. В квартирах, где я могла заплатить наличкой, которую нельзя отследить. Такие непростые для меня времена, а Хадсон и Флинт жили здесь в роскоши. Я пробегаю пальцами по шкафу, где стоит современные телевизор и колонки. Никакой пыли, конечно. Домработница следит за всем домом, поддерживая его в безупречности.

Не могу поверить, насколько всё хорошо сделали для себя Хадсон и Флинт. Не то, чтобы они это не заслужили, я знаю, с чего все это начиналось. С такого же грязного места, где жила и я. Я знаю, как усердно они, должно быть, работали, чтобы попасть сюда, но, когда я думаю о том, что мы все начали из одного мesta, я чувствую, что мои щеки краснеют от стыда. У них есть всё это, а у меня есть только пара мусорных мешков с вещами. Семьи нет. Нет друзей, с кем бы я осмелилась поддерживать связь с тех пор, как Донни сел мне на хвост. Я так долго была одна и так устала от этого. Меня так пугает находиться здесь. Я могу привыкнуть к хорошей жизни, с людьми, которые ближе мне, чем какая-либо семья, но я знаю, что не могу долго оставаться с братьями. Я не могу позволить себе привыкнуть к этим приятным ощущениям, когда я знаю, что мне в ближайшее время нужно будет уехать.

И хотя я в курсе того, как Хадсон относится ко мне, пока я нахожусь здесь, я начала себя чувствовать в безопасности. По крайней мере, до тех пор, пока не заметила Донни на тех боях. Я знала, что он, в конце концов, найдет меня, всегда находил и всегда будет. Мне просто нужно делать то, что я всегда делала.

Бежать.

Уехать.

Найти что-то новое, наполовину разложившееся и пропитанное страхом.

Но мой урчащий живот отвлекает от мыслей. Я не помню, когда последний раз ела. Я никого не вижу и не слышу, когда высываю голову из двери, поэтому двигаюсь

вперед по коридору, иду на носочках по лестнице, когда спускаюсь вниз. Мне не провели большой экскурсии, когда привезли сюда, поэтому я рисую предположить, что кухня находится в задней части дома, и начинаю искать в том направлении, проверяя все комнаты, которые прохожу.

В коридоре есть несколько закрытых дверей, и я открываю пару, чтобы обнаружить гардеробную и уборную. Затем распахиваю двойные двери, которые скрывают огромную комнату, напоминающую берлогу, с секционным диваном, который может вместить двадцать человек, и огромный телевизор, почти такой же большой, как экран в кинотеатре. Огромное количество электроники выстроилось под медиа-центром. Я качаю головой, всё ещё пораженная богатством, что окружает меня.

Двери с противоположенной стороны от комнаты ведут в большую столовую, но с противоположной стороны я, наконец, нахожу кухню. Как и остальная часть дома, всё здесь имеет гигантские размеры и высокотехнологично. Утварь от компании Викинг²⁶ и холодильник, расположенный среди высоких белых шкафов, увенчанные сверкающими гранитными столешницами. Медные кастрюли блестят на стойках, нависая над рабочей зоной, которая окружена темными деревянными стульями с низкими спинками. Всё безупречно. На секунду становится интересно, кто готовит в этом доме. Я могу представить, что Флинт – это тот тип парней, которые едят жаркое, полезные для здоровья овощи и нежирное мясо. С другой стороны, Хадсон, похож на человека, которому нравится гриль.

Я без понятия, что и где тут находится, поэтому начинаю открывать шкафы, вытаскивая миску и ложку, радуясь, что дверцы захлопываются со смягчающим стуком. Тихо закрывающиеся шкафы. Аккуратные прикосновения. Дверь на дальней стороне оказывается встроенной кладовкой. На полках так много еды, что это похоже на продуктовый магазин. Я тихонько смеюсь, когда вижу несколько коробок Капитана Кранча²⁷. Это были наши любимые хлопья, когда мы росли. Я хватаю одну из них, останавливаюсь, чтобы взять молоко к растущей кучке продуктов в моих руках и возвращаюсь к столешнице, только теперь осознавая насколько я голодна.

Я концентрируюсь на том, чтобы всё аккуратно разложить, когда слышу негромкий кашель позади себя. Я бросаю коробку и быстро разворачиваюсь. Небольшие желтые подушечки хлопьев разлетаются по поверхности и улетают на пол. Хадсон стоит прямо в дверях, которые я раньше не заметила. Я обращаю внимание, что на нём надеты только низко-сидящие баскетбольные шорты, и пялюсь на него. Ничего не могу с собой поделать. Он настолько красивый, что это ранит. Его широкие плечи, торс в форме V. Он мускулистый, но не громоздкий, сильный и безупречный. Я не могу не вспомнить, каково это было, когда этот точеный пресс вдавливается в мой, как эти мускулистые ноги раздвигали мои, и у меня перехватывает дыхание. Я веду глазами вверх и вниз по его телу, задерживаясь на дорожке волос, которые исчезают за резинкой его шорт. Я внезапно осознаю, что на мне ничего нет, кроме футболки, которая едва прикрывает верхнюю часть

²⁶ Viking Range Corporation – американская компания по производству кухонного оборудования и утвари для жилого и коммерческого использования, на рынке с 1987гг.

²⁷ Капитан Кранч (Captain Crunch/ Cap'n Crunch) – детский сухой завтрак из кукурузной и овсяной муки с витаминными добавками в форме подушечек, введенный на рынок в 1963 гг.

моих бедер. Я вижу, как его глаза темнеют, пока он смотрит на меня, вижу, как пламя проходит через всё его тело, и его пресс сокращается, когда он рассматривает меня. Затем, в течение секунды, этот взгляд исчезает. Он скрещивает руки на груди.

— Что случилось сегодня вечером во время боя, Мисс? Что заставило тебя так быстро уйти? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Ничего. Я не чувствовала, что это правильно. Такое иногда происходит. Тебе не о чём беспокоиться.

— Ты у меня дома, но думаешь, что твоя безопасность — это не то, о чём мне следует побеспокоиться?

— Я не хочу, чтобы кто-то беспокоился обо мне. Я могу сама о себе позаботиться. Я завтра уйду. Последнее, чем я хочу быть — это чьим-то бременем.

Его лицо моментально краснеет от моих слов. Я вижу, как Хадсон стискивает зубы и сжимает кулаки. Я делаю один шаг назад, подальше от его гнева. Я давно-давно выучила урок, что лучшее место, когда мужчина сжимает кулаки, это выйти из зоны его досягаемости. Я ухожу в сторону, оставляя кухонных островок между нами.

— Ты. Никуда. Не. Уйдешь, — произносит он по слогам. — Не тогда, когда ты находишься в опасности или хотя бы думаешь так, когда напугана чем-то, и неважно чем именно. Ты останешься здесь, где с тобой ничего не случится. Так долго, как только это потребуется. Между мной, Флинтом и Рэдом, рядом всегда должен кто-то находиться, чтобы присматривать за тобой.

Его послание жесткое, но эти слова заставляют меня стыдиться того, что я его испугалась.

— Правда, всё в порядке, я пойду.

— Ты, черт подери, останешься на месте!

Хадсон сейчас серьезно относится ко всему этому дерзуму? Он думает, что может говорить мне, что делать? Я хлопаю рукой по столешнице с острыми краями.

— Кем, черт возьми, ты себя возомнил? — кричу я. — Что заставило тебя думать, будто ты можешь приказывать мне, что делать? Я в силах сама о себе позаботиться.

Хадсон делает шаг ко мне навстречу, поднимая вверх руки.

— Мисси...

— Нет, нет, нет, — бросаю я и трясу головой. — Ты не можешь говорить мне, что делать только потому, что мы знали друг друга много лет назад. Не вправе указывать, что делать только потому что мы однажды трахнулись, и ты чувствуешь себя виноватым из-за этого. То, что ты использовал моё тело, не значит, что я тебе принадлежу. Я принимаю свои собственные решения и никогда никому не позволю указывать мне, что делать.

Я понимаю, что у меня истерика. Мой голос похож на визг, но прямо сейчас я не могу полностью себя контролировать, чтобы скрыть свои чувства. Всё выходит наружу, прямо здесь и сейчас.

— Это больше никогда не повторяться, Хадсон, ты слышишь меня? Я сама устанавливаю правила. Никто не говорит мне, что делать. Никто!

Я тяжело дышу, моё сердце бьется о ребра. Хадсон всё ещё стоит напротив, не сводя с меня взгляда, его лицо лишено каких-либо красок. Слишком много, я слишком много сказала ему. Можно сказать, что я шокировала его, может быть даже я противна ему. Он, должно быть, думает, что я сумасшедшая или, может быть, просто конченая сучка. Я точно не дала ему оснований считать, что являюсь кем-то ещё, девушкой, чья жизнь напоминают одну сплошную драму. Самое лучшее, что я могу сделать — это уйти. Сначала из комнаты, затем из его жизни. Мои плечи опускаются.

— Я ухожу. Я не хочу с тобой бороться, я не хочу разрушать твою жизнь или портить её. Давай просто обо всём забудем. Давай мы вспомним, какими являлись, когда были детьми. Я собираюсь уйти в ближайшее время, и это не те воспоминания, которые я хочу, чтобы остались у тебя обо мне, не о такой мне, какая я сейчас, а о счастливой девушке, которой я когда-то была.

Я подавляю слезы и поворачиваюсь, чтобы уйти. Когда я прохожу мимо Хадсона, он хватает меня за руку и притягивает к себе. Я чувствую, как напрягаются и сокращаются его мышцы. Мою руку покалывает в том месте, где её держит его ладонь. Я боюсь смотреть на него, потому что знаю, что всё, что я увижу — это гнев и боль, но, когда я, наконец, поднимаю голову, всё, что я вижу в глазах Хадсона — это тоска. Я думаю, что это пугает меня больше, чем напугал бы гнев.

— Пожалуйста, — он так тихо шепчет, что я не уверена, произносит ли он хоть что-то на самом деле. — Пожалуйста, не уходи.

Я киваю, сжимая губы вместе, делаю всё возможное, чтобы не полились слезы. Я мягко высвобождаюсь, оттягивая его пальцы, на мгновения задерживая их на своей коже прежде, чем Хадсон позволяет мне уйти.

И, в конце концов, когда я поднимаюсь по лестнице, то все еще чувствую голод, но теперь я и эмоционально пуста, и продолжаю чувствовать электрическое покалывание в том месте, где рука Хадсона касалась моей кожи.

ГЛАВА 30

Флинт

Я стою перед зеркалом в ванной, протирая свои синяки на ребрах кремом с экстрактом арники, когда слышу, как Хадсон позади меня простирает горло.

– Тебе что-то нужно? – я всё ещё немного зол на него после того, как он сбежал, и я позволяю ему услышать это в моем голосе.

Я возвращаюсь к нанесению крема на мои ноющие мышцы. Когда Хадсон ничего не говорит, я заглядываю в зеркало и вижу его лицо, лишенное каких-либо красок и покрытое следами беспокойства.

– Мисси хочет уйти, – наконец, говорит он.

Я бросаю тюбик с кремом и смотрю на него.

– Что ты ей сказал?

– Я? Ничего, я ничего ей не говорил. На самом деле, я сказал ей никуда не уходить, и она согласилась остаться. Я думаю.

– Ты полагаешь...

– Послушай, Флинт, тебе нужно поговорить с ней. Ты с этим лучше справляешься. Выясни, что с ней происходит. Она почти сравняла меня с землей этим вечером на кухне. Обвинила меня в том, что я решил, будто могу указывать ей, потому что мы один раз трахались. Никогда не думал, что в такой маленькой девушке может быть столько злости... или страха. И она действительно напугана. Ты должен выяснить, что происходит. Узнай, как мы можем ей помочь.

Хадсон трет голову над бровью и прислоняется к дверному косяку. Я прохожу мимо него и иду к своей кровати, поднимая рубашку, брошенную на край, и натягиваю на плечи. Хадсон всё ещё стоит в дверях, когда я поворачиваюсь обратно.

– Она, вероятно, тоже мне ничего не скажет. Я стоял рядом с ней во время боя, но она не захотела мне ничего говорить.

– Мне нужно, чтобы ты попытался.

– Да, хорошо. Я попробую. Хотя, она держит всё внутри себя.

– Она позволила некоторым чувствам вырваться. Мисси пыталась сбежать от меня на кухне. Я знаю, что выглядел разозленным, но я просто очень сильно волновался. Она выглядела так, будто была готова умчаться, если бы я подошел к ней.

Хадсон подходит к моей кровати и садится на край, ноги расставлены, локти упираются в колени.

Я поднимаю бровь.

– Что-то ешё?

– Да... – начинает он и замолкает.

Клянусь, он выглядит немного смущенным, и это не похоже на моего старшего брата.

– Какого хрена, чувак. Что ты ешё сделал? Выкладывай.

Хадсон простирает горло.

– Ну, я встретил эту девушку...

– Ещё одну? Где, черт возьми, ты находишь время? У нас заканчиваются комнаты, Хадсон.

Он фыркает.

– Нет, это не то. Я никогда не встречал её в реальности. Мы начали переписываться в онлайн чате.

Я думаю, мои брови никогда ешё так сильно не поднимались. Я ухмыляюсь, потому что брат начинает краснеть. Хадсон пару лет не прикасался к компьютеру ради знакомств. Каждый день девушки ждали его у раздевалки. Сейчас моя ухмылка выглядит неуместной. Есть причина, по которой мой брат изменился, и я чувствую себя дерзковато, что заставил его чувствовать смущение.

– Итак, ты рискнул, верно?

Он бросает на меня разраженный взгляд.

– Типа того. Она... она особенная для меня. Она стала тем, с кем я разговаривал, когда мне это было действительно нужно.

И сейчас я чувствую себя ешё хуже из-за того, что Хадсону нужно было обратиться к незнакомому человеку, чтобы поговорить, пока я находился здесь всё это время.

– Как давно ты её знаешь?

– После того, как прекратил играть. У неё какие-то проблемы. Я не знаю, какие именно, но, если я смогу узнать, то хочу что-нибудь сделать, чтобы помочь ей.

– У нас здесь дом для заблудших девушки?

– Как будто это не ты умолял меня привести сюда Мисси?

– Мисси – наша сестра, мать твою.

Он на минуту замолчал. Я думаю, потому что ему нечего больше сказать. Затем Хадсон наклоняется вперед.

— Я действительно беспокоюсь об этой девушке, Флинт. Я знаю это звучит, как полный бред. Я знаю, что это совсем не похоже на меня — искать незнакомок по интернету, но эта девушка...

Мгновение я смотрю на своего брата, смотрящего в пол. Он выглядит побежденным, или это не то слово. Он выглядит так, словно судьба всего мира зависит от него, будто на его плечи лег груз ответственности и проблем не только его собственных, но и кого-то другого. Не нужно, чтобы его обременял кто-то еще. Не сейчас.

Но я понимаю, что в этот раз происходит. Хадсон не пришел бы ко мне, если бы ему не нужна была моя помощь, и он бы не просил моей помощи, если бы эта девушка не была особенной для него.

— Ты влюблена в неё? — тихо я спрашиваю его.

Он сглатывает и смотрит на меня. На мгновение я чувствую, будто смотрю на моего брата такого, каким он был десять лет назад. Он кивает и этим всё сказано. Затем он отталкивается от кровати и идет к двери.

— Это чертовски бессмысленно, я имею в виду, любить её. Я знаю, что из этого ничего не выйдет, но я хочу, чтобы она была в безопасности. Всё, что я могу предложить — это деньги и то, что можно купить за деньги — безопасность. Сделай это. Купи безопасность. Для Рейвен, для девушки из чата, и для Мисси. Чего бы это ни стоило.

Я киваю и смотрю, как он уходит, слыша стук закрывающейся двери в его спальню. Я иду в комнату Мисси тихо стучусь в дверь. Когда она никак не реагирует, я медленно открываю дверь и оглядываюсь.

Темно. Лампы выключены и балконные двери закрыты. Я вожусь, чтобы включить свет. Включив лампу, я вижу, что Мисси нет. Я осматриваю комнату, все её вещи исчезли: телефон и ноутбук, нет и обуви рядом с кроватью. Шагаю к шкафу и открываю дверцу. Несколько вещей, что висели на плечиках, исчезли. Её потрепанный рюкзак тоже пропал. Черт возьми. Она ушла.

Я бросаюсь из её комнаты и мчусь вниз по лестнице, выбегая через парадную дверь, едва успев притормозить, чтобы не врезаться в Мисси. Она стоит на верхней ступеньке, стуча что-то в телефоне, её рюкзак перекинут через тонкое плечо.

— Мисси.

Она оборачивается.

— О, это ты. Я подумала, что это должно быть Хадсон.

— Ты разочарована?

Она просто отворачивается обратно. Вот мой ответ, наверное.

— Тебе не обязательно уходить.

Она начинает спускаться по ступенькам, как будто дистанция между нами укрепляет её решимость.

– Я не могу оставаться, Флинт.

Мне хочется спросить её почему, но пока слишком рано. Я знаю, как это должно быть неловко для неё. Я понимаю, что Хадсон иногда похож на большого сердитого медведя, и очень легко сложить о нем неверное впечатление, если ты не знаешь, что под всех этой напускной грубостью прячется золотое сердце. И, в конце концов, я принимаю решение быть с ней откровенным.

– Не уходи сегодня, Мисси. Там темно, и тебе некуда идти, чтобы быть в безопасности. Пожалуйста, вернись в дом. По крайней мере, составь хотя бы план.

Мисси пожимает плечами, как будто всё, что я ей сказал, прошло мимо неё, а затем разворачивается к дороге, взглянув в темную ночь. Она уже заказала такси? Спускаясь вниз, я рисую. За прошедший день я понял одну вещь о Мисси – невозможно предугадать, как она отреагирует на те или иные действия. Когда я обхватываю её рукой и притягиваю к себе, то готов к её сопротивлению. Когда я это делаю, обнимая её руками, я ожидаю, что она оттолкнет меня. Вместо этого Мисси утыкается лицом мне в грудь и вздыхает.

– Вернемся в дом. Давай поговорим, – предлагаю я мягко.

Я всё ещё не ожидаю, что она согласится. Может быть, это такой способ попрощаться. Когда она кивает головой и начинает подниматься по ступенькам, я чувствую облегчение. Но не Мисси. Она с трудом передвигает ноги, как будто на её плечах лежит непомерная ноша. Они похожи с Хадсоном, как две горошины из стручка. Позади нас подъездная дорога освещается светом фар и под колесами хрустит гравий. Желтое такси ждет пассажирку, которая передумала. Мисси разворачивается, её разрывает на части, теперь, когда средство для побега так близко. Я не собираюсь её терять, поэтому показываю, чтобы она заходила во внутрь, и сбегаю по ступенькам дать водителю чаевые за беспокойство.

Закончив, я присоединяюсь к Мисси в фойе.

– Давай пройдем в гостиную, – предлагаю я, закрывая за собой дверь, и веду её дальше по коридору. Я снимаю с Мисси рюкзак, бросаю на диван возле двери, и иду к бару на колесиках. – Будешь пить?

– Нет, спасибо.

Я киваю и наливаю себе двойной односолодовый виски двадцати однолетней выдержки в стеклянный стакан, делая большой глоток, прежде чем сесть на диван рядом с ней.

– Итак, хочешь сказать мне, куда ты планировала ехать? – спрашиваю я.

Я делаю ещё один глоток виски, позволяя ему обжечь моё горло, когда смотрю, как Мисси пытается придумать ответ, который, по её мнению, не разозлит меня или не

раскроет реального положения вещей. Я обратил внимание, как она по-разному относится ко мне и Хадсону. Он бесит её, его защитные инстинкты выглядят слишком властными. Сейчас она доверяет мне больше, хочет открыться мне больше, потому что я не давлю на неё, как он. Я протягиваю руку и хватаю Мисси за лодыжку, притягивая поближе к себе. Она сопротивляется лишь на секунду прежде, чем сдаться и подвернуть под себя ноги, прислонившись к моей руке. Я жду, пока она не заговорит первой.

— Я не хочу, чтобы Хадсон думал, что имеет право указывать мне, что делать, — начинает она. — Я была одна в течение очень долгого времени. Если он думает, что все будет идти так, как он хочет, если Хадсон стал подобным человеком, то я не останусь. Я достаточно получила такого отношения в приемных семьях после того, как вы, ребята, уехали.

— Это на самом деле не так, — говорю я, — Хадсон так не думает, поверь мне. Он один из самых щедрых людей, которых я когда-либо знал. Если ты что-то хочешь, просто скажи, и он сделает всё возможное, чтобы достать это, но он защитник и не умеет с кем-то нянчиться. Это то, что заставляло его сражаться за тебя, когда ты была маленькой. Поэтому он так долго защищал нас, когда все мы были детьми. Он не понимает, что ведёт себя слишком сурово, когда пытается помочь. Или, может быть, он не думает об этом, потому что видит всё под иным ракурсом. Я думаю, это то, что делало его отличным игроком в футболе. Он любит трудности и не знает, как жить по-другому.

Мисси фыркает.

— Он не любит меня, он едва взглянул на меня. Я ему противна. Он думает, что я грязная. Мерзкая шлюха, которая отправилась искать случайный трах в клубе, а в итоге переспала с собственным братом. Я не виню его, Флинт. Я знаю, как это выглядит со стороны.

Я снова прижимаю её к себе. Голос Мисси звучит натянуто, будто она собирается заплакать.

— Он так не думает, сладкая. Ты ошибаешься.

Она отодвигается и скользит по дивану к рюкзаку. Я вытягиваю руки по бокам, готовый бежать за ней, если вдруг Мисси соберется убежать, но она разворачивается и возвращается, держа папку. Открыв её, Мисси достает фотографию. Я замечаю, что её края изношены от того, как часто фото держали в руках. Я забираю ее у Мисси, это дубликат той фотографии, что есть у Хадсона наверху. Снимок, сделанный журналистом после того, как брат нашел Мисси. На нем Хадсон смотрит вниз на крошечную малышку, глаза в глаза, и я даже могу видеть, насколько они захвачены друг другом.

— Вот как он раньше смотрел на меня, Флинт, когда я была маленькой. Тогда я была уверена в его любви. Но такого больше не будет.

Я смотрю на неё, всё ещё склоненную надо мной. Крупные слезы прокладывают серебристые дорожки по её щекам, но она не издает ни звука.

Боже, она такая красивая.

Я поднимаю руки и кладу на её бедра, дергая на себя, обворачивая руки вокруг её такого крошечного тела, и упираюсь лицом Мисси в живот.

— Мне жаль, что ты так считаешь, но ты ошибаешься. Мы оба любим тебя, детка. Так всегда было и всегда будет.

Затем что-то внутри неё словно ломается, Мисси опускается на пол, прижимается ко мне и крепко обхватывает мои ноги прежде, чем уронить голову на мои колени. Я слышу, как ее тело сотрясает легкая икота. Она остается на месте, свернувшись около меня в клубок, когда я пропускаю свои пальцы сквозь её короткие шелковистые волосы. Мои джинсы промокают от слез, стекающих точно капли крови по щекам Мисси, но я даже не пытаюсь отодвинуть ее, поглаживая мягкие пряди и бормоча успокаивающую ерунду. Её горячее дыхание овеивает мои руки, и я чувствую, как короткие волоски встают дыбом, когда всё тело пронзаёт дрожь. Мисси сдвигает голову, и это небольшие скольжение сразу же отдаётся в моем члене. Похоть проходит через моё тело, заставляя плоть пробуждаться от того, насколько близко к эрекции находится Мисси. Я слегка сдвигаюсь, поэтому она не чувствует, что шевелится прямо под ней. Она такая красивая, такая желанная в своей уязвимости, но я не из тех парней, которые пользуются подобными ситуациями.

— Иди сюда, — говорю я.

Я поднимаю Мисси на руки и несу наверх, открывая дверь в её комнату ногой. Я сажусь на край кровати и обхватываю пальцами ее подбородок, заставляя Мисси посмотреть на меня.

— Ты всё ещё наша Мисси, слышишь.

Её глаза цвета глубокого моря полны слез, но она не позволяет им пролиться, моргая, пока капли не собираются на ресницах, делая их еще более темными, подчеркивая красоту ее глаз. Я вытираю щеки Мисси, а затем тянусь, чтобы стащить для неё одеяло.

— Забирайся под него.

Она поднимается и дергает одеяло.

— Теперь с тобой будет всё в порядке? — уточняю я.

Она кивает и глубже зарывается в подушки. Я вижу, как она пытается держать глаза открытыми.

— Я оставлю дверь чуть приоткрытой, — говорю я, выключая свет.

Я слышу, как она что-то бормочет, когда я выхожу, не закрывая дверь до конца, позволяя тонкой полоске света пробиваться в комнату, падая на край кровати Мисси. Я иду к себе и падаю лицом в подушки, не утруждая себя снятием обуви. Несколько минут спустя, я чувствую почти не ощутимое движение на другой стороне кровати, и это рассеивает туман у меня в голове. Приподнявшись, я вижу крошечную фигуру Мисси, выделяющуюся на фоне света из коридора. На ней ничего нет, кроме футболки, которая прикрывает только верхнюю часть бедер, Мисси ставит одно колено на край постели. Я

вздыхаю и отбрасываю одеяло, приглашая её. Когда она проскальзывает под него, я позволяю безмолвному стону сорваться с губ и сбрасываю свои ботинки прежде, чем извиваясь снять джинсы и стянуть рубашку, оставаясь лишь в одних боксерах. Я чувствую, как Мисси придвигается ко мне, и остаюсь неподвижным, позволяя ей устроиться поудобней.

Она скользит на середину матраса и подтягивает мою подушку. Я следую за ней. Вскоре, мы расположились на одной подушке, наши лбы прижаты друг к другу так же, как мы это делали в детстве. Мисси кладет свою ногу между моих, размешая тонкие пальцы на моей груди.

— Всё будет хорошо, — мягко говорю я, — всё будет хорошо.

Она медленно моргает, но не соглашается, а затем закрывает глаза. Я смотрю на Мисси, замечая, как ее дыхание становится глубже, и лишь после этого позволяю себе тоже погрузиться в сон.

ГЛАВА 31

Хадсон

Ривер зашел в чат

Я отправляю Рейвен сообщение, обновляя страницу снова и снова, чтобы сразу увидеть ответ или понять, что она онлайн. Потребность поговорить с ней грызет меня, заставляя меня нервничать и переживать. Я прокручиваю назад все наши сообщения, которыми мы обменивались, и принимаю решение. Я должен быть честным с ней. Я должен сказать ей, что чувствую. Я думаю, это единственный способ, чтобы она полностью открылась мне. Может быть, узнай она, что я чувствую на самом деле, она, наконец-то, встретится со мной.

Я нажимаю на значок сообщения и сижу, глядя на курсор, мигающий на пустой странице. Это мой шанс. Я начинаю писать.

Ривер: Привет, птичка. Я думаю, пришло время прояснить кое-что непростое между нами. За последние несколько месяцев ты стала единственным человеком, который действительно был рядом со мной всё время. Ты никогда не осуждала меня, даже когда узнала, чем я занимаюсь. Ты никогда не называла меня так, как это делали некоторые люди. Всегда была рядом, поддерживая словами, которые имели силу, чтобы заставить меня чувствовать себя лучше, независимо от того, насколько дерзкой была моя реальность. Я знаю, что это прозвучит бредово, но я должен признаться, что хотел, чтобы каждая женщина, которую я встречал в клубе, была тобой. Я фантазирую о том, как ты выглядишь, как пахнешь, каковы на вкус твои губы. Я не хотел, чтобы это произошло, но это случилось. Ты так много значишь для меня, маленькая птичка. Не думаю, что ты когда-либо сможешь хотя бы представить, насколько стала важна для меня. Я знаю, что у тебя какие-то проблемы, и просто хочу, чтобы ты знала, что я здесь, рядом, если понадоблюсь. Всё, что тебе нужно сделать, это позвонить, и я приеду за тобой. Я прослежу, чтобы с тобой всё было в порядке, пока смогу. Я люблю тебя, Рейвен.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки на минуту, прежде чем добавить свой номер телефона в нижней части сообщения. Наконец, я делаю глубокий вздох и нажимаю на кнопку отправить. Всё. Всё конечно. Теперь ничего нельзя вернуть назад. Всё, что я могу сделать сейчас, это дождаться от неё ответа и надеяться, что не скажет идти мне к черту.

Я закрываю крышку ноутбука и бросаю его на кровать рядом с собой. Мне нужно сказать Флинту, что я только что сделал. Он должен это знать, если ему придется вмешаться и помочь с Рейвен. Я ненавижу делать из него защитника для всех. Это всегда было моей ролью, но сейчас у меня нет выбора. Всё может очень быстро измениться, и мне нужно, чтобы он знал, что ему необходимо сделать для Мисси и Рейвен.

Я иду в его комнату, дверь слегка приоткрыта. Внутри тихо, поэтому я толкаю дверь, чтобы немного приоткрыть и посмотреть спит ли он уже или нет. Свет из коридора падает на кровать, и я вижу две фигуры, расположенные под одеялами, одна намного

меньше другой. Золотистые волосы рассыпаны по подушке, явно указывая на то, что это Мисси.

Меня пронзает боль в самое сердце. Она пошла к Флинту, хотя моя комната ближе к её. Если она чего-то испугалась, Мисси должна была прийти ко мне. Когда мы были детьми, она всегда хотела, чтобы её страхи были рассеяны. Она обхватывала меня своей меленькой ручкой и прижималась ко мне, её волосы пахли солнцем. А теперь она здесь, в постели Флинта, лежит, прижавшись к его руке, её лоб напротив его.

Ей нужен комфорт или что-то большее? Я не чувствую запаха секса в комнате, но это не означает, что его не было. Мисси прижимается к Флинту, её плечо поднимается и опускается в такт дыхания, и я не понимаю, что чувствую по этому поводу. Ревность? Да, потому что она пришла к Флинту, а не ко мне. Обеспокоен тем, что Флинт совершил ту же ошибку, что и я? Возможно. Но не ревность от того, что они могли трахаться. Я люблю Мисси и люблю Флинта. Если бы они захотели быть вместе, это было бы неплохо. По крайней мере, я бы знал, что с ней всё в порядке, и у него кто-то есть, чтобы быть рядом.

Это не похоже на те времена, когда я делился девушками с Флинтом, тогда мы были моложе и глупее, а девушки более сумасшедшими. Тогда было слишком много выпивки, чтобы мы заботились даже о том, где находимся и с кем были.

Я подхожу к краю кровати. Эта девушка словно сошла с неба, она похожа на ангела со своими светлыми волосами, а её стройная рука сжимает белые простыни. Она выгладит такой умиротворенной, какой я её ещё не видел с тех пор, как Мисси снова вошла в мою жизнь. Я хочу устроиться позади неё, обернуть руки вокруг неё и проверить, так же ли её волосы пахнут солнцем. Я думаю, что, наконец-то, смог бы заснуть, если бы она оказалась в кольце моих рук.

Флинт начинает двигаться, и Мисси бормочет что-то, ворочаясь и натягивая на себя одеяло. Когда я поднимаю взгляд на Флинта, он потирает глаза от сна, кидая на меня вопросительный взгляд, прежде чем повернуться, чтобы проверить Мисси.

По одному этому движению я вижу правду. У него есть чувства к ней. Нечто большее, чем братская привязанность. Я не знаю, почему я не видел этого раньше. Я делаю один шаг назад, затем ещё один, мой взгляд мечется между ними. Теперь я всё понимаю.

Я собираюсь уйти, чтобы вернуться в свою одинокую спальню и провести ещё одну беспокойную ночь, когда Флинт приподнимается на локте и манит меня к ним. Он садится и тихонько скользит по кровати.

— Давай, заходи, — шепчет он мне хриплым ото сна голосом.

Он в боксерах, что заставляет меня сомневаться в моих подозрениях, что они занимались сексом.

Я в отрицании качаю головой. Я не могу залезть в постель к Мисси после того, как с ней обращался.

— Ты остаешься тут, а я ухожу. Она не хочет меня. Она ясно дала это понять, выбрав тебя.

Флинт останавливает меня, положив руку на плечо, подталкивая меня к кровати, к теплу тела Мисси. Сейчас она свернулась на боку, рука откинута на хрустящие простыни. Я сглатываю комок, образовавшийся у меня в горле. Тонкая струйка пота бежит по лбу. Я отталкиваю руку Флинта и ухожу из комнаты. Оглядываясь назад через плечо, я вижу, как он сидит на краю кровати, упираясь локтями в колени и спрятав лицо в ладонях, его плечи опущены, выражая полное поражение.

Боль снова стучит в висках. Я возвращаюсь в свою комнату, потирая глаза. Я повторяю позу Флинта на моей кровати, сгорбив плечи и упервшись головой в руку. Я хочу, чтобы Мисси была в моей постели. Не дляекса. Не в этот раз. Я хочу, чтобы она доверяла мне и пришла, чтобы чувствовать себя в безопасности так же, как она это сделала с Флинтом. Хочу чувствовать, как её прохладные пальцы гладят меня по лбу, успокаивая боль. Желаю, чтобы изгибы её тела повторяли мои, и я засыпал, слушая тихий шелест её дыхания. Я ложусь, стягивая одеяла, и протягиваю рук к пустому пространству рядом со мной. Когда мы были детьми, я спал намного спокойнее, если Мисси была рядом со мной, и поэтому я понимаю, почему я чувствую, что она может быть моей гаванью и спасением. Я вглядываюсь в темноту, нуждаясь, чтобы она поглотила меня.

ГЛАВА 32

Мисси

Мне слишком тепло, почти некомфортно. Жар, что пронизывает тело, будит меня. Я чувствую слабость и с трудом открываю глаза. Моя голова ватная, словно вчера я выпила слишком много вина. Что-то тяжелое прижимает меня к матрасу. Рука, горячая и массивная, перекинута через мою талию. Когда я сдвигаясь и пытаюсь оттолкнуть её, она лишь плотнее сжимается вокруг меня и прижимает ближе, вдавливая в изгиб мужского тела, лежащего позади. Я замираю, когда член упирается мне в зад. Очень большой, утренний твердый стояк. И тогда я вспоминаю о Флинте.

Я пришла к нему вчера ночью в поисках компании. Я чувствовала себя одинокой и просто хотела недолго побывать с кем-нибудь рядом. Я не хотела засыпать, но ощущала себя в безопасности, которую не испытывала очень долгое время. Я расслабилась и наслаждалась чувством, как будто снова стала маленькой девочкой, прижавшейся к боку своего старшего брата. Я пытаюсь вывернуться, но Флинт опять тянет меня обратно к теплу своего тела, толкаясь толстым членом к моей расщелине. Я чувствую пульсацию глубоко в себе, жар разливается внутри меня, увлажняя плоть между ног. Моё тело и разум противоречат друг другу. Мой мозг прибегает к логике, говоря мне, что нужно уходить, но тело хочет раствориться во Флинте, всё отпустить и посмотреть, к чему это приведет.

Я должна выбраться из кровати и сделать это так, чтобы не разбудить Флинта. Я не хочу, чтобы он проснулся и почувствовал себя как Хадсон. Я не хочу, чтобы это произошло с Флинтом. Это не только было бы неудобно, но и я не хочу рисковать повторением эмоционального сумятицы последних нескольких дней. Флинт – единственный человек, с кем я ощущаю себя действительно в безопасности, и я не могу заставить и его тоже сердиться на меня. Я пытаюсь развернуться, но Флинт снова тянет меня к себе. Он подтягивает меня ближе, моё лицо зарывается ему в шею, моё тело идеально вписывается в его.

Я больше не сопротивляюсь притяжению и позволяю себе раствориться в нем. Я остаюсь там, где и была, позволяя себе наслаждаться ощущением безопасности. Я прижимаюсь ближе, скользжу между нами ногой, позволяя жару распространяться по нашим телам. Моя кожа потрескивает, искры летят между нами. Это ощущается так правильно. Как будто я достигла своего дома.

Чем дольше я остаюсь в руках Флинта, тем больше эмоций проносится сквозь меня, и с этими чувствами приходят слезы. Я не могу не думать о моей жизни, когда Флинта и Хадсона не было рядом, чтобы приглядывать за мной. Мне было всего шесть лет, когда нас разлучили, и меня кидали по разным домам и семьям. Иногда хорошим, иногда плохим, а иногда ужасным. Приемные семьи, не всегда проживали в лучших районах города, особенно для такого ребенка, как я, которой приходилось много двигаться. Я ходила в очень плохие школы, школы с металлическими детекторами и вооруженными офицерами у дверей, и я никогда не была уверена, защищали они нас от того, что было внутри школы или снаружи. Дорога домой была ещё хуже, без скучной защиты школьных охранников, дающей детям иллюзию безопасности. Улицы были

грязными, группы детей постарше, прячущиеся по углам, запугивали тех ребят, кто проходил мимо, и солнечный свет отражался на кончиках игл, разбросанных в переулках.

Я быстро моргаю, пытаясь сдержать слезы, готовые пролиться из моих глаз, когда думаю о том, что происходило после школы. Но соленые ручейки скользят по щекам, и я ничего не могу сделать, чтобы их сейчас остановить, потому что чувствую себя в безопасности, здесь, в объятьях Флинта. Как будто, находясь вне опасности, весь страх из прошлого хочет найти выход и вырваться наружу. Я не могу остановить рыдания, которые разрывают меня, и я знаю, что Флинт уже проснулся, потому что чуть сдвинулся и замер, прежде чем притянуть меня к себе, обвив обеими руками, одной удерживая мою голову в мягком захвате. Я ослабляю свою защиту и прячу свои горькие слезы на его голой груди, на каждый мой болезненный всхлип Флинт гладит меня по спине. Он обнимает меня, просто позволяя мне плакать, облегчая мою боль своим присутствием.

— Всё хорошо, — мягко приговаривает он, — Отпусти всё, детка. Я здесь.

Один только звук его голоса и сладость его слов замедляют мои слёзы. Я осторожно отодвигаюсь и смотрю на Флинта, очень остро осознавая, насколько близко мы друг к другу прижаты.

— Прости, — шепчу я, чувствуя себя такой идиоткой за то, что обременяю его своим эмоциональным дерзом. — Мне лучше уйти. Тебе всё это не нужно.

— Здесь не за что извиняться, Мисси, — мягко говорит он. — Тебе не нужно никуда уходить. Оставайся столько, сколько нужно.

Он проводит пальцами по моим щекам, вытирая влажные следы, задерживая свой взгляд на мне.

Я слегка чихаю и смущаюсь.

— Я должно быть ужасно выгляжу.

— Ты прекрасно выглядишь, — он оставляет легкий поцелуй у меня на лбу, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. — Ты всегда прекрасно выглядишь.

Следующий поцелуй останавливается на моей щеке, и на этот раз его губы задерживаются. Слегка отодвинулись, Флинт простирает горло. Мягкое выражение его лица внезапно выражает дискомфорт, его взгляд сосредоточен на какой-то точке за моим плечом, и я знаю, почему. Я чувствую, как длина его члена упирается мне в живот. Он возбудился, и эта мысль взрывает меня изнутри, покалывая каждый дюйм моего тела. Я знаю, что он чувствует, как мои соски превратились в твердые камешки напротив его груди. Я знаю, что он может видеть румянец, заливающий моё лицо. Я притягиваю Флинта ещё ближе к себе, моё дыхание овеивает его грудь.

— Мисси... — начинает он, как будто хочет предупредить меня. Я знаю, что, если позволю ему продолжить, Флинт скажет мне, что я должна вернуться к себе в комнату, но я не хочу.

— Тссс, всё в порядке, — перебиваю я его, потому что это действительно так.

Я не знаю почему. Я не могу найти в своих словах никакого здравого смысла. Флинт – мой сводный брат. Мы выросли, играя в глупые игры и болтая о супергероях. Он защищал меня и заботился обо мне так, как никто никогда, не считая его брата. Я не должна чувствовать себя правильно, чувствовать его эрекцию напротив меня и понимать, что я тоже хочу его. Это должно меня пугать. Мне должно быть противно, но это Флинт. Я однажды любила его, и я всё ещё люблю его. Это не совсем укладываясь в стандартные рамки любовь. Это не то, чему вы можете дать определение и положить в удобную коробку. Беспорядочная, сложная и запутанная.

Он в моём сердце и в моем разуме. Единственное место, где он не был – это мое тело.

– Я не Хадсон, – шепчет он мне в волосы, но не двигается, чтобы выпустить меня из своих рук.

– Я знаю, – отвечаю я и поднимаю руку, чтобы провести большим пальцем по его нижней губе, наблюдая, как глаза Флинта больше не выражают замешательство, они горят возбуждением. – Я знаю, кто ты.

Проходят секунды, наши эмоции плещутся между нами, словно бурные волны, бьющиеся о берег. Мы не сладкие герой и героиня из любовных романов. Всё не так просто между нами, но это ощущается так *правильно*.

Нет ни единого шанса, что Флинт сделает первый шаг. Я знаю кое-что о нем. Может быть, он и боец, но он глубоко порядочный человек, и мои чувства будут его главной заботой. Он отбросил бы свои собственные потребности и чувства ко мне в одно мгновение. Если что-то и произойдет между нами, то, чего так хотят мой разум и тело, первый шаг нужно делать мне.

Может быть, Флинт в состоянии противостоять притяжению между нами, но я не могу. Там, где он силен, я – слаба.

Его глаза горят, когда я прижимаюсь ещё ближе, прикасаясь своими губами к его так легко, словно мы просто дышим друг другом. Когда Флинт не отодвигается, я позволяю себе приласкать его нижнюю губу, кусая припухлость, прежде чем мой язык проскальзывает ему в рот. Флинт стонет, позволяя мне себя исследовать, не торопя и прося ничего большего, чем я хочу отдать. Я вдыхаю его аромат, пряный и теплый, наслаждаюсь его телом крепким и твердым в противовес моему нежному и мягкому. Я позволяю своему рту блуждать по его, вдыхая воздух, которым Флинт дышит, углубляя наш поцелуй, даже не осознавая, что это я издаю эти мягкие звуки прямо в его губы.

Когда я прижимаюсь к Флинту и обхватываю за шею, он сдается, стонет мне в рот и перекатывает меня на спину.

– Ты уверена? – уточняет он, нависая надо мной в полной темноте, впиваясь в меня совершенно диким взглядом, в котором все равно сквозит забота.

Он думает, что может навредить мне. Считает, что я не в том положении, чтобы решать, чего хочу. Флинт не понимает, что всё, что я пережила в своей жизни, заставляет

меня чувствовать уверенность в том, что это правильно. Когда в вашей жизни происходит что-то поистине ужасное, это помогает понять, когда всё идет хорошо и по-настоящему.

Я киваю, но Флинт продолжает смотреть на меня, разглядывая выражение моего лица, как будто это поможет ему прочесть меня и увидеть притворство.

– Я хочу тебя, – говорю ему, – больше, чем ты можешь себе вообразить.

Он трясет головой.

– Ты думаешь, я не понимаю? Думаешь, что я не чувствую того, что чувствуешь ты?

– Зачем ты тогда спрашиваешь?

– Потому что это ты и я, Мисси. Мы больше не дети. И мы не единоутробные брат и сестра, но у нас есть общее прошлое, которое связывает так, что должно заставлять нас считать все происходящее неправильным. Я просто пытаюсь понять, почему это не так.

– Потому, – говорю я, поглаживая большими пальцами его высокие скулы, любуясь тем, как его глаза горят привязанностью. – Флинт.

Он, должно быть, услышал нужду в моем голосе, потому что его решимость, кажется, разбивается на осколки от одной этой мольбы. Когда он просовывает свое колено между моих ног, раздвигая их, жар разливается по моему телу, сжигая его. Я притягиваю Флинта ближе, обвернув свои ноги вокруг его талии, толкаясь бедрами, пока не чувствую, как хлопок его боксеров прижимается к моей киске, а его член пульсирует напротив моей сердцевины. Я ощущаю, насколько он толстый через тонкий материал, и хочу почувствовать его кожу своей. Когда я опускаю руки вниз и прижимаюсь к поясу боксеров, Флинт откидывается назад, удерживая свой вес на руках, чтобы не раздавить меня.

– Ты уверена, что это то, чего ты хочешь? – переспрашивает он. – Мы можем остановиться... если ты этого желаешь. Ни за что на свете я бы не захотел, чтобы ты чувствовала себя вынужденной что-то делать.

– Я знаю, – отвечаю я, сдергивая его нижнее белье вниз, чтобы Флинт точно мог видеть, насколько сильно я его хочу. Я покачиваю бедрами, притягивая Флинта вперед, пока не чувствую, как его член вдавливается в мягкую кожу моего живота. – Я хочу тебя, Флинт.

Он стонет и прижимается к моей шее, вдыхая запах и посасывая такую восприимчивую к любому прикосновению кожу, лаская языком все чувствительные места, пока я не начинаю задыхаться.

Его кожа словно горит под кончиками моих пальцев, я чувствую ещё больше рубцов на его ребрах, чем ожидала, но эти небольшие недостатки только заводят меня. Так же, как и его прерывистое дыхание, когда я следую пальцами вниз по бедру Флинта и обхватываю его член рукой. Он такой толстый у основания, что мои пальцы не сходятся. Я отнимаю руку, и его бедра дергаются ей вслед.

– Твою мать, Мисси, – стонет он и слегка отодвигается.

Флинт садится между моих ног, следя за моим бурным дыханием своими потяжелевшим взглядом. Он тянется к подолу моей футболки и тянет её вверх, но я останавливаю его, прежде чем он достигнет моей груди.

– Ты можешь трогать меня, где угодно, но я её оставлю.

Тень набегает на его лицо, но Флинт кивает. Он проводит пальцами по моему животу, слегка царапая ногтями, заставляя тело подрагивать везде, где дотрагивается до меня. Его прикосновения скользят вверх и вниз по внутренней стороне моих бедер, кончики пальцев слегка гладят по мягким волоскам на лобке. Я прижимаю его руку сверху, но Флинт только тихо смеётся и продолжает своё медленное исследование. Вскоре его язык повторяет путь его пальцев, изучая моё тело, раздувая пламя на своем пути. Когда я задыхаюсь и приподнимаюсь к нему, раздвигая свои бедра шире, готовая умолять его, Флинт, наконец, уступает. Он опускает голову вниз и скользит языком между складками моей киски, и я не могу молчать.

Он обхватывает мои ноги руками и тянет ближе к себе, толкая свой жесткий язык вглубь меня, его нос зарылся в мой распухший клитор. После нескольких мягких толчков я близка к краю, но Флинт снова отступает.

– Ты такая вкусная, – бормочет он, покусывая моё бедро.

Я стону и смотрю на него, остро нуждаясь в том, чтобы он продолжил то, что начал. Флинт смотрит вверх поверх моих бедер, причудливо приподняв одну бровь, наклоняет голову, чтобы лизнуть мой клитор.

– Чего ты ждешь? – стону я.

Он усмехается и быстро садится на колени. Его член раздулся и покачивается в нагретом пространстве между нами, я вижу смазку на его кончике.

– Я жду, когда ты придешь в себя, – говорит он. – Потому что я уже не смогу остановиться.

– Ты думаешь, что я передумал? – спрашиваю я, поглаживая его руку. – Считаешь, что после того, как я увидела тебя настолько потрясающим, я смогу отказаться?

Флинт медленно прикрывает глаза, как будто мои слова слишком сильно по нему ударили. Он пододвигает меня вперед, положив мои ноги на его, пока мы не достигаем нужного положения, головка его члена уперлась в мою изнывающую киску. Я стону, потому что он не торопится, даже после всех моих заверений. Я выгибаюсь к Флинту, чувствуя, как он скользит в меня, и его член растягивает вход в мое лоно.

Он снова останавливается, смотря на меня сверху вниз, его ствол пульсирует прямо внутри меня. Он кладет свою ладонь на мой холмик и большим пальцем гладит мой трепещущий клитор.

– Такая красавица, – приговаривает он, и я больше не могу это терпеть.

— Пожалуйста, Флинт... не заставляй меня больше ждать.

Ещё одно скольжение по моему клитору — это всё, что нужно, чтобы довести меня до края. Ещё один плавный толчок — это всё, что ему нужно, чтобы я полностью распалась на части, и затем я кончаю и кончаю, тело полностью охвачено огнем, разум трепещет, веки сомкнуты так плотно, что вокруг одна чернота. Флинт не двигается, но я чувствую, как его член пульсирует внутри меня, когда моя киска сжимает его от удовольствия. Когда я, наконец, открываю глаза, Флинт пристально смотрит на меня, его красивые глаза горят темным огнем похоти.

— Это то, чего я так долго ждал, — признается он.

ГЛАВА 33

Хадсон

Я лежу на своей кровати, мягкие крики удовольствия Мисс проникают в мою открытую дверь из коридора. Может быть, пришло время научиться закрывать наши двери.

Я совсем не чувствую ревности от того, что они трахаются. Я ожидал, что это произойдет. Но мой член наливается от звуков, которые Мисси издает, и от воспоминаний, как она ощущалась вокруг меня. Моё воображение идет дальше, рисуя картинки того, как смотрелась бы Мисси с моим братом. Я хотел бы видеть её лицо, когда она кончает, захватить её губы в поцелуе, когда она возвращается обратно на землю, и быть тем, кто возьмет её снова. Для нас с Флинтом это не было бы чем-то новым, мы уже делали это раньше.

Но с Мисси всё было бы по-другому. В прошлые разы это было просто быстрыми грязными забавами.

Флинт сказал, что у нас общее прошлое, не родители. Я действительно в это верю? Это заставит меня чувствовать себя иначе? Это так противоречиво.

Я сжимаю кулак и бью им себя по лбу. Я хочу Мисси или я хочу Рейвен?

Мисси – моя сестра. Но думаю ли я всё ещё о ней, как о своей сестре?

Ласкающие стоны Мисси становятся всё громче. Черт возьми, я никогда не осознавал насколько хорошая акустика у нас дома. Мой член снова приходит в движение, и я дотрагиваюсь до головки, сжимая ее. Это расстраивает больше, чем что-либо.

Я делаю резкий глоток воздуха и хватаю телефон с тумбочки. Я захожу на форум, где находил всех тех женщин, листаю его. Я проверяю сообщения. Их почти сто, и все от девушек, желающих и готовых предложить анонимность. Они хотят получить новый сексуальный опыт с незнакомцем и не хотят видеть моё лицо. Женщины, которые просто желают вырваться из реального мира на мгновение, а затем уйти без слов, насытившись.

Я бросаю свой телефон, не отвечая ни на одно из сообщений. Это не то, что я сейчас хочу. Одной ночи с Мисси было достаточно, чтобы показать мне, как сильно я скучаю по настоящей близости с женщиной. Неважно, как сильно я из-за этого разрываюсь на части, я её так сильно хочу.

Я иду вниз по коридору, останавливаясь прямо рядом с дверью Флинта. Мой член выпирает, жесткий и пульсирующий. Я стою здесь, слыша, как она умоляет. Я знаю, что если зайду в комнату, то Флинт освободит мне место и пригласит присоединиться к ним. Но Мисси? Одно дела спать со мной и Флинтом по отдельности, но не вместе. Может, это будет лучше, если она останется с Флинтом. Он будет рядом, чтобы позаботиться о ней.

Мне нужно признаться самому себе, что я сейчас живу только одними воспоминаниями.

Это всё, что у меня есть.

ГЛАВА 34

Флинт

Я прыгаю через мяч у моих ног вперед и назад, глубоко вдыхая через нос и выдыхая с шумом через рот. Я разминаю шею из стороны в сторону, пытаясь ослабить напряжение в плечах. Я не могу использовать энергию, что перекатывается по моим мышцам, в полной мере. Сегодня ночью у меня бой.

Рэд подходит, чтобы проверить лейкопластирь на моих синяках, которые всё ещё красуются на ребрах, имеющих теперь желтый токсичный оттенок. Кожа ещё чувствительна, и я ощущаю боль, но как только я окажусь на ринге, адреналин, струящийся по моим венам, притупит любой дискомфорт. Рэд слегка хлопает меня по плечу.

– Черт, ты успокоишься? Тебе нужно успокоительное?

Я скидываю его руку и сосредотачиваюсь на дыхании.

– Я спокоен, спокоен. Ты видишь там Мисси?

Я смотрю в толпу и, наконец, замечаю Хадсона, стоящего на дальней стороне ринга. Я знаю, что Мисси должна быть рядом с ним, но я могу рассмотреть её голову среди окружающей толпы. Она хотела прийти на мой бой сегодня, и я не желал, чтобы она оставалась в толпе одна.

– Не волнуйся, Хадсон рядом с ней, – Рэд кивает в сторону, где стоят Мисси с моим братом. – С ней здесь ничего не случится. Сосредоточься на бое. Мы с Хадсоном присмотрим за ней.

Я знаю, что он прав, но продолжаю просматривать толпу. Кто-то её сильно напугал в прошлый раз, когда мы пришли на бой. Подобные места обычно привлекают определенные опасные элементы. Мне интересно, это был кто-то из её прошлого или тот человек, что устроил погром в её квартире. Рэд видит, что мой разум блуждает где-то далеко от предстоящего боя.

– Эй, – выплевывает он, – прекращай. Ты должен быть сегодня максимально сосредоточенным, парень. Конг не шутит. Это его первый матч против тебя, и тебе лучше поверить, что он в отличной форме. Очнись.

Я киваю и возвращаюсь к толпе. Хадсон с Мисси. Он не позволит чему-либо случиться с ней. Он взял на себя роль защитника на другом уровне, и сегодня я рад его одержимости. Я не знаю, в курсе ли Хадсон или нет на счет того, что произошло между мной и Мисси. Я ему ничего не говорил, но это не значит, что он нас не слышал. Атмосфера во время завтрака была напряженной. Особенно, когда я попросил его привести её на мой бой сегодня. Я знаю, что брат многое тащит на своих плечах, и я могу помочь ему со всем справится, ему только нужно научиться делиться со мной.

Оглушительная музыка и рев толпы отвлекают меня от мыслей. Я постукиваю своими кулаками друг о друга и снова подпрыгиваю на месте. Пора сосредоточиться.

Пришло время зарабатывать деньги. Время побеждать. И я выиграю. Потому что я всегда это делаю. Я прогуливаюсь вдоль ограждения ринга, натыкаясь на руки парочки молодых поклонников из-за барьера. Я чувствую, как мои ноздри раздуваются, и между губ вырывается рычание. Это моя маска для ринга, мое выражение лица для боя, мое пришлось-время-сволочь лицо. Мои противники обычно принимают это угрожающее выражение на свой счет, но я не имею ничего личного против них. Ну, кроме одного парня из Рено два года назад. Я его на дух не переносил. Он заслужил свое поражение, но это моя работа, работа, которая мне нравится и в которой я чертовски хорош. На самом деле, я лучший.

К тому моменту, когда я обошел ринг, шум толпы достигает оглушительного уровня, и я чувствую напряжение в мышцах. Всё мое внимание сосредотачивается на дальнем конце ринга, на исполинском мужчине, стоящем на другой стороне. Я запрыгиваю на одну из сторон ринга, словно пантера, разделяя веревки, и заползаю в свой угол. Рэд находится прямо позади меня, разминая мои плечи, говоря нескончаемый поток поддерживающих слов прямо в ухо. Я смотрю через ринг на Конга, а он на меня. Он кажется удивленным, когда я смеюсь и улыбаюсь ему. Это будет очень весело.

Диктор находится в центре ринга, озвучивая правила и разогревая толпу, прежде чем, наконец, представить нас. Рэд надевает мне защиту на зубы и ободряюще ударяет меня до того, как ведущий выкрикивает мое имя, и я делаю шаг вперед под громкие крики и аплодисменты. Однажды, кто-нибудь меня победит. Но не сегодня.

Толпа ревет громче, когда я поднимаю кулак вверх.

Это мои люди, и сегодня я – их герой.

Мой противник и я ударяемся перчатками и приседаем в легкой защите, кружка вокруг друг друга, как сторожевые собаки. Я делаю обманный маневр с одной стороны, и когда он заходит с той стороны, я опускаю плечо и бью его по ребрам, нанося два быстрых удара, прежде чем сбить его головой и прижать к полу. Его рука наносит жгучий удар в ухо, пока судья не разнимает нас. Я стираю струйку пота и снова ему улыбаюсь.

Мое поведение бесит Конга, и он бросается на меня, широко распахнув руки, пытаясь поймать меня в захват. Я делаю одиночный сильный удар прямо ему в лицо и чувствую, как кости его носа издают хруст под моим кулаком. Он отшатывается назад и хватается за лицо, кровь просачивается между его пальцев. Я думаю, что он сдастся, но Конг возвращается на ринг и прыгает, с разворота зарядив пяткой прямо мне в висок. Дерьмо. Мир начинает мутнеть по краям, и я чувствую, как мои колени ослабевают. Теплая струйка стекает по моей щеке. Внезапно, мне кажется, что я слышу голос Мисси сквозь беснующуюся толпу.

Я трясу головой, чтобы прочистить сознание, и возвращаюсь к Конгу. Он не может поверить, что я еще стою. После удара такой силы, я не должен. Кровь капает ему на грудь и падает на пол. Он большой парень, и напряжение заставляет его тяжело дышать, чтобы перевести дыхание. Я притворяюсь, что бросаюсь на него, и он спотыкается, теряя опору и сваливаясь, как срубленное дерево. Я уже рядом с ним, прежде чем он ударяется о маты, бью ему в лицо сжатыми кулаками, чувствуя, как плоть прогибается под моим

ударом. Мне требуется минута, чтобы понять, что рефери кричит мне в ухо, дергая меня за руку, чтобы стащить с противника. Я смотрю вверх, бледный от усталости и покрытый потом. Он двигается к моему противнику. Конг вырубился. Я выиграл.

Я пошатываюсь, когда судья хватает мою перчатку и поднимает высоко над головой, диктор выкрикивает моё имя в громкоговоритель. Моё зрение всё ещё размыто, и я вздрагиваю, когда чувствую, что кто-то вытирает мой лоб полотенцем, я расслабляюсь, когда понимаю, что это всего лишь Рэд. Полотенце, которое он убирает от моей головы, стало багровым. Именно тогда в мой затуманенный мозг врываются крики. Мисси. И это не приветственные крики. Она снова напугана. Дерьмо. Я оглядываюсь вокруг, пытаясь прочистить своё зрение. Её кто-то преследует.

– Мисси, отведи меня к ней, – кричу я Рэду сквозь шум толпы.

Я шатаюсь в дальнем углу ринга, одной рукой обхватив Рэда, и проталкиваюсь между веревками.

Хадсон присел на стуле, его лицо похоже на маску боли, руки сжимают виски, глаза крепко зажмурены. Мисси удерживает его за руку, используя весь свой небольшой вес, чтобы он не упал. Я проталкиваюсь к ним и хватаю Хадсона за другую руку, ловя его, чтобы он не опрокинулся. Я никогда не видел такой боли на его лице как сейчас. Он никогда так плохо не выглядел.

– Что случилось, чувак? Ты можешь идти?

Он кивает головой и из его горла вырывается низкий стон, полный боли, ноги под ним подгибаются.

– Нам нужно вернуться домой, – быстро проговариваю я. – Вы с Рэдом подгоните машину, мы будем ждать вас на выходе.

Мисси кивает, и Рэд хватает её за руку и ведет через толпу к заднему выходу. Я подхватываю Хадсона и разворачиваюсь с ним в том же направлении, прикрикивая на людей, чтобы они ушли с дороги. Диктор всё ещё на ринге, освещая основные моменты боя и замечания судей, но я игнорирую всё это и ташу на себе Хадсона к выходу. Его ноги еле волочатся, и мне требуются все мои силы, чтобы дотащить его до выхода.

– Давай, мужик, идем, мы вместе доберемся, и ты скоро окажешься в своей постели. Ещё несколько футов, Хадсон, поднимай ноги, чувак, – бормочу я ободряющие слова, вытаскиваю брата через дверь и выхожу на стоянку.

Снаружи стелется серый туман, видный в свете фонарей, я дрожу и понимаю, что весь покрыт потом и кровью, а на мне всё ещё бойцовские шорты. Даже нет обуви на ногах, но я игнорирую холод, пронизывающий мои босые ступни, и сосредотачиваюсь на том, чтобы удержать Хадсона в вертикальном положении, с облегчением вздыхая, когда фары внедорожника прорезают туман и останавливается перед нами.

Мисси выскакивает и открывает заднюю дверь, на её лице написано беспокойство. Я вижу, как морщинки на её лбу становятся глубже, когда низкий протяжный стон слетает с губ Хадсона. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Это плохо. Охренеть, как плохо. Я никогда не

слышал таких звуков от моего брата. Я засовываю его на заднее сиденье, Рэд уже на противоположной стороне авто у открытой задней двери. Он хватает Хадсона под руки и тянет его через кожаное сиденье, когда я пропихиваю его ноги. Мисси возвращается на переднее сиденье, поворачивается и смотрит на заднее сиденье, пока Рэд и я пристегиваем Хадсона в полусидящем положении. Когда я прыгаю вовнутрь, то придвигаясь поближе, чтобы не дать ему упасть и не удариться головой о сидение водителя. Мисси не отворачивается, просто сидит к нам лицом всю дорогу домой, её глаза цвета океана пристально следят за нами в темноте.

ГЛАВА 35

Хадсон

Я не вижу. Я даже почти ничего не слышу. Пульсация в моей голове, словно громогласный рев, настолько громкий, что вытесняет все другие звуки вокруг меня. Вытесняет даже мысли из моей головы. Я чувствую, как мое тело двигается, но я знаю, что двигаюсь не сам по себе. Весь мой мир сосредоточен на этой подавляющей боли, которая заглушает всё остальное.

Я смутно осознаю, что меня двигают, чьи-то руки поднимают меня, толкают и тянут за плечи, даже передвигают мои стопы и ноги. Низкий стон отзывается в моей голове, и требуется время, чтобы понять, что этот звук исходит от меня. Измученный вскрик вырывается из моего горла. Меня это не волнует. Боль настолько сильная в данный момент, чтобы я думал о чем-то еще. Я просто хочу умереть. Если это то, что требуется, чтобы эта агония прекратилась, я готов.

Я чувствую, что падаю на что-то мягкое, не сразу осознавая, что это моя кровать. Невидимые руки стаскивают мою обувь и снимают с меня одежду, прежде чем завернуть в одеяло по самый подбородок. Держу глаза закрытыми, боясь, что если их открою, то боль станет еще сильней, если это вообще возможно.

Под моими веками внезапно становится темно, это означает, что кто-то выключил свет. Шлейф прохладного воздуха из кондиционера над моей кроватью приятно дует в лицо. Я позволяю своей голове расслабиться на подложенных подушках. Звуки плывут, проникая в мое сознание и обратно. Или, может быть, это я плыву. Я думаю, что это все-таки я. Что-то запускает боль.

Это голоса. Сначала они тихие, старающиеся не беспокоить меня. Окружающие обращаются со мной, как с инвалидом, который не слышит. Я не могу разобрать, что именно они мне говорят, но точно уверен, что это Мисси и Флинт. Её голос становится громче, поднимаясь на более высокие, напряженные ноты. Я слышу, как Флинт пытается заткнуть её, но Мисси уже в бешенстве и становится всё громче и громче с каждым словом, в её голосе звучит паника. Я пытаюсь приподняться, сесть и приказать ей уйти, но я чувствую, как сильные руки Флинта укладывают меня обратно в кровать. Я не хочу, чтобы она была здесь.

Я не хочу, чтобы она была здесь, потому что я не хочу её ранить. Я не хочу, чтобы она видела, насколько я слаб. Это битва, с которой я должен справиться в одиночестве. Это моя работа, быть уверенным, что с ними всё в порядке, а не наоборот. Я продолжаю разбирать их слова, но они доносятся до меня словно из-под толщи воды. Надеюсь, Флинт не скажет Мисси, что со мной происходит. Я не хочу, чтобы она знала. Я понимаю, что Флинт не обманет моё доверие. Он никогда этого не делал за все эти годы. Я знаю, что он это ненавидит, но брат достаточно умен, чтобы понимать – у него нет выбора. Он хотя бы уважает меня настолько, чтобы понять, что я сам решаю свою судьбу.

Наступила тишина. Кто-то тихонько приподнимает меня, и Флинт едва слышно просит меня посидеть. Он засовывает мне в рот таблетки и полностью к губам горлышко

бутылки с водой, чтобы я понимал, что она там. Я принимаюсь глубоко глотать из бутылки, прохладная вода успокаивает мой язык и горло, легко смывая таблетки. Я вздыхаю и снова ложусь. Я чувствую, как давление в моих висках немного ослабевает. Кто-то кладет прохладную влажную ткань мне на лоб. Это чувствуется невероятно, охлаждая горячую кожу, вытесняя боль из моих висков.

Когда я двигаюсь, чтобы положить руку на ткань, то чувствую, как маленькая ручка удерживает её на месте. Мисси. Она настолько тихая, что я её даже не услышал, её прикосновения такие невесомые, словно её почти и нет здесь.

Она поправляет ткань и слегка суетится над одеялом. Наклонившись, она прижимает губы к моим волосам, заставляя их слегка шевелиться над моим виском.

– Ты в порядке, Хадсон? Я могу что-нибудь сделать? – спрашивает она.

Поджимая губы, я отворачиваю от неё голову, издавая уклончивый звук. У меня нет никаких сил вратить ей прямо сейчас, и я определенно не в таком состоянии, физическом и эмоциональном, чтобы сказать ей правду.

Я продираю глаза, смотря на неё, стягиваю мокрую тряпку с головы и хлопаю её по тумбочке, сморщиваясь, когда боль простреливает по глазам.

– Я в порядке, просто устал.

И снова закрываю глаза.

– Позволь мне тебе помочь.

– Нет, – я знаю, что мой голос звучит резко от боли. – Уходи. Мне просто нужно отдохнуть.

Она делает шаг назад, но не покидает комнату. Я могу чувствовать, как её взгляд пробегает по мне, оценивая мои щурящиеся глаза и сморщенное лицо, и то, как я отворачиваюсь от света, льющегося из коридора. Она жует нижнюю губу, и я вижу, как Мисси обдумывает все возможные варианты того, что может происходить. Если она останется дольше, она поймет это достаточно быстро. Чем больше времени пройдет, тем очевиднее станет правильный ответ. Я хочу, чтобы она ушла, чтобы ей не пришлось смотреть на всё это.

– Пожалуйста, Хадсон, просто скажи мне, что с тобой происходит.

– Это не твоё, чёрт возьми, дело, Мисси. Тебе даже не следует находиться здесь. Я говорил Флинту, что тебя нужно было поселить в квартире. Я не хочу, чтобы ты находилась в моем доме.

Я вздрагиваю от собственных слов. Я пытаюсь причинить ей боль, оттолкнуть её, чтобы она не видела меня таким.

– Ничего не происходит. Мне нужно, чтобы ты отсюда убралась. Ты это понимаешь? Я хочу, чтобы ты ушла! Я не хочу, чтобы ты видела меня таким!

Я снова падаю на подушки, зарываясь в них достаточно глубоко, чтобы блокировать боль, которая снова начинает пульсировать в моей голове. Мисси не уходит, упрямое маленькое создание, которым она и является. Вместо этого она располагается на полу у моей кровати, руками гладит мои волосы вокруг потного лица. Я пытаюсь отвернуться, но она не позволяет. Её прохладные пальцы гладят морщинки на моем лбу, разглаживая их, ослабляя боль. Затем я слышу слова, произносимые шёпотом, которые потрясают меня, шокируют и поражают до глубины души.

– Ривер, это Рейвен.

ГЛАВА 36

Мисси

Глаза Хадсона распахиваются, и на секунду я ловлю его взгляд, беззащитный и обнажающий душу перед моим признанием. Я вижу, когда боль пересиливает шок, потому что он плотно закрывает веки, прежде чем снова открыть их, смотрит на меня, прищурившись, словно я для него незнакомка. Наблюдаю, как боль и замешательство соперничают за господство, заставляя меня желать, чтобы я хранила этот секрет и дальше. Ранила ли я его сильнее, признавшись, что я *его* Рейвен?

Я *его* Рейвен. Он знает меня лучше, как Рейвен, лучше чем он когда-либо знал меня, как Мисси, не зависимо от того что разделили наши тела. Рейвен открыла Риверу свою душу, самые ее темные уголки. Но разве он Ривер? Или он Хадсон? И кто такой Хадсон на самом деле? Мой защитник из далекого детства или этот сломленный мужчина, лежащий рядом со мной? Я чувствую, что есть три грани наших отношений: брат и сестра из детства, родственные души из чата и сбитые с толку взрослые любовники. Я больше не знаю, кем мы являемся друг для друга.

Он изо всех сил пытается приподняться с подушек.

– Нет, – задыхается он, мое откровение выбивает воздух из его легких.

Он качает головой в неверии и морщится от усилий.

– Да, – шепчу я, кладя свою руку на грудь, принуждая Хадсона облокотиться на подушки.

Я снова разглаживаю его волосы и кладу прохладную влажную ткань ему на лоб.

– Пожалуйста, не двигайся. Отдохни.

– Но как ты...? – начинает он.

– Я расскажу тебе, Хадсон... Ривер... если ты ляжешь и успокоишься.

Он издает негромкий звук, выражющий согласие, протягивает руку и ищет мою, обхватывая пальцами её, когда находит. Это то самое прикосновение, которое я так сильно хотела почувствовать от него всё это время. От этого жеста примирения, который он совершил, всё внутри меня тает.

Я делаю глубокий вдох.

– Я совсем не уверена, с чего следует начать.

Он сжимает мою руку.

– Перво-наперво, я не знала, кем ты являешься, пока не встретила в клубе и мы уже переспали. Понятно? Я не знала, пока не увидела фотографию, висящую на лестнице. Мне просто нужно, чтобы ты это знал.

Он кивает мне, ожидая, когда я продолжу. Я простираю горло, не уверенная, насколько откровенной мне следует быть, но я решаюсь, просто сказать ему, через что прошла и как я к нему отношусь. Пришло время прекращать прятаться. Я расскажу всё ему о себе, а потом расскажу Флинту. После того, как они услышат мою историю, они либо принимают меня такой, какая я есть – порочная и травмированная, либо отпустят меня. Я оставляю выбор за ними. Я только надеюсь, что они выберут меня.

– Я начала переписываться в чате, потому что мне кое-что было нужно, чувствовать с кем-то связь, чувствовать человеческое присутствие. Я так одинока. Я была одна без кого-либо рядом очень и очень долго, Хадсон. Мы так похожи в этом, ты и я. Я думаю, именно поэтому, мы так быстро нашли общий язык. Каждый из нас знал, что другой ищет что-то особенное. Я нашла это в тебе. Когда я разговаривала с Ривером, с тобой, я больше не была одинокой.

Он вздыхает и тянет к себе поближе, обхватывая рукой моё запястье, его пальцы пожимают то место, где кровь несется по моим венам, два раза. Одного этого легкого прикосновения достаточно, чтобы уменьшить давление крови.

– Я не могу завести друзей, просто общаться с кем-то, всё из-за Донни, моего приемного отца.

Хадсон снова сжимает моё запястье.

– Он плохой.

Хадсон плотно сжимает губы, но ничего не говорит.

– Я сбежала от Донни, когда мне было шестнадцать. Я прожила с ним два года, и это были самые длинные два года в моей жизни. Он ужасный человек. Он получает удовольствие, причиняя боль людям, которые меньше и слабее его. Он бил свою жену, он бил своих детей, он бил своих приемных детей, твою мать, он был даже свою собаку.

Я останавливаюсь и судорожно втягиваю в себя воздух.

Хадсон все ещё молчит и ждет, когда я продолжу.

– Он проиграл всё, что у него было, и большую часть того, что имели мы. Мы голодали, чтобы он мог играть в карты и делать ставки на скачках. Он всегда был убежден, что удача ждет его где-то за следующим поворотом... и когда этого не происходило, в этом всегда была чья-то вина, наша вина, особенно моя. И он давал нам это знать, показывал, кулаками и ботинками, когда чувствовал, что я подвела его. Он... жег меня. Сигаретами. По всей груди, чтобы мне было стыдно показать себя кому-либо. Он делал это, чтобы я не стала шлюхой.

– Детка, мне так жаль, – шепчет Хадсон.

Я отнимаю руку и вытираю тыльной стороной щеки, размазывая слезы. Я так много не плакала на протяжении долгих лет.

— Он, он... — я вздрогнула, не желая заканчивать, но мне нужно, чтобы Хадсон точно знал, с кем я имею дело, когда это касается Донни, — он... изнасиловал меня... когда мне было почти пятнадцать. Он насиловал меня и пользовался мной, а потом, когда ему понадобилось больше денег для ставок на скачках, он продал меня своим друзьям. Вот почему я сбежала. Вот почему он хочет меня вернуть. Я ценна для него, и я ранила его это, сбежав от него. Он сделает всё возможное, чтобы вернуть меня. Донни никогда меня не отпустит, никогда не прекратит меня искать. Вот почему я не видела своих друзей много лет. Я не хочу, чтобы он преследовал дорогих мне людей.

Хадсон издает удручающий звук, и я вижу, как его ресницы темнеют там, где начинают собираться слезы.

Я глажу его по лицу.

— Но потом я встретила тебя. Я нашла Ривера, и он спас меня в самый темный момент в моей жизни. Когда я с тобой разговаривала, то могла быть собой. Я была так счастлива. Ты подарил мне то, что я ждала с таким нетерпением.

Я наклоняюсь вперед и прижимаюсь мягким поцелуем к его губам.

— Я люблю тебя. Как Ривера, как Хадсона, таким, какой ты сейчас. Я тебя люблю.

Я кладу голову на кровать, позволяя соленым слезам орошать одеяло. Хадсон обхватывает мои руки и тянет к себе, с той небольшой силой, что у него осталась, пока я не оказываюсь рядом с ним на кровати. Я поворачиваюсь, чтобы ему не пришлось двигаться, и он обнимает меня своими руками, тянет к себе так сильно, как только может. Он убирает волосы с моего лица и стирает слезы кончиками пальцев.

— Прости, птичка, — говорит он.

Его нежное прозвище, придуманное Ривером для Рейвен, вызывает ещё один приступ рыданий. Я понимаю, что Хадсон по-настоящему меня принял. Я знаю, что с этого момента, что бы ни случилось, я буду здесь, с ним.

— Тебе не за что извиняться, Хадсон. Ты ничего не сделал.

— Именно, я ничего не делал, хотя должен был. Я должен был тебя найти. Я должен был прийти в твою новую приемную семью и забрать тебя к нам с Флинтом. А затем выбить всё дерзко из Донни.

— Два только достигнувших совершеннолетия парня с двенадцатилетней девочкой на буксире? Это было бы бесценно... и незаконно.

— Это не важно. Тебе же это удалось. Мы тоже могли бы это сделать. Я недостаточно сильно боролся, черт возьми, я вообще не боролся. Я должен был найти тебя.

Он бьет кулаком по кровати, бесполезно стучая по мягкому одеялу.

— Я должен был быть там, чтобы защитить тебя.

— Хадсон, ты тоже был ребенком! Ты ничего не мог сделать. Ты бы угодил в тюрьму, если бы пришел за мной.

— Это не важно.

— Это важно для меня. Одна вещь, которую меня научил Донни, это то, что жизнь подкидывает нам карты, и мы должны играть тем, что нам выпало, — я пожимаю плечами, как будто мне всё равно. — Большинство из них я уже разыграла, но, похоже, удача улыбнулась мне.

Хадсон мне грустно улыбается и откидывается на подушку. Я прижимаюсь к нему, разглаживая его лоб, напевая какой-то мотив без слов. Я наблюдаю, как его лоб разглаживается во сне, и наклоняюсь, чтобы осыпать его лицо мягкими поцелуями. Когда я поднимаю голову, то вижу Флинта в дверном проеме, он смотрит на нас с нечитаемым выражением на лице.

ГЛАВА 37

Флинт

Я стоял на пороге комнаты всё это время и слышал каждое слово Мисси. Не могу поверить, что Мисси выжила. Она сильнее, чем я когда-либо представлял себе. Наша маленькая сестричка, сама справляется с такой жестокостью этого мира. То, как она находилась в бегах, выше моего понимания. То, что выживала всё это время – чудо.

Когда она соскальзывает с кровати и подходит ко мне, я её ни о чём не спрашиваю. Она была готова рассказать всё Хадсону, теперь я хочу, чтобы она достаточно доверилась, чтобы и мне рассказать всё. Я знаю, что у неё будет много вопросов о Хадсоне. Я даже готов к тому, что она будет сердиться, особенно когда я скажу ей, что не могу дать тех ответов, которые ей нужны.

Она обхватывает меня руками и кладет голову мне на грудь. Это не то, что я ожидал, но я рад этому. Я её крепко обнимаю, волосы Мисси щекочут мой подбородок там, где он упирается в её макушку.

Она смотрит вверх на меня, её зелено-голубые глаза полны печали.

– Он болен, да?

Я сглатываю. Я не могу ответить на этот вопрос.

– Что с ним происходит, Флинт?

Я обещал Хадсону, когда его впервые диагностировали, что я никогда никому не скажу, что с ним происходит. Это его жизнь, и я не вправе что-либо говорить. Я никогда не нарушал обещаний, данных ему, и не сделаю подобного сейчас. Особенно такое важное, как это. Даже если речь шла о Мисси.

– Мне жаль, Мисси. Я не могу сказать тебе, если только Хадсон этого не захочет.

Она отталкивает меня, оглядываясь назад, чтобы убедиться, что Хадсон ещё спит, её голос низкий и злобный, полный её гнева.

– Я имею право знать! Он так же и мой брат.

Я хватаю её за запястья, пока она не начала меня бить своими маленькими кулаками.

– Я знаю, но я обещал...

– Обещал, твою мать! Мне нужно знать, что с ним происходит, Флинт. Я люблю его.

– Я знаю, что любишь, Миссисипи. Как и я.

– Тогда скажи мне, пожалуйста. Я, наконец-то, нашла вас обоих после всех этих лет, и чувствую, будто всё снова выскользывает из моих пальцев.

Слезы блестят в её глазах, превращая их в мерцающие озера печали. Я не могу этого сделать. Я больше не в силах хранить секреты Хадсона, но и рассказать всей правды Мисси тоже не могу. Это разрывает меня на части – находится между ними двумя. Я не знаю, что ей ответить, но я рассказать все прямо сейчас не вправе. Это должен сделать Хадсон. Я вздыхаю и отхожу от неё.

– Ты не хочешь рассказывать мне? Ты не думаешь, что задолжал мне?

Я не смотрю на неё. Если я только гляну ей в глаза, она увидит всю правду в моем взгляде.

– Ты засранец, – бросает она.

Мисси начинает бить меня в грудь своими маленькими сжатыми кулаками, когда задушенный, горловой стон Хадсона заставляет нас обоих обернуться к кровати.

Мы торопимся, и я наклоняюсь над ним, чтобы убрать одеяло. Именно тогда его тело напрягается, мышцы сжимаются, а рот открывается от боли. Я понимаю, что у него приступ.

Он начинает бесконтрольно трястись, сквозь стиснутые зубы вырываются стоны. Когда Мисси протягивает руку, чтобы коснуться его ноги, я выхожу из оцепенения, зовя Рэда. Телефон Хадсона лежит на тумбочке, я хватаю его и набираю 911, в то время как Хадсон продолжает бесконтрольно дергаться. Мисси замирает, беспомощно стоя в стороне. Крупные слезы текут по её лицу. Если ей требовалось подтверждение того, что Хадсон болен, то она его только что получила.

Брат потихоньку успокаивается, припадок идет на спад. Его лицо расслабляется, когда он то приходит в сознание, то теряет его. Я бросаю телефон и поворачиваю Хадсона на бок, удостоверяясь, что его дыханию ничего мешает. Мисси стоит у края кровати, наблюдая, её лицо озаряется пониманием, что это не первый раз, когда я помогаю брату после приступа. Я проверяю его пульс. Он прерывистый, сердце пропускает удары. Его глаза закатились, белки глаз виднеются из-под неплотно сомкнутых век.

– Хадсон? – я трясу его за плечо. – Ты меня слышишь?

Он не отвечает. Страх скручивает мои внутренности.

В этот раз ситуация очень плоха, и я не знаю, как долго нам придется ждать. Я не могу ни о чем больше думать. Я не могу смотреть на Мисси, не разрывая свою душу. Я удерживаю свою руку на плече Хадсона, крепко вцепившись в него, чтобы чувствовать, когда его дыхание замедляется. Я его крепко держу, ведь он мой брат, и не в моих силах его отпустить. Моё горло першило, потому что все мысли, которые я так долго отталкивал, крутятся у меня в голове, сталкиваясь друг с другом. Какой будет моя жизнь, если моего старшего брата не станет. Каково это, когда нет никого из твоей семьи.

Я слышу вой сирены, вижу, как красные огни пробиваются через окно, когда машина скорой помощи въезжает на подъездную дорожку. Рэд внизу открывает входную дверь, чтобы впустить медиков, указывая им, куда идти, и говорит, в какой комнате мы ждем их.

Женщина в синей форме проталкивает через дверь свою медицинскую сумку и отпихивает меня в сторону. Двое мужчин идут следом с переносными носилками между ними. Я стою в стороне, беспомощный и испуганный, наблюдая, как они лихорадочно работают над Хадсоном, натягивая кислородную маску на его лицо и ставя ему в руку капельницу.

Наблюдая, как игла входит в его вену, я снова возвращаюсь на землю и почти сгибаюсь под тяжестью осознания, что вероятность потерять моего брата никогда еще не была столь реальной, чем в этот самый момент. Может быть, это последний раз, когда я вижу Хадсона живым. Все эти месяцы ожидания и страха сжались до этого крошечного момента. Хадсон, бледный и безразличный, с распахнутой рубашкой, его положили на носилки, в то время как все эти люди, которых я не знаю,сыпят медицинскими терминами в свои портативные рации.

Я замечаю всё. Мисси, замершую у края кровати, с белыми костяшками на руках, которыми она сжимает каркас кровати, словно это единственное, что в силах удержать её. Ред, прижимающийся к стене возле двери, наблюдающий за всем с пепельным лицом. Хадсон, лежащий под белым бумажным одеялом. Слезы набегают мне на глаза и стекают по щекам сплошным потоком, потому что всё внутри меня говорит, что сегодня день, когда я потеряю своего брата навсегда.

ГЛАВА 38

Ривер зашел в чат

Ривер: Ты когда-нибудь задумывалось, на что похожа другая сторона?

Рейвен: Города?

Ривер: Нет, птичка. Я о небесах.

Рейвен: Я не думала, что ты верующий.

Ривер: Я общаюсь с язычницей?

Рейвен: Да. Секс-помешанной идолопоклонницей.

Ривер: Очень смешно. Я серьезно.

Рейвен: Черт, Ривер. Я не знаю. Думаю, если Бог действительно существует, он должен думать о том, как сделать жизнь всех его созданий лучше. Кажется таким неправильным то, что люди страдают здесь, чтобы на той стороне обрести лучшее будущее.

Ривер: У меня был сон...

Рейвен: Готова поспорить, про секс

Ривер: Не секс. Просто о том месте, где все неправильные вещи в моей жизни внезапно стали правильными.

Рейвен: Что ты имеешь в виду?

Ривер: Там была моя мама. Она выглядела совершенно по-другому. Здоровой. Она была одета в красивую одежду и держала в руках стильную сумочку.

Рейвен: И ты подумал, что находишься на небесах, потому что твоя мама ходила по разным магазинам в твоем сне.

Ривер: Дело не только в этом...

Рейвен: Ты серьезен, да?

Ривер: В моей реальной жизни существует огромная проблема, птичка, а в том сне она исчезла.

Рейвен: И этого было достаточно, чтобы заставить тебя подумать о небесах.

Ривер: Так и было, детка. Так и есть.

ГЛАВА 39

Мисси

После того как скорая забрала Хадсона, привязанного к носилкам и обвешанного трубками, вместе с Флинтом, который застыл с ним рядом, Рэд подводит меня к черному внедорожнику, припаркованному на подъездной дорожке. К тому времени, как мы спускаемся по извилистой дороге, машина скорой помощи уже давно скрылась из вида, звук сирены растворяется, красные мерцающие огни становятся не более чем размытыми пятнами, прорезающими ночное небо.

Хадсон умирает. Мне не нужно признание Флинта, чтобы понять это. Мне не нужно, чтобы он нарушил своё обещание сохранить в тайне какой-то секрет Хадсона, который он заставил его хранить. И честно говоря, я должна была знать. Всё это время в чате, он говорил мне, что не будет со мной рядом. Неужели, я действительно думала, что он имел в виду свой переезд? Теперь я понимаю, что это была единственная причина, по которой он хотел со мной встретиться в клубе «Запретный». Он хотел сказать мне *прощай*, потому что знал – его время на исходе.

Слезы градом текут по моим щекам, когда я осознаю, что скоро потеряю моего Хадсона.

Он – самый лучший дар, который был дан мне за всю мою жизнь.

Что-то щелкает в моей голове, все кусочки пазла складываются и отлично подходят друг к другу. Всё это время он знал. Он пытался поддерживать человеческие контакты посредством анонимных связей, получать удовольствие без эмоциональной привязанности, но он не понимал, что всё это время я влюблялась в него онлайн. Влюбилась в него настоящего, пусть и немногого грубого, а сейчас я его теряю.

Я кидаю взгляд на Рэда, который пристально следит за дорогой, легко маневрируя между медленно ползущими машинами. Я хочу узнать у него правду, но не знаю, связан ли он тем же обещанием, что и Флинт. Эти парни серьезно относятся друг к другу. И я даже не уверена, что мне для этого нужно подтверждение. Я чувствую это в своем сердце, но не знаю, готова ли услышать правду из уст того, чьи слова станут приговором. Это всё равно, что стоять на краю обрыва, зная, что, если ты хоть немного поставишь ногу на край, ты пожалеешь об этом.

Я сажусь ровно, потирая друг о друга ладони, чтобы прогнать холод, поселившийся во мне. Блестящая черная дорога исчезает под шинами, и я хочу, чтобы путь быстрее закончился и замедлился. Оказаться ближе к Хадсону, но защитившись от жестокой правды. Поездка длилась вечность, и всё же закончилась слишком рано к тому времени, как мы заехали на парковку для посетителей больницы и устремились к двери.

Внутри мы находим медсестру и спрашиваем её, кого забрали Хадсона. Она отправляет нас на четвертый этаж, где в приемной мы обнаруживаем Флинта. Там никого нет, и в это время ночи свет приглушен. В воздухе витает запах спирта. В углу гудит торговый автомат с газировкой, один из неоновых светильников мерцает и выключается. Я быстро обнимаю Флинта.

— Что они сказали? С ним всё в порядке? Мы можем его увидеть?

— Пока мы не можем его увидеть. Доктор никого не пускает с тех пор, как мы сюда приехали.

— Флинт, ты должен всё сейчас мне рассказать. Скажи мне, что с ним происходит. Пожалуйста?

Флинт вздыхает и проводит рукой по лицу, разглаживая напряженные складки на лбу.

— Я обещал, что не...

— Пожалуйста, Флинт. Уже слишком поздно, чтобы сейчас беспокоиться об обещании. Мы в больнице... и я люблю его. Пожалуйста, не утаивай ничего от меня.

Он опускается обратно в кресло и утыкается лицом в руки, как будто тяжесть данного обещания слишком велика.

— У него опухоль, — шепчет он, — Опухоль головного мозга.

Опухоль. Не думаю, что есть что-то, что может подготовить человека к этим словам. Рыдание срывается с моих губ, потому что в душе я готовилась к худшему, но слышать это, знать наверняка, это уже слишком. Мои колени подгибаются, и я ударяюсь о пол, линолеум холодит мои ладони. Я глубоко дышу, пытаясь контролировать панику в груди. Флинт опускается рядом со мной и кладет руку на плечо. Рэд тоже возле нас, его рука ложится мне на спину, когда меня сотрясают рыдания. В моей голове кружит куча вопросов, которые не могут вырваться из моего рта. Опухоль неоперабельная? Он уже проходил лечение? Доктора могут что-то сделать?

Мой Хадсон страдает... и я не могу потерять его снова. Просто не могу.

— Мисси, — мягко зовет Флинт.

Он пытается обнять меня, чтобы поднять с пола, но я не хочу двигаться.

— Давай же.

Рэд помогает Флинту, и вдвоем они усаживают меня на один из холодных пластиковых стульев. Я не могу смотреть ни на одного из них, поэтому я прячу своё лицо в ладонях.

— Он не хотел, чтобы кто-нибудь об этом знал, — мягко говорит Флинт.

Я качаю головой, потому что это, твою мать, глупо. Как может кто-то хотеть пройти через что-то подобное в одиночку? Людям нужна любовь в свои лучшие времена... и в худшие тоже. Я знаю по собственному опыту, что любовь — это то, что мы жаждем в самые темные моменты своей жизни.

— Это...? — я не могу подобрать слова, но Флинт, кажется, знает, что я пытаюсь спросить.

— Доктора хотели оперировать, — говорит он. — Но Хадсон не захотел.

Я в шоке смотрю на него. Хадсон знал, что с ним происходит и отказался от лечения.

— Он не захотел, Мисси. Когда ему поставили диагноз, врачи обсудили с ним варианты лечения. Операция была единственным способом полностью убрать опухоль, но существовали риски.

— Риски есть всегда. И это не причина, чтобы не... — начинаю я.

— Он может никогда не проснуться после операции.

Я пристально смотрю на свои ноги, глаза горят.

— Его может парализовать. Или он может проснуться совершенно другим человеком, не помня о том, кем был раньше. Знаешь, каково это для такого человека, как Хадсон?

— Хорошо, — говорю я, — но почему он не...

— Мисси! Он не хотел этого. Он не хотел терять того, кем являлся. Это был риск, на который он был не готов пойти.

Флинт смолкает и смотрит на стену, его плечи опущены.

— И ты с ним не спорил. Ты, твою мать, не долбил его, пока он не понял бы, что просто отказывается от своей жизни?

Я плачу, когда набрасываюсь на Флинта, и он выглядит таким чертовски раненным моим обвинением, что я ещё больше ломаюсь, теперь и из-за того, что причинила ему боль.

Рэд трется у двери ожидания, выглядя потерянным. Я вожу ногами по истертым плиткам. Никто из нас не хочет смотреть друг на друга.

— Они собираются его оперировать, — наконец, признается Флинт.

Его плечи опущены, как будто на них лежит вся тяжесть этого мира. Я моргаю, стушевавшись.

— Но ты сказал, что он не хотел оперироваться.

Флинт пожимает плечами.

— Я принял решение за него. Он так и не подписал бумагу об отказе от реанимации. Прямо сейчас, он не в состоянии принимать свои собственные решения о медицинском вмешательства. Я это сделал за него.

— Ты это сделал?

— Да. — Флинт поворачивается ко мне, его губы плотно сжаты. — Если он выживет, то возненавидит меня. Если его парализует, он убьет меня. Если он умрет, это уже не будет иметь значения.

— Тогда почему ты согласился?

— Потому что я не могу потерять своего брата, Мисси. Я знаю, что это не то, что он хочет, но есть шанс, что он выживет. И я воспользуюсь этим шансом, и буду жить с последствиями моего решения, какими бы они ни были.

Я поднимаюсь с пластикового стула и прижимаюсь к нему, обхватив его за талию и пряча своё лицо на его груди.

— Ты сделал всё правильно, — говорю ему. — Я бы поступила точно так же.

Он притягивает меня в крепкие медвежьи объятья, и мы так и замираем, пока не выходит доктор и не прочищает своё горло.

Хирург седовлас и вызывает уважение. Его окружает аура опыта и профессионализма, что сразу меня успокаивает. У него с собой стопка бумаг для Флинта, которые нужно посмотреть и подписать, прежде чем доктор сажает нас и рассказывает о деталях операции. Он рассказывает о том, о чём мне говорил Флинт ранее, Хадсон может быть парализован или проснуться другим человеком. Или он может вообще не проснуться, но, если они не прооперируют, он навсегда останется в коме, пока его тело в конечном итоге не сдастся и не перестанет функционировать самостоятельно. Флинт кивает и с усилием сглатывает, прежде чем поставить свою подпись в нижней части страницы, разрешая операцию. Доктор в успокоении пожимает Флинту руку, перед тем как спешить к двойным дверям, расположенным ближе к концу коридора.

Всё, что нам остается — только ждать.

Я чувствую себя опустошенной, именно так я себя чувствовала в тот день, когда Хадсона и Флинта увезли в другой машине, а я осталась одна с посторонними людьми.

Я должна была спросить, можно ли мне увидеть Хадсона до операции. Я должна была прижаться поцелуем к его губам и потребовать вернуться ко мне. Должна была сказать, чтобы он боролся так, как он никогда не сражался в своей жизни, потому что сейчас дело не только в нем. Это касается всех нас.

Но уже слишком поздно, и, может быть, я всё равно не была бы достаточно сильной для этого. Увидеть его и знать, что, возможно, это наш последний раз вместе.

Моё горло горит, когда из глаз снова текут слезы. Мой Ривер. Он был моим началом. Он нужен мне в моей жизни. Сейчас не время, чтобы его жизнь оборвалась.

Рэд прочищает горло, и я смотрю на него. Его глаза красные, волосы торчат в разные стороны, потому что он ерошит их от беспокойства. Я подхожу к нему и тоже обнимаю. Возможно, он и не родной брат Хадсона, но тоже очень хороший.

— Всё будет хорошо, Мисси, — говорит он мне.

– Я знаю, что будет, Рэд. Он сильный. Он настоящий борец.

– Теперь мы должны быть сильными, – мягко говорит Рэд.

Я отступаю и улыбаюсь.

– Так и будет. Ты прав.

Он смотрит поверх моего плеча, туда, где стоит Флинт.

– Я собираюсь поехать и взять немного вещей для Хадсона, – говорит Рэд. – И сменную одежду для вас обоих.

Флинт всё ещё в своей спортивной одежде для боя. Весь покрытый кровью. Флинт делает шаг вперед и тянет Рэда в крепкие объятья. Мы смотрим, как Рэд уходит, затем остаемся только я и Флинт.

Я подвожу его к стульям и заставляю сесть. Он приземляется на пластик, сжимая свою голову руками. Его плечи приподнимаются. Обнимая его руками, я притягиваю его к своим коленям, гладя по голове. Он не плачет, но каждая мышца в теле Флинта напряжена, как будто он пытается контролировать себя, чтобы не развалиться на части. Я гладжу руками его по спине, снова и снова, успокаивая, насколько могу. Это происходит не сразу, но ячу, как Флинт начинает расслабляться. Он сидится и обхватывает моё лицо двумя руками, мягко сжимая голову, большими пальцами лаская мои виски. Я обнимаю его за шею, притягиваю к себе и опираюсь своим лбом о его.

– Всё будет хорошо, да? – спрашиваю я его.

Он закрывает глаза и делает глубокий судорожный вздох, прежде чем посмотреть на меня снова.

– Да. Хадсон гребаный боец, Мисси. Нет на свете ничего такого, чтобы он не смог сделать.

Я киваю, потому что это то, что я так хочу услышать. Если я поверю, что у Хадсона есть шанс, то смогу пережить следующие несколько часов, не сорвавшись.

Живот Флинта издает голодное рычание, нарушая тишину в зале ожидания, и я улыбаюсь ему. Бедняжка должно быть голодный после боя. Он, смущаясь, кладет руку на пресс.

– Я спущусь вниз в столовую, – предлагаю я, довольная, что мне есть чем заняться.
– Я возьму кофе и что-нибудь перекусить. Я сейчас вернусь, хорошо.

Флинт оставляет легкий поцелуй у меня на лбу, прежде чем кивнуть и откинуться на стуле, закрыв глаза.

– Я буду прямо здесь, – рисуется он.

Я знаю, что он не покинет зал ожидания, пока не узнает, что с Хадсоном.

Они братья и лучшие друзья, и я даже не могу себе представить, что Флинт будет делать, если его брат не вернется домой.

ГЛАВА 40

Флинт

Я рывком просыпаюсь. Рэд. Он трясет меня за плечо.

— Ты уснул, — говорит он, кладя огромную сумку со всем необходимым на пол рядом с моими ногами. Я моргаю, свет в помещение режет глаза. Я оглядываю комнату ожидания в поисках Мисси, но её нет.

— Где Мисси? — спрашивает Рэд, читая мои мысли.

Я смотрю на часы, висящие над беззвучным телевизором в углу, и вскакиваю на ноги, остатки сна рассеиваются. Она ушла целую вечность назад. Нет никаких признаков кофе или закусок. Никакого знака, что она возвращалась с тех пор, как Мисси спустилась в столовую.

— Дерьмо, Рэд, я думаю, что она не возвращалась с тех пор, как ты ушел.

Дрожь проходит по моему позвоночнику. У меня плохое предчувствие. Где она, черт возьми? Я выбегаю из комнаты ожидания, моя обувь скрипит по кафельному полу. Дамская комната в конце коридора, и я врываюсь через дверь, выкрикивая её имя.

— Мисс? Ты здесь?

Я открываю двери кабинок, проверяя, там ли она. Пусто.

Возвращаюсь в коридор, Рэд ждет меня, оглядываясь вокруг.

— Я проверил несколько пустых палат, думая, что она могла пойти вздремнуть. Я уточнил у медсестры, но она тоже не видела её.

Страх сжимает мои внутренности. Всё это время Мисси чего-то боялась. Не думаю, что она снова ушла, не по своей воли. Она так же беспокоится о Хадсоне, как и я, потому не вижу причины, по которой она могла уйти, не сказав мне ни слова.

— Пошли.

Я бегу по коридору, не останавливаясь, чтобы дождаться лифта. Рэд следует за мной по пятам, когда сбегаю вниз по лестнице, то, не сбавляя скорости, открываю двери на первый этаж и оглядываюсь вокруг, чтобы проверить, не здесь ли Мисси. Следуя по указателям, мы двигаемся в сторону кафетерия, петляя по лабиринту коридоров в сторону задней части больницы. Рэд останавливается и указывает на один из залов.

— Что это?

Я вбегаю и останавливаюсь. На полу разбросаны кофейные чашки и крошки булочек. Я трогаю пальцем коричневую лужу. Она всё ещё теплая. Именно тогда, слабый крик проносится через всё здание. Я кручусь на месте, пытаясь определить направление, откуда раздавался звук. Рэд толкает меня к двери в дальнем конце здания. Я мчусь вниз по коридору, ноги стучат по плитке, когда еще один крик, на этот раз громче, пронзает

воздух. Я проталкиваюсь сквозь стеклянные двери в конце коридора и останавливаюсь, оглядывая заднюю парковку.

На улице всё ещё темно, и островки света находятся далеко друг от друга, только конусы оранжевого света прорезают тьму. В отдалении я слышу звук удара кулака по плоти. Этот звук, с которым я очень хорошо знаком, и он исходит из самого уединенного угла парковки. Я поворачиваюсь в том направлении и вглядываюсь в темноту, щуря глаза. Вдалеке появляется фигура, отчаянно бегущая ко мне. Я слышу голос Мисси, когда она кричит моё имя, и срываюсь с места, словно пуля.

Я не знаю, что, мать вашу, происходит. Какого черта она делает здесь на улице в темноте и почему Мисси бежит?

Моё сердце бешено стучит, потому что я почти осязаю запах опасности. Я могу чувствовать угрозу, витающую в воздухе, так же как чувствую, когда я одержу победу на ринге. Кто-то пришел за Мисси, и я нужен ей.

Есть шанс, что я сегодня ночью потеряю своего брата, но я ни за что не потеряю Мисси. Не тогда, пока в моем теле есть хоть капля жизни, а в душе огонь.

Я убью любого, кто навредит ей.

ГЛАВА 41

Мисси

Голова взрывается болью. Крышки слетают с бумажных чашек с обжигающим кофе, которые я несла в руках, когда стаканчики падают на пол. Горячая сладкая жидкость попадает мне на ноги и ступни. Пакет с маффинами, которые я держала в другой руке, раскрывается, и его содержимое рассыпается по полу. Я падаю на колени посреди чертовых черничных пирожных.

Я не могу понять, что происходит, пока кто-то сзади не хватает мои волосы в кулак и не поднимает на ноги. Меня окружает зловоние сигарет и пива.

— Я знал, что найду тебя, маленькая сучка, — рычит мне в ухо напавший.

В желудке образовывается холодный ком, когда я узнаю голос.

Донни.

Он нашел меня.

Отчим крепче сжимает мои волосы и поворачивает меня к себе лицом.

— Шлюха, — рычит он мне в лицо, сквозь пожелтевшие зубы, брызжа слюной. — Я знал, что это была ты прошлой ночью на боях. Я вернулся, чтобы найти тебя.

Я хныкаю, пытаясь отступить. Он возвышается надо мной, склонившись, смеется мне в лицо, обдавая смрадом гнилой разлагающейся пищи.

— Сейчас ты будешь хорошей девочкой, Мисси. Тебя не было очень долго. Пришло время вернуться домой.

Донни тянет меня за волосы, поднимая на несколько дюймов от пола. Я визжу, мои ноги дергаются в попытки ударить любую часть тела Донни. Я вознаграждена брюзжанием, когда моя нога бьет его по колену, но он не отпускает хватки. Он просто сжимает мои волосы и тащит меня в конец коридора к выходу.

Я тянусь, пытаясь руками найти что-нибудь, за что можно зацепиться, но плиточный пол слишком скользкий и гладкий под ногами, а коридор широкий. В столь позднее время эта часть здания кажется пустой.

Донни толкает меня через порог, когда автоматические двери открываются, ударяя плечом о стеклянную дверь, боль простреливает вдоль бока. Уличные фонари отбрасывают оранжевые очертания на парковку, когда Донни тащит меня по тротуару, мои ноги бьются о бордюр. Я пытаюсь кричать, но моё горло онемело от страха. Крик больше похож на стон, и Донни использует другую свободную руку, чтобы ударить меня.

— Тихо, — рявкает он. — Или я сломаю твою гребаную шею.

Я пытаюсь схватиться за ствол дерева, чтобы вырваться из его захвата, но он с силой дергает меня и тянет к черному грузовику, припаркованному в конце парковки.

Донни прижимает меня к грузовику, одной рукой обхватывает мою шею, пережимая трахею. Мои ногти царапают его толстые руки, обхватывая запястья в попытке расцепить его пальцы. Донни трясет меня, словно тряпичную куклу, вперед и назад, ударяя прямо о холодный металл его грузовика.

– Маленькая шлюшка, – плюется он, – У меня на тебя планы.

Я хныкаю и борюсь с ним, но моё зрение темнеет по краям.

– Ты принадлежишь мне, Мисси. Всегда принадлежала и всегда будешь. Я видел тебя с теми парнями. Ты трахалась с ними?

Я дергаюсь, слезы катятся из моих глаз.

Он смеется, когда видит страх на моем лице.

– Да, ты это сделала, ты трахалась с ними обоими. Они пожалели тебя, когда ты показала им свои сиськи.

Он шлепает меня по груди, а затем ловит один из сосков в болезненном зажиме.

– Это уже не важно. Я позабочусь о тебе, когда мы вернемся домой. Я засуну свой член в каждую твою дырку, сучка. Черт, я могу даже сделать пару новых.

Я хныкаю, моё зрение начинает чернеть.

– Эй! – кричит Донни, когда я падаю на грузовик, – Очнись, потаскуха!

Он снова трясет меня, его слюна брызжет прямо мне в лицо, когда он смеется.

– Мы повеселимся, крошка. Так же, как раньше, – он толкается бердами в мои, смеясь, как гиена. – И когда я закончу трахать тебя, что займет какое-то время, ты ведь всё помнишь, правда? И когда я закончу, и поскольку, похоже, ты расprobовала групповой секс, я тоже тебе в этом помогу. Я знаю нескольких парней, которые хорошенъко заплатят за возможность прижать тебя. Скольких ты хочешь? В тебе уже было два члена в каждой дырке сразу? Мы могли бы это попробовать. Думаю, тебе понравится.

Из моего горла вырываются панические стоны, когда он дотягивается и открывает пассажирскую дверь. Этого не произойдет. Я лучше умру, чем вернусь к Донни. Это только вопрос времени, он всё равно убьет меня, но до этого времени моя жизнь будет хуже, чем ад. Он отпускает моё горло и начинает запихивать в открытую дверь, но страх, пронизывающий меня, пробуждает мой инстинкт выживания. Я втягиваю воздух сквозь травмированное горло и кричу, набрасываясь на Донни со сжатыми кулаками. Удачный удар приходится в его щеку. Он изрыгает проклятья, когда из глаз брызжут слезы, но ему не очень больно, и Донни набрасывается на меня со сжатой рукой, попадая прямо в висок. Вызывая искры в глазах.

Он толкает меня в грузовик, пытаясь ухватиться за мои ноги, чтобы уже за них затащить внутрь. Он рычит на меня в безмолвной ярости, и я снова кричу, звук вырывается из глубин моего горла. Я отчаянно борюсь обеими ногами. Я чувствую, как

они врезаются куда нужно, и Донни сползает на землю, прикрывая руками пах, из него сыплются проклятья. Это мой шанс.

Я выскакиваю из грузовика, неприятно приземляясь на асфальт, кусочки гравия врезаются в мои колени, и карабкаюсь, чтобы подняться на ноги. Донни протягивает одну руку и цепляется за мою лодыжку, но он ещё не оправился от удара в пах. Я дергаю коленом, ударяя его по руке, пока его хватка не окрепла. Я слышу хруст костей, но не жду, чтобы убедиться, что его запястье сломано. Я ориентируюсь на свет фонарей в дальнем конце парковки, спотыкаясь, прежде чем окончательно встать на ноги, и бегу, словно за мной гонятся все черти из ада. Донни шумно дышит где-то позади меня, и я слышу, как его ботинки стучат по асфальту, но не оглядываюсь назад.

Свет из дверного проема больницы загораживает огромная фигура. Я очень надеюсь, что это тот, кто может мне помочь, и передвигаю ногами быстрее, увеличивая разрыв между мной и монстром позади себя. Фигура начинает приближаться ко мне. И по тому, как она двигается, я могу сказать, что это Флинт. Рэд тоже там, но далеко позади. Я могу добраться до него. Я думаю, я смогу.

По звукам, что раздаются сзади, кажется, что Донни всё ближе, и я делаю ещё одно небольшое усилие, чтобы шевелить ногами быстрее. Всё происходит словно в замедленной съемке, когда я врезаюсь в Флинта, заставляя почувствовать все наши синяки на теле.

– Мисси, – задыхается он, рыдания вырываются из моего горла.

Я чувствую тепло его объятий всего несколько секунд, прежде чем он толкает меня к себе за спину, к Рэду, который достает свой телефон. Я поворачиваюсь и вижу, как Донни замедляется. Он смотрит на меня, словно взвешивает свои шансы забрать меня. Донни большой, но Флинт больше. Флинт сильнее. Флинт – гребаный чемпион боевых искусств, и он может закинуть задницу Донни до чертовой Луны.

Флинт делает шаг вперед, и Донни начинает отступать, затем он поворачивается и срывается на бег. У него нет проблем с избиением девушки, меньшей его в два раза, но он не хочет иметь дело с моим сводным братом.

Флинт для начала не торопится. Он бредет к грузовику, как лев, который знает, что его жертва ранена. Когда, в конце концов, ему надоедает преследовать, он прыгает, затем нападает, хватая Донни за воротник, лишая его равновесия. Он разворачивает Донни, его кулаки отбрасывают его назад и наносят по лицу Донни один удар за другим. Хруст костей доносится до того места, где мы с Рэдом стоим. Я вижу, как Донни падает на колени, голова опущена, кровь капает на асфальт. Флинт выворачивает руки Донни позади него, вынуждая его упереться лицом прямо в асфальт, Флинт упирается коленом в спину Донни, его руки в крепком захвате Флинта.

Я вижу, как Флинт борется, чтобы сдержать себя, его кулак отодвигается назад, чтобы нанести удар, который может убить. Он смотрит на меня, и я качаю головой. Я хочу подойти к нему, вернуть его и убедиться, что он не сделает ничего такого, что может

разрушить его жизнь. Как бы я его ни ненавидела, Донни этого не стоит. Он ни стоит и капли крови Флинта, и минуты его времени.

– Не нужно, – кричу я. – Просто удержи его, Флинт.

– Копы уже в пути, – кричит Рэд.

Донни начинает бороться, но Флинт удерживает его всем своим весом.

Я чувствую, как кровь стучит в моих ушах, и руки дрожат так сильно, что мне приходится сжать их вместе перед собой. Когда, в конце концов, синие огни рассекают небо и вой сирены прорезают воздух, я держусь за Рэда, чтобы не упасть. Он хватает меня под руки, когда мои колени ослабевают, удерживая меня в вертикальном положении и прижимая к себе. Я откидываю свою голову на мягкую ткань его фланелевой рубашки, когда шок проходит сквозь всё мое тело, заставляя дрожать. Все ушины пульсируют от боли, а в голове стучит от удара Донни.

Я в безопасности в кольце рук Рэда, я смотрю, как копы надевают наручники на Донни и утаскивают его. Некоторое время они удерживают и Флинта, пока он не рассказывает, что произошло. Копы смотрят на меня, и я знаю, что они захотят поговорить со мной. Мне нужно рассказать им все.

Мне, наконец, нужно собрать достаточно сил, чтобы улечь Донни за решетку навсегда.

ГЛАВА 42

Флинт

Я всё ещё не могу усидеть на месте. Рэд разместился на стуле в углу, наблюдая за мной, как я хожу из угла в угол в комнате ожидания в больнице. Полиция забрала Донни за нападение и попытку похищения Мисси. Мою бедную девочку отвели обратно в больницу, чтобы обработать все её травмы. Я даже не хочу думать о том, что этот мудак делал с ней. Теперь я жду новостей о двух самых важных для меня людях на этой земле. Доктор отказался впустить меня в отделение неотложной скорой помощи, чтобы увидеть Мисси. Хадсон всё ещё в операционной. Прошло уже несколько часов. А такое ощущение словно недели.

Я беспомощен, вышагиваю по полу, потому что больше ничего не могу сделать. Медсестра за стойкой регистрации, наконец, сказала, что мне не нужно уточнять у неё новости каждые пять минут. Она сама подойдет, когда можно будет увидеть Хадсона или Мисси. Я не уверен, что когда-либо чувствовал себя таким беспомощным.

Скрипучие звуки шагов раздаются позади меня, и Рэд простирает горло. Медсестра со стойки регистрации стоит в дверях.

– Сейчас вы можете увидеть свою сестру, – говорит она.

Она ведет меня и Рэда вниз по коридору и толкает тяжелую дверь.

– Она спит, – тихо предупреждает медсестра. – Ей дали успокоительное, так что не будите её.

Я киваю и подхожу к кровати.

Мисси дышит равномерно, её зрачки двигаются за плотно сомкнутыми веками. Небольшие повязки прикрывают порезы на её глазах и щеках, кожа на её висках приобрела фиолетовый оттенок. Я подтягиваю простыни и одеяло, чтобы они прикрывали её по горло. Она кажется такой крохотной под одеялом. Словно маленькая девочка, которой она когда-то и была. Я передвигаю стул рядом с её кроватью и усаживаюсь на него, обхватывая руку Мисси своей, поглаживая пальцами костяшки её пальцев. Рэд тоже усаживается, на его лице написано такое волнение, что мне хочется обнять его. Эта ночь была просто ужасной, но она могла закончиться ещё хуже для Мисси.

У неё теплые ладони. Медсестра сказала, что с ней всё будет хорошо, но я не так в этом уверен. Когда она проснется, сможет ли Мисси продолжить жить без страха? Я сделаю всё возможное, чтобы хорошенько о ней позаботиться после всего пережитого. Если всё будет по-моему, Донни никогда не выйдет из тюрьмы. У меня с Хадсоном есть хорошо оплачиваемые адвокаты, которые смогут это организовать. Наклоняясь вперед, я кладу голову на кровать, вздыхая, когда некоторые мои мышцы расслабляются.

Я не знаю, как долго я пролежал в таком положении. Может быть, я ненадолго уснул, потому что следующее, что я помню, как кто-то тихонько трясет меня за плечо. Я поднимаю взгляд на Мисси, проверяя, спит ли она ещё, прежде чем обратить внимание на

доктора Хадсона. Он кивает в сторону двери. Рэд спит на стуле, и я решаю не будить его. Мне нужно услышать всё самому. Я не смогу оставаться сильным в чьем-то присутствии. Не смогу держать себя в руках, когда увижу, как другие рядом со мной ломаются под тяжестью услышанного.

Моё сердце уходит в пятки, когда я следую за врачом. Он хочет приватного разговора. Это не очень хороший знак.

Доктор кладет руку на моё плечо и крепко его обхватывает. Потом улыбается.

– Операция прошла успешно, – говорит он.

На секунду я просто смотрю на его рот, пытаясь соединить вместе то, что он мне сказал.

– Всё прошло хорошо, Флинт, – повторяет он снова, как будто понимает, что его слова до меня не дошли.

Весь воздух вырывается из моих легких. Я даже не осознавал, что задерживал воздух до этого момента.

– Нам удалось удалить всю опухоль, края полностью чистые.

– С ним всё будет хорошо? – спрашиваю я. Это слишком много, чтобы надеяться.

– Из лаборатории пришли отчеты о патологии, и опухоль доброкачественная. Злокачественных клеток не обнаружено. Головные боли и судороги возникали в той области, где опухоль прижимала нервы. У твоего брата есть хорошие шансы на полное выздоровление.

Я делаю глубокий вздох. Если бы я был верующим человеком, я бы помолился прямо сейчас. Вместо этого мои губы раздвигаются в усмешке. Идти против воли Хадсона было одним из самых сложных решений, которые я когда-либо принимал в своей жизни, но оно было верным.

Я мог сегодня ночью потерять Хадсона и Мисси. Всё могло закончиться тем, что мне бы пришлось хоронить их обоих. Вместо этого свершилось чудо, и они оба в порядке.

– Спасибо, – говорю я, хватая доктора за руку и энергично пожимая её.

Он улыбается, затем кивает в сторону кровати, прежде чем вернуться в коридор.

Я поворачиваюсь и обнаруживаю, что Мисси уже очнулась. Я знаю, что она слышала всё, что сказал доктор, потому что слёзы градом льются из её невероятных глаз, а улыбка сияет, словно яркое солнце.

– С ним всё в порядке, – говорит она. – С всё будет хорошо.

Рэд шевелится на стеле.

– С ним всё будет в порядке, парень, – повторяю я, и Рэд моргает, прежде чем улыбнуться.

Мисси протягивает ко мне руки, и я иду к ней, крепко её обнимаю и прижимаю к своей груди.

Я слегка отодвигаюсь, глядя на неё, на эту маленькую девочку. Она изменила наши жизни много лет назад, когда ворвалась в них, нуждаясь в любви и защите, и теперь она снова это сделала.

Я оставляю на её лбу легкий поцелуй, следуя по кривой вдоль её лица, прокладывая путь вдоль её челюсти, позволяя губам едва касаться повязок, покрывающих её порезы. Приподнимая подбородок Мисси одним пальцем, я прижимаюсь своими губами к её, в успокаивающем поцелуе, позволяя нашему дыханию смешиваться. У Мисси вкус ванили. Я слегка смещаюсь, чтобы она почувствовала себя в безопасности, ощутила себя любимой. Я поднимаю руки вверх, запуская их в короткие шелковистые пряди, и притягиваю её ближе к себе. Боже, Мисси такая красавая.

– С тобой тоже всё будет хорошо, – говорю я.

– Да, – соглашается она, – Они забрали его?

– Да, – отвечаю я. – Нам нужно будет оставить заявление, когда тебе станет лучше.

– Прости, я не сказала тебе, что произошло со мной… о Донни.

– Всё в порядке, детка.

– Нет, не в порядке. Я хотела сказать тебе… и Хадсону. Но я так сильно привыклаправляться со всем сама, и мне было так стыдно.

– Тебе не нужно об этом больше волноваться, ладно. Донни будет осужден во всем, что мы только сможем предъявить ему, и он останется за решеткой очень надолго. Он больше не причинит тебе вред.

Я даю Мисси это обещанию, потому что собираюсь сделать целью всей своей жизни – обеспечить этой девушке безопасность. Теперь, когда она снова вернулась в мою жизнь, я никогда её не отпущу.

ГЛАВА 43

Хадсон

Солнце сверкает на кобальтового цвета воде бассейна, отбрасывая отблески света на внутренний дворик. Я откидываюсь на шезлонге, наблюдая, как Мисси резвится в теплой воде, смеется, прыгая бомбочкой с трамплина и обрызгивая Флинта, который переворачивает гамбургеры на гриле. Вот она наша сегодняшняя настоящая жизнь, и это так чертовки сладко.

Я выздоравливаю, медленно, но выздоравливаю. Первые несколько недель были очень трудными, одними из самых тяжелых с тех пор, как мне поставили диагноз. После операции, всё казалось таким странным, шаг за шагом. Мой мозг казался таким медлительным, и мысли тянулись, будто я пробирался сквозь толщу воды. Рана затягивалась дольше, чем обычно, но врачи этого ожидали, так как операция проводилась экстренно. Весь остаток жизни я буду находиться под постоянным наблюдением, чтобы убедиться – опухоль больше не появится, но я не против, потому что у меня появился второй шанс.

Второй шанс, которого у меня не было бы, если бы не мой брат.

Поначалу, всё усугублялось тем, что Мисси и Флинт ухаживали за мной, словно за ребенком. Даже не позволяли мне попить самостоятельно, но без них я бы никогда не справился со всем. Я проглатываю ком в горле, наблюдая за Флинтом, перегнувшимся через край бассейна, и смеющейся Мисси, смахивающей капли воды пальцами с его лица.

Мне нравится этот звук. Это полное счастья, и оно наполняет моё сердце.

Бывают дни, когда я не могу поверить, что всё ещё жив. Когда я просыпаюсь от глубокого сна и вижу солнце, ярко светящее сквозь шторы, когда я могу чувствовать запах дождя и слышать пение птиц.

Всё выглядит как-то ярче. Остро, словно булавка.

Жизнь – это драгоценный дар, и я бы никогда это не почувствовал, если бы почти не потерял её. Настолько драгоценна, чтобы понимать, нет смысла тратить её на что-то неясное. Даже один день.

Когда я вернулся из больницы, Мисси стала приходить ко мне в кровать посреди ночи, проскальзывая под одеяло и прижимаясь ко мне. Ей снятся кошмары о Донни, поэтому я укладываю её поближе к себе, помогая прогнать ночные страхи. Я ничего не ожидал после всего, что произошло. Я люблю её, и она любит меня. Я чувствовал это глубоко в своей душе, так же, как знал это, когда мы ещё были детьми.

Потребовалось какое-то время, чтобы эта любовь перешла в нечто большее на физическом уровне. Я не хотел что-либо предпринимать. Знал, что она травмирована. Иногда по утрам, Флинт заходил в комнату, и мы все вместе заваливались смотреть телевизор с чашками кофе и тарелками тостов. Мы старались идти вперед постепенно.

Привыкали делить пространство. Привыкали делиться Мисси.

Я знаю, что она разговаривала с Флинтом об этом до того, как всё произошло. После он мне сказал, что она пришла к нему, чтобы рассказать о своих чувствах к нам обоим. Её мучили противоречия, потому что она любила нас и не могла найти способ поступить правильно.

Думаю, Флинт смог подобрать верные слова, чтобы убедить её, что всё будет хорошо, потому что однажды ночью Мисси пришла ко мне, спустя несколько недель после того первого раза, когда она искала утешения, проскользнула под одеяло и прижалась своим телом к моему, бормоча в мои губы, что любит и хочет меня. На ней ничего не было, кроме черного лифчика, надетого на ней в первый раз, когда мы занимались сексом. Я позволил ей тогда поцеловать себя, потому что тоже жаждал этого.

Она толкнула меня спиной на постель той ночью, отказываясь отпускать.

— Ты спокойно лежишь, — прошептала она мне в ухо. — Никаких лишних движений от моего любимого пациента.

Поэтому я откинулся на спину, когда она своим телом скользнула вниз, её губы оставляли горячую дорожку на моей груди. Господи, она так хорошо ощущалась, её язык посыпал горячее пламя по моей коже, когда Мисси прочертила свой путь по моему прессу, её голова опускалась, чтобы захватить головку моего члена в рот, её горячий бархатистый язык против моей чувствительной кожи. Я схватил пальцами её волосы, когда она стонала напротив меня, жаркая волна поднималась из глубин моего тела. Я не мог поверить, что Мисси была здесь.

Она скользнула назад вверх по моему телу, потираясь о меня каждым своим дюймом и прижалась губами к моим, заявляя на меня права. Когда она приподнялась, лунный свет озарил её, склонившееся надо мной, лицо, и я увидел чистую любовь, горящую в её глазах. Моя маленькая фея. Моя птичка. Моя сводная сестра. Моя любовница. Я не мог не想要, чтобы она принадлежала мне.

Я не знаю, как это произошло. Может быть, судьба хотела, чтобы мы были вместе, хотя наши пути на некоторое время разошлись. Когда я думал о том, где я нашел Мисси впервые, мое сердце обливается кровью. Этот беспомощный ребенок остался на холоде, один и не было ни одной души, чтобы позаботиться о ней. Потом обстоятельство разлучили нас на время. Возможно, нам было суждено стать такими. Найти друг друга в самые тяжелые времена наших жизней со всеми этими воспоминаниями, что сблизили нас. Не думаю, что это простое совпадение, что мы познакомились друг с другом в чате. Это было чем-то большим.

Спустя столько дней, я чувствую, что может быть, это наши души притягивались друг к другу. Или, может быть, мы все любили друг друга в прошлой жизни. Для меня, Мисси и Флинта, это что-то куда более значимое, чем обыденная картина мира.

Затем Мисси опустилась на мой член, отклонив голову назад, пока она скользила вниз, медленно, осторожно принимая всю мою длину. Я наблюдал, как она откинулась назад, прогибаясь в спине, руками упервшись в мои бедра. Я потянулся и ухватил её за

ягодицы, потянув её обратно на себя, создавая легкий ритм покачивания. Не было никакой спешки. У нас была впереди вечность.

Я слышал звуки, вырывающиеся из горла Мисси, низкие мяукающие стоны. Когда я посмотрел вверх, то увидел Флинта, стоящего в дверях и наблюдающего за нами. Я поманил его. Это было правильно, все мы трое. Так есть, так было и так будет всегда. Судьба связала нас много лет назад, и теперь снова собрала вместе.

Мисси дернулась, когда Флинт устроился позади неё, широко открыв глаза, когда он скользнул руками по её талии. Она остановилась, глядя на меня с вопросом на её лице. Я кивнул... этого было достаточно, чтобы она поняла, что здесь нет места для ревности. Она кивнула, и в этот момент всё встало на свои места.

Она повернула к Флинту лицо, его голова была напротив её, и захватила его губы в глубоком поцелуе. Я наблюдал, как он пальцами скользит по её ребрам, заставляя её плоть дрожать, а живот трепетать. Мисси облокотилась затылком о его грудь, пока руки Флинта обхватили её бедра, вынуждая её скользить вверх и вниз по моему члену. Его пальцы опустились ниже и двинулись по завиткам волос, покрывающим её лобок, пока его пальцы не добрались до скользкого клитора, они щипали его, пока он не распух. Затем Мисси застонала, её голова откинулась на Флинта, когда он обвел ее тугую горошину и провел языком вдоль плеча. Я схватил её за внутреннюю часть бедер, раздвинул половые губы, наблюдая, как мой член скользил внутрь и наружу из её влажного жара, как плотно обхватывало ее лоно мой член. Лицо Мисси было расслаблено от удовольствия, взгляд расфокусирован, в то время как она наслаждалась тем, что мы оба касались её одновременно.

Флинт удерживал её, когда она кончала, тело Мисси натянулось, как тетива, а киска пульсировала вокруг меня. Флинт переместился, подняв ее и поставив на колени. Губы Мисси обхватили мой член, ещё скользкий от её соков, когда Флинт толкнулся в неё сзади. Она мурлыкала на мне, с каждым толчком погружая мой ствол все глубже в свой рот, подталкивая всех нас к краю.

Сейчас Мисси наша. Мы оба любим её, и она любит нас. Мы замкнутый круг, нас трое и мы едины. Здесь не место ревности или недоверию, только любовь и счастье, что мы здесь все вместе.

И мы все благодарны за этот второй шанс.

ГЛАВА 44

Флинт

В дали солнце зашло за горы, и воздух приятно холодит кожу. Наши тарелки опустели, а бутылка вина на столе наполнена лишь наполовину. Мисси устроилась на коленях Хадсона, откинув голову назад, она смеется над чем-то, что ей шепчет на ухо Хадсон. Фонари оставляют отблеск на её лице, её изменчивые глаза цвета вод океана сияют. Такой и должна быть наша жизнь, всегда.

Меня охватывает грусть, когда я думаю обо всех тех годах, что мы провели порознь с Мисси, но теперь, когда она вернулась, мы наверстаем упущенное. Каждый день с ней – это сокровище. Она совсем не похожа на ту испуганную девушки, которая ворвалась в нашу жизнь несколько месяцев назад. Эта Мисси – смелая и дерзкая, любящая и заботливая, счастливая и беззаботная. Я не могу представить свой мир без неё. Или Хадсона.

Выздоровление Хадсона ни что иное, как чудо. Я действительно думал, что та ночь с приступом будет его последней. Я до сих пор не могу вспоминать ее без содроганий. Я почти потерял их обоих. И сделаю всё возможное, чтобы подобное больше никогда не повторилось.

Мисси, наглая маленькая фея, которой она и является, нежно покусывает ухо Хадсона, проводит одной рукой вдоль его плавок. Он улыбается мне, но я всё ещё вижу тени под его глазами. Его восстановление идет медленно, но Хадсон не сдается. Я уверен, что Мисси в этом ему помогает. Он наклоняется и что-то шепчет ей на ухо, её рот слегка кривится в неудовольствии, но она кивает. Затем она встает и подходит ко мне.

– Хадсон сегодня устал.

Я смотрю на брата.

– С тобой всё хорошо?

– Да, я просто чувствую небольшую усталость.

Мисси посыпает ему улыбку через плечо.

– Хорошо, детка. Ты можешь отдохнуть... и понаблюдать.

Я хватаю её за бедра и подтягиваю к своим коленям, усаживаю, чтобы Мисси оседлала мои бедра. Её купальник всё ещё влажный, и ночной воздух ласкает её кожу, натягивая ткань верха её бикини затвердевшими сосками. Я отодвигаю треугольники ярко-розового цвета в сторону и прихватываю одну из розовых вершин зубами. Когда я прикусываю ее плоть, Мисси вздрагивает и выгибается у моего рта. Я скользжу рукой вокруг её миниатюрной спины, плотнее притягивая к себе, удерживая на месте, когда я перехожу от одной вершине к другой, лаская каждую своим языком, прежде чем посильнее втянуть твердый бутон, пощипывая другой пальцами, дразня жесткие чувствительные пики.

Прошло не так много времени с тех пор, как она перестала возражать против того, чтобы мы могли видеть её грудь. Это было очень болезненно для Мисси, преодолеть тот стыд, который она испытывала, но это было то, что ей нужно было сделать, чтобы по-настоящему сбросить оковы, которые использовал Донни, контролируя её. Я неустанно говорю ей, что каждый дюйм её тела прекрасен для меня. Её шрамы – это просто жизненный путь. У меня их тоже достаточно. Я говорю Мисси, что каждый шаг, который мы совершали в жизни, приблизил нас этому счастливому моменту. Кто знает, будь наши жизни более стабильными, возможно, мы бы никогда вновь не встретились.

Мисси начала задыхаться, её бедра стали тереться напротив моего члена, который твердеет под ее прикрытым купальником задницей.

– Поцелуй её, – приказывает мне Хадсон.

Я выпускаю сосок Мисси изо рта, а задницу из рук, и тянусь, чтобы запутать пальцы в её светлые волосы, которые сейчас достигали плеч. Прижимая её к себе, я прихватываю её нижнюю губу. Мисси выдыхает мне в рот, и я проталкиваю язык между её приоткрытых губ, пробегая по её нежной плоти изнутри, толкаюсь дальше, пока не сплетаюсь с её языком. На вкус Мисси, словно мёд и солнце. Её руки обвивают меня за шею, когда она углубляет наш поцелуй, поглощая меня, словно вкуснейший десерт.

Она отрывается от меня и с улыбкой смотрит на Хадсона.

– Это было достаточно хорошо для тебя? – дразнится она.

– Прекрасно, – выдыхает он.

Когда брат смотрит на неё, я могу видеть любовь в его глазах.

Мисси снова переводит взгляд на меня, обхватывая мои щеки своими теплыми ладонями.

– Я люблю тебя, – тихо говорит она, и моё сердце наполняется чувствами.

– Я тоже люблю тебя, детка. Так сильно.

Она целует мои губы, затем широко улыбается, её улыбка полна радости.

Затем она сползает с моих коленей и поворачивается лицом к Хадсону с бедром, дерзко отведенным в сторону. Потянувшись назад, она дергает за верёвочку верха её бикини, и он падает вперед, соскользнув с её шеи. Она размахивает лифчиком, зажав его между двумя пальцами, прежде чем выбросить его в темноту. Затем становится в пол оборота и наклоняется, её задница такая сексуальная и округлая, руки Мисси скользят вверх по ее ногам и изгибам до того, как она подцепляет ярко-розовый низ бикини пальцами и опускает его вниз, медленно и неспешно, прежде чем изящно выпутаться из трусиков. Она снова наклоняется и немного покачивается, губы её киски выглядывают между влажных завитков.

– Тебе нравится то, что ты видишь?

Я протягиваю руку и гладжу окружную ягодицу, прежде чем оставить легкий шлепок.

– Давайте поднимемся наверх, – предлагает Хадсон.

Я беру Мисси в охапку и зацикываю на плечо, смеясь, когда она визжит и кусает меня за спину. Хадсон идет рядом с нами, когда мы направляемся в дом, скользя руками по икрям Мисси и её заднице, передвигаясь, чтобы прихватить её соски. Мы, наконец, заходим в новую спальню, и я кидаю Мисси на гигантскую кровать с нежным шлепком. Хадсон наклоняется и шепчет ей что-то на ухо, втягивая её в глубокий поцелуй, прежде чем передвинуться к изголовью, облокотившись на него спиной. Мисси слегка улыбается ему.

– Я люблю тебя, Хадсон.

Она устраивается на кровати, свесив ноги над краем, ее кожа порозовела от солнца и похоти. Я наклоняюсь над Мисси и провожу рукой от ее горла до холмика между бедер.

– Раздвинь ноги, – приказывает ей Хадсон.

Она начинает делать так, как он просит, и я ей помогаю, скользя рукой по её бедру, чтобы раздвинуть колени, её киска открывается для нас, уже покрасневшая и блестящая, нижние губы припухли в нетерпении.

– Шире, – говорит он.

Мисси раздвигает ноги шире, глядя на моего брата. Возможно, сейчас он просто наблюдает за нами, но это не значит, что он не чувствует.

– Прикоснись к себе, – шепчет Хадсон.

Она улыбается мне, и её руки скользят по телу, пощипывая соски и глядя живот. Хадсон наклоняется вперед, внимательно наблюдая за Мисси. Я знаю, что он любит, когда она это делает. Она приподнимает одну ногу и слегка прижимает её рукой к груди, ещё больше открывая киску нашим жадным взглядам. Я прикусываю пальцы её ног зубами и смотрю, как мурашки бегут по её коже. Мисси направляет пальцы вниз, гладя их кончиками клитор, прежде чем скользнуть одним в гладкий вход. Она смотрит на Хадсона, ни на секунду не отрывая взгляда от его лица, когда добавляет ещё один палец, её задыхающиеся стонны становятся ещё громче. Мисси скользит пальцами внутрь и наружу, покачивая бедрами, чтобы её рука продолжала двигаться, я держу её ногу неподвижно, прижимая ее к Мисси.

Я вижу, как её грудь начинает быстро подниматься и опускаться, как она яростно толкается в свою мокрую киску, Мисси всё ещё смотрит на Хадсона.

– Заставь её кончить, – говорит он мне.

Я знаю, насколько брат хочет это сделать сам, поэтому он должно быть действительно очень устал. Я наклоняюсь и зажимаю клитор между пальцами, кружка вокруг пульсирующего бутона. Бедра Мисси прижимаются к моей руке, она убирает от

себя ладонь только для того, чтобы я заменил ее своей. Затем я зажимаю её клитор и проталкиваю свои толстые пальцы в её вход, она выгибается, и стон вырывается из её горла, когда всё тело Мисси сотрясается в освобождении. Я притягиваю её к себе, удерживая, пока она не перестает дрожать.

— Ммм... — выдыхает она, лениво улыбаясь, и оставляет легкий поцелуй на моих губах.

Я ласково гладжу ноги Мисси, давая ей время, чтобы отойти от оргазма, раскинув руки в стороны в расслабленном экстазе. Она поднимается на колени и устраивается у моих ног. Мисси поворачивает меня так, чтобы Хадсон имел прекрасный вид сбоку, и стягивает мои плавки, бросая их в угол. Мой член вырывается, слегка подпрыгивая перед её ожидающим ртом. Она улыбается Хадсону, затем мне, прежде чем посильнее ухватиться за основание и слегка потянуть. Я чувствую, как удовольствие рикошетом отдается по всему телу. Мисси скользит рукой по всей моей длине, прежде чем высунуть язык и щелкнуть им по пульсирующей головке. Моё дыхание начинает прерываться, когда она медленно проводит языком по моей эрекции от основания до вершины, прежде чем позволить члену проскользнуть между её губ и зубов. Она начинает сосать, кружка языком по чувствительной коже, уделяя особое внимание щели на моем стволе. Я не двигаюсь с места, позволяя ей делать то, что она хочет. Мисси так сильно сосет только головку, её рука начинает двигаться вверх и вниз по всей моей толстой длине. Я опускаю руки на её голову, запуская их в её волосы. Её рот увлажняет мой член, а её рука скользит по всей гладкой плоти.

— Господи, да, — вырывается у меня стон, моя голова откидывается назад, когда она открывает рот шире, и её губы скользят до самого основания моей эрекции.

Я чувствую заднюю часть его глотки вокруг моего кончика, и это заставляет член дергаться, потираясь о её небо. Её рот обхватывает меня так плотно, увлажняя, двигается по всей длине, чтобы снова и снова опускаться вниз, пока мои колени не начинают дрожать от натиска её горячего языка.

Мне нужно её остановить, потому я не хочу кончить таким образом. Сегодня, я хочу кончить глубоко в Мисси, крепко держа её в своих объятьях и показывая, как много она значит для меня, но до того, как это произойдет, я должен её попробовать.

Поглаживая её лицо, я отстраняюсь.

— Ложись, детка, — говорю я ей.

Она делает то, что я прошу, поэтому я опускаюсь на колени на краю кровати и подтягиваю её вперед, оставляя её колени по бокам от себя. Я раздвигаю её ноги, провожу руками по икрям вверх к её бедрам, гладжу большими пальцами выпирающие косточки таза. Она так прекрасно пахнет, мускус и сладость, запах, поражающий меня до самой моей сердцевины. Я вдыхаю его, обхватываю обе лодыжки Мисси и закидываю к себе на плечи. Она задыхается и подталкивает бедра ближе ко мне, колени раздвигаются ещё шире, открывая ее для меня ещё больше. Она жадная девчонка и снова готова кончить так скоро, но я отступаю, чуть подув на ее живот, наблюдая, как по нему пробегают мураски.

Мисси дуется на меня, ее губы поджаты от разочарования. Я улыбаюсь ей, прежде чем прихватить зубами мягкую кожу на внутренней стороне бедра.

Господи, её тело великолепно. Такое идеальное в своем несовершенстве и всё наше. Мисси двигается мне навстречу, затем вздыхает, когда я успокаиваю её легкими укусами, поглаживая ее кожу языком, оставляя широкие влажные дорожки на её ногах и животе. Я обвожу пупок, медленно спускаясь вниз. Она хватает меня за волосы и пытается направить мою голову вниз, желая, чтобы я коснулся ее киски.

– Оближи меня, Флинт, – умоляет она, и как я могу ей отказать.

Когда я, наконец, прижимаюсь к её лепесткам, раздвигая их своим языком, Мисси мурлычет, звук зарождается где-то в ее горле, и приподнимает бедра ближе к моему рту. Не занимает много времени, чтобы подвести её к краю, бедра Мисси дергаются, ища освобождение. И когда я все же втягиваю её клитор в рот, с жадностью посасывая, он пульсирует на моем языке раз, затем ещё дважды, и я знаю, что Мисси кончает, бессмысленные крики вырываются из её горла, тело дергается в конвульсиях подо мной.

– Красота, – хвалит нас Хадсон.

Я смотрю наверх, чтобы увидеть брата, поглаживающего свой член. Я не могу себе представить насколько возбужденным он должен быть сейчас. Возможно, он не чувствует себя достаточно хорошо, чтобы принимать участие, но это не значит, что Мисси не может доставить ему удовольствие. Я наклоняюсь к ней и целую в шею, за затем тихо говорю, что, по-моему, нужно Хадсону.

Он её нежно целует, когда она подползает ближе к брату, чтобы сесть ему на колени. Он что-то, сопротивляясь, бормочет, когда она тянется к его шортам, ища его член. Мисси качает головой, и нежно гладит его плоть от самого основания до кончика, целуя его губы со всей нежностью и любовью, которую я знаю, она к нему испытывает.

Уходит немного времени, чтобы довести Хадсона до оргазма. Шоу, которое мы ему устроили, завело его и почти подвело к краю, прежде чем Мисси даже прикоснулась к нему. Хадсон вздыхает, когда кончает, притягивает Мисси за шею к себе для нежного поцелуя.

– Я люблю тебя, детка, – говорит он, и она трется своим носом о его.

– Я знаю, – отвечает она, поглаживая его грудь.

Комок застrevает у меня в горле от их нежностей. Смотреть, как два человека, которых я люблю больше всего на свете, любят друг друга – самое лучшее чувство. И знать, что всё было бы немного по-другому, не выживи хоть один из них, делает это ещё слаще.

– Ты подаришь моему брату такое же облегчение? – спрашивает у неё Хадсон.

– Я надеюсь, что Флинт займется любовью со мной сладко пресладко, – отвечает она, глядя на меня через плечо.

Её глаза цвета океана сияют, и я улыбаюсь ей, подползая к Мисси, к этой колдунье, которая перевернула мой мир. С тех пор, как она снова вошла в нашу жизнь, бурлящее желание борьбы, которые постоянно жило внутри меня, сколько я себя помню, успокоилось. Я всё ещё сосредоточен на тренировках, но в такие моменты чувствую спокойствие.

Кажется, Мисси хочет сегодня всё контролировать, потому что она просит меня расположиться на спине. Мой член толстый и твердый, возвышается над моим телом, пульсируя в такт моему сердцу. Я смотрю, как она заползает на меня сверху, прижимаясь своей грудью к моей, целуя меня теми же губами, что только что целовала Хадсона. Всё в Мисси такое мягкое, теплое и совершенное. Она протягивает руку и хватается за мой ствол, приподнимает бедра, размещая его между своими набухшими нижними губами, и опускается вниз.

Я стону, когда ощущаю влажный жар, обволакивающий меня. Нет ничего на свете лучше, чем быть внутри моей девочки, чувствовать её доверие, которое она дает мне каждый раз, когда любит меня таким образом. Доверие, которое так трудно кому-то подарить.

Она продолжает скользить на мне, её руки упираются о мои бедра, и я теряюсь в её ритме, позволяя Мисси раскачиваться на мне, когда кладу руки на её задницу, сжимая нежную плоть. Она снова движется вверх и вниз, увеличивая интенсивность своих толчков.

Моё дыхание вырывается рваными вздохами, когда она скачет на мне, опуская своё тело на моё снова и снова. Внезапно Хадсон встает на колени рядом с нами. Она продолжает скакать на мне, когда он наклоняется и покрывает поцелуями её грудь, её красивую, покрытую шрамами грудь. Он целует каждую метку так нежно, что я вижу слезу, скользящую по щеке Мисси. Хадсон обхватывает её губы своими, поглаживая влажный соленый след, говоря ей, что она отныне принадлежит нам, и что больше ничто не причинит ей боль. Его слова – это то, что посыпает Мисси через край, её киска ещё плотнее обхватывает мой член, а тело сотрясает дрожь освобождения. Я тоже отпускаю себя, входя в неё до упора и проливаясь глубоко в её тело.

Хадсон прижимает Мисси к себе, и я сажусь, всё ещё запертый внутри неё, целуя её плечи.

– Я люблю тебя, я люблю тебя, – бормочет он ей в волосы

– Я люблю тебя, – присоединяюсь я, уткнувшись в её влажную шею.

Мисси целует Хадсона, потом поворачивается, чтобы поцеловать меня, устроившись между нами.

Она вздыхает, и это прекрасно. Быть любимым за всё, кем ты был, кем ты являешься и кем будешь. Наша общая история кружится вокруг нас, когда Мисси расслабляется, позволяя обнять ее и уложить на кровать между нами.

И точно так же, как мы привыкли устраиваться в далеком детстве, воспоминания о котором померкли в моей голове, но все еще живут в моем сердце, мы засыпаем с нашей Мисси между нами, защищая её от всего мира.

Однажды давным-давно, ребенка бросили одного за мусорным баком. Судьба подарила нам её тогда, а потом забрала, но я уверен, что на этот раз ничто не разлучит нас.

ЭПИЛОГ

Мисси

Внутри клуба темнота. Я стою на балконе клуба «Запретный», вглядываясь в сверкающий зал внизу. Я жду, когда мужчина подойдет сзади, жду, чтобы услышать заветные слова. Атмосфера меняется, и я могу с уверенностью сказать, что он уже там, очень близко, но не касается меня.

Пока не притрагивается.

Волосы немного щекочут кожу на моей шее, и я слышу, как Хадсон произносит.

– Каждую ночь, когда я ложусь спать, я умираю.

Он притягивает меня назад, прижимаясь своими бедрами к моим. Я чувствую, как член пульсирует между нами. Он тянет за мою короткую юбку, поднимая её к моей талии, стон раздается у моей шеи, когда он чувствует голую кожу внизу. Я покачиваю бедрами и раздвигаю ноги шире, приглашая. Он сжимает одно мое бедро и скользит пальцами вниз, запутываясь в кудрявых волосах, покрывающих мой холмик, прежде чем протолкнуться пальцем в гладкую щель моей киски. Его палец скользит глубже, двигаясь в быстром темпе, прежде чем высокользнути обратно и закружиться вокруг клитора. Я опускаю вниз и накрываю своей, побуждая его погрузить пальцы внутрь меня. Я задыхаюсь, откидывая голову Хадсону на грудь, позволяя ему удерживать мой вес, когда я раскаиваю своими бедрами на его руке, моя киска пульсирует вокруг его пальцев.

Когда мои колени подгибаются, Флинт здесь, удерживая меня, целуя меня.

– Я люблю тебя, – говорит он напротив моего рта.

Он и Хадсон образуют стену вокруг меня, защищая, пока я тону в удовольствии, которое они мне дарят. Хадсон сжимает клитор, тянет за него, прежде чем погрузить пальцы обратно в мой гладкий проход. Я насаживаюсь на его руку, когда Флинт покрывает горячими поцелуями мою шею.

– Ты прекрасна, – признается он, – ты единственная девушка, которую мы когда-либо любили.

– Кончай, бесценная, – рычит Хадсон мне на ухо.

Этого слишком много, слова, которые я хочу услышать, проходят через меня, в то время как пальцы Хадсона вызывают взрыв раскаленной лавы в моей сердцевине. Я прижимаюсь к его пальцам, разбиваясь на миллион сверкающих осколков, когда Флинт просовывает свой язык мне в рот, чтобы приглушить мои крики.

Хадсон выводит меня из клуба, укачивая на руках, Флинт ведет через толпу к выходу на парковку. Я затаскиваю Флинта на задние сиденья внедорожника, усаживая его со мной, Хадсон ускоряется, несясь по улицам к дому. Я не хочу оставаться одна. Я хочу почувствовать руки Флинта на себе.

Хадсон ведет меня по лестнице, когда мы возвращаемся домой. Дом, теперь это и мой дом, здесь с Хадсоном и Флинтом. Мы все попадаем в спальню, недавно увеличенную, со сделанной на заказ кроватью, достаточно широкой, чтобы разместить всех нас.

Хадсон откидывает простыни, аккуратно присаживается и опускает мою юбку вниз по бедрам, в то время как Флинт встает за мной и расстегивает мою рубашку, начиная с верха. Они заботятся обо мне, мои сводные братья, мои любовники, присматривают за мной и охраняют меня. Флинт тянет застежку моего атласного бюстгальтера вниз, выщеловывая свой путь по моим плечам и по спине, дерзая меня и стягивая остатки моей одежды, чтобы отбросить их в сторону.

Сейчас я могу спокойной показывать им себя. Мне потребовалось очень много времени, чтобы почувствовать себя комфортно в моем собственном теле. Хадсон и Флинт были со мной на каждом шагу, направляя меня, любя меня, уверяя, что я более чем просто красива в их глазах. Я доверяю им настолько, как я думала никогда не смогу никому доверять.

Флинт скользит руками по моей груди, обхватив снизу мои полушария, слегка массируя их, подушечки его больших пальцев кружат вокруг моих напряженных сосков. Он пощипывает их, подергивая вперед и назад, вызывая нежные стоны из моего горла.

Хадсон скользит руками по моим икрам, дальше по внутренней стороне моих бедер, кончики его пальцев щелкают по моей киске и располагаются над моим животом. Он наблюдает, как Флинт наклоняет голову и ловит острый пик моего соска, глубоко его всасывая, подразнивая языком. Хадсон раздвигает мои бедра, удерживая мои руки вместе, и погружает свой язык в мою ожидающую глубину. Я поймана между ними, каждый тянет и посасывает меня, пальцы и языки скользят по моему телу в бесконечном чувственном растягивании удовольствии.

Я на коленях, киска растянута сзади, член медленно толкается, входя и выходя в легком ритме. Передо мной на кровати между раздвинутых бедер другой член манит меня к себе, соблазня, чтобы заглотить его глубоко в рот, пока мужские пальцы не запутываются в моих волосах и эрекция не толкается мне в рот, скользя вдоль моего языка. Мне так нравятся их вдохи удовольствия.

Ощущения накрывают меня, поднимая всё выше и выше и удерживая там. Иногда я даже не знаю, чей член глубоко входит в мою киску, а чей толкается в рот, оставляя соленое послевкусие на моих губах. Руки и рты поддерживают меня, пробуют, любят. Произнося шепотом, какая я красавая, любимая и желанная. Я позволяю себе плыть по течению, крепко держась за обещание быть любимой.

Мы спим втроем на одной кровати. Каждую ночь я укрываюсь между Хадсоном и Флинтом, удерживаемая их надежными руками, переплетаясь с ними ногами. Их дыхание тихо звучит в затемненной комнате, убаюкивая меня, так же, как они это делали, когда все мы были никому не нужными детьми.

Я не могу поверить, что мы так далеко зашли. Я была уверена, что умру, что Донни поймает меня и отомстит. Все эти долгие годы пряток и террора подошли к концу. В моей жизни больше нет места для страха. Я знаю, что меня, наконец, любят. Флинт и Хадсон хотят меня и нуждаются во мне, в такой, какая я есть. Также, как я желаю и нуждаюсь в них. Мы замкнули круг, который начался много лет назад, когда Хадсон нашел меня у мусорного контейнера и отказался отпускать. И сейчас я с ними, став цельной. Я больше не ищу свою семью, потому что уже обрела её. Когда я лежу между ними, я знаю, что нашла свое место в этом мире.

С Хадсоном и Флинтом, моими сводными братьями и моими возлюбленными, я, наконец-то, дома.

Внимание!

Текст предназначен только для ознакомительного чтения. После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст, Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.